

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

---

4. 2014 ИЮЛЬ – АВГУСТ

Алим КЕШОКОВ

***

В моих стихах – сиянье ваших глаз,
Ваш гнев, и ваша боль, и ваше пламя,
И ваши слезы счастья в светлый час,
И слезы горя, пролитые вами.

Я в этой жизни не был одинок.
Не жил я в саклях, что стояли с краю.
Какой бы вас огонь, друзья, ни жег,
От этого огня и я сгораю.

Ваш путь в горах тяжел, и у меня
Подошвы стерты и в крови сандалии,
Вы скачете, и я гоню коня,
Чтоб вы быстрее до цели доскакали.

Без вас для песен не найду я слов.
Что я без вас увижу и услышу?
В любую пропасть я упасть готов,
Чтоб вам подняться хоть немного выше.

Вы учите меня, в чем жизни суть,
Мне с вами никакой огонь не страшен.
Мне ваше слово облегчает путь,
И ломит кости мне усталость ваша.

Пока не пробил мой последний час,
Пока мои слова не отзвучали,
Хочу блистать я на глазах у вас
Слезойю счастья и слезой печали.

ГОДЫ ЖИЗНИ А. П. КЕШОКОВА

Кешоков Алим Пшемахович (22.07.1914, сел. Шалущка Чегемского р-на КБР – 29.01.2001, Москва) – кабардинский поэт, прозаик. Окончил двухлетнюю сельскую школу (1924-1926), открытую в 1923 г. его отцом; восьмую ударную ускоренную группу Баксанской окружной с/х школы (1926-1931). После окончания филологического отделения Второго Северо-Кавказского пединститута в г. Владикавказе (1931-1935) работал преподавателем кабардинского языка и литературы на областных учительских курсах подготовки учителей сельских школ. Год преподавал русский язык и литературу на Кабардинском педабфаке, а затем поступил в аспирантуру Института нерусских школ в Москве. В связи с закрытием института вернулся в Нальчик и работал директором НИИ национальной культуры (ныне КБИГИ; 1938-1939).

Служил в Советской Армии, был кадровым офицером (1941-1945), министром просвещения КБАССР (1945-1948), секретарем Кабардинского обкома ВКП(б) (1948-1950). После окончания аспирантуры Института красной профессуры (Академия общественных наук при ЦК КПСС) работал заместителем председателя Совмина КБАССР (1953-1959). С 1959 г. Кешоков

– председатель правления Союза писателей КБАССР и секретарь правления Союза писателей РСФСР, секретарь правления Союза писателей СССР и Литфонда СССР (1970-1980). Член Союза писателей СССР (1939), член КПСС (1941), входил в состав президиума Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки. Он входил в руководство ряда международных и всесоюзных ассоциаций писателей, представлял литературу народов СССР и России на многих международных форумах деятелей культуры. Избирался депутатом Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, Верховного Совета КБАССР.

Алим Кешоков – народный поэт Кабардино-Балкарии (1964), Герой

*Фронтовой снимок:
А. Кешоков с Я. Козловским*

Социалистического Труда (1990), лауреат Госпремии РСФСР им. Горького (1969), Госпремии СССР (1978). Награжден орденами Октябрьской Революции (1974), Ленина (1984), Почетной грамотой КБР (1994).

С именем Кешокова связано развитие кабардинской поэзии и художественной прозы. Значителен его вклад в развитие кабардинской драматургии, публицистики, литературно-художественной критики. Он – автор многочисленных поэтических сборников, нескольких пьес, киносценария, романов, автобиографической повести, рассказов и новелл. Всем своим богатым и разнообразным творчеством он определяет ведущие тенденции развития кабардинской литературы.

Рождение Кешокова-поэта состоялось в начале 30-х гг. Его первые поэтические пробы появились на страницах альманаха «КъаруушI» (Новая сила. 1932), сборника «Япэ лъбакъуэ» (Первый шаг. 1933). Первая поэма – «Бгыльапэхэм деж» (У подножия гор. 1934). Шаги, сделанные молодым Кешоковым, явились продолжением и углублением реалистической традиции, которую в кабардинской литературе развивал Али Шогенцуков.

Характеризуя раннее творчество поэта, М. Сокуров писал: «И по материалу своего творчества, и по его конкретному содержанию, даже по поэтической форме и приемам Кешоков резко отличается от своих предшественников. Сам новый человек, в подлинном смысле слова, он и говорит, прежде всего, о том новом, что связано с воцарением социалистических отношений в жизни, причем выражает это новое в прямой поэтической форме, почти без всякого сопоставления прошлого и настоящего».

В начале 40-х гг. Кешоков создал цикл стихов, ставших вершиной кабардинской лирики довоенного времени («Дорогая мысль», «Вечерний всадник», «Мое солнце», «На мчащемся коне» и др.). Лирический герой во всем великолепии предстает в стихотворении «На мчащемся коне» (1941). Летящий всадник – глубоко национальный образ. Созданный поэтическим воображением поэта, он стал символом идеи вечного движения вперед.

Выход в свет первого сборника стихов и поэм «Бгыльапэхэм деж» (У подножия гор. 1941) совпал с уходом поэта на фронт Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Его служба началась в военном училище, после которого он был направлен в действующую армию сначала редактором дивизионной газеты «За Родину», а затем корреспондентом армейской газеты «Сын Отечества». Работа в газете свела Кешокова с В. Гоффеншефером и К. Кулиевым. Вместе они прошли путь от Сальских степей до Восточной Пруссии.

Целомудренная сдержанность, характерная для стихов военной поры, впоследствии стала отличительной чертой творчества Кешокова. Одним из жанров послевоенной лирики поэта стала лирическая новелла-миниатюра с подробными образными деталями, сквозь которые проступает его авторское мировосприятие (аллегорические баллады).

Послевоенный этап в творчестве Кешокова примечателен пристальным вниманием поэта к событиям и людям, внешне негероическим, но несущим в себе незримый свет трудового энтузиазма, созидательного вдохновения.

В 50-е гг. Кешоков начинает наряду с поэзией работать над прозой. Одновременно он выступает с детскими стихами. Вскоре после Великой Отечественной войны выходят его сказки «Элбэздыкью» (Эльбаздуко) и «Бажэ пшынэ» (Лисья гармонь. 1948). В своих стихах, посвященных детям, поэт описывает ребят с их недетскими проблемами, которые принесла им война («Девочка с косичками», «Мама», цикл стихов «Маринкино яблоко» и др.). Учитель по призванию, по семейной традиции, Кешоков мягко и ненавязчиво рисует детские характеры, психологически точно выписывает портреты юных кабардинцев.

В 50-е гг. в поэзии Кешокова появилась тема о соплеменниках-адыгах-изгнанниках, живущих в странах Ближнего Востока. В 60-е гг. поэтический дар Кешокова достиг наивысшего расцвета. В эти годы написаны стихи «Поэт со своею посадкой в седле», «Рассвет, сделав тени короче», «Кобылицы», «Огонь», «Кинжал», «Солнце и звезды» и др. Программным можно обозначить его стихотворение «Кинжал»: «Мерцает сталь холодная сурово, / И я желаю более всего, / Чтобы сливались истина и слово, / Как лезвия кинжала одного».

Метафорический лаконизм письма, строгая отточенность мысли привели Кешокова к созданию емких стихотворных миниатюр «Усэ шэрыуэхэр» (Стихи-стрелы).

Этапной книгой стал сборник «Кубок неба» (1975), – «высшая точка в поэзии Алима Кешокова» (Д. Кугультинов). Сюда вошел цикл стихов об Индии «Сундур» и др. стихи. Сборник был представлен на соискание Госпремии СССР (1978).

«Лирика Кешокова органически спланировала традиции устной поэзии и творчество Али Шогенцукова с опытом русской поэтической культуры. Поэтику Кешокова, его стиль, фактуру стиха, ритмы невозможно представить без таких компонентов, как разнообразная традиционно-европейская строфика, богатая концевая рифмовка, основанная на известных в русской классической силлаботонике способах, новый, чрезвычайно свободный синтаксис, уже не ограниченный стиховой стройкой, разнообразие интонаций, богатство звукописи, красок, неповторимость ритмов каждого стихотворения, небывалая в кабардинской поэзии оснащенность стиха всеми изобразительными средствами родного языка. Кешоков – создатель нового стиля в поэзии, нового поэтического языка, который, как и всякое подлинное совершенство, почти не ощущается в своей естественности» (М. Сокуров).

Значителен вклад Кешокова в развитие наиболее сложной разновидности кабардинской художественной прозы – многопланового романа. Им издано 9 романов, ставших этапными вехами не только кабардинской, но и горской прозы в целом: «Хьуапсэгьуэ нур» (Чудесное мгновение. 1958), «Мазэ ныкьуэ щхьуантIэ» (Зеленый

полумес. 1965), «Бгышхъэхэр жейркъым» (Вершины не спят. 1970), «Шынэхужьыкъуэ» (Долина белых ягнят. 1971), «Нал къута» (Сломанная подкова. 1973), «Эмирым и сэшхуэ» (Сабля для эмира. 1984), «Кхъужьыфэ» (Грушевый цвет. 1985), «Мазэ кыщцэ-кыгъуэ» (Восход луны. 1977), «Лъапсэ» (Корни. 1991).

Проникнутые высокой нравственностью и гуманизмом, романы Кешокова не только результат самобытного таланта, но и кропотливого труда, широкого кругозора, глубоких знаний в различных областях истории, философии, литературы и искусства. В своих произведениях Кешоков сумел воссоздать и раскрыть летопись поколений, показать истоки героизма и самоотверженности своего народа. Романы Кешокова полны многоголосья времени, живописной красочности, психологической достоверности. В них присутствует элемент типизации, художественного вымысла, обобщения.

«Будучи сыном своего народа, прекрасно зная свой народ, свою землю, историю, свой фольклор, Кешоков, пока плетет канву романа, успевает столько рассказать нам душевного о быте, традициях, обычаях кабардинцев, о разных случаях и происшествиях, хранящихся в коллективной народной памяти, что роман приобретает поистине энциклопедическую ценность и, думается, никогда ее не утратит» (Вл. Солоухин).

О героической борьбе народов Северного Кавказа с немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., об их самоотверженном труде по восстановлению разрушенного оккупантами народного хозяйства социально-историческая трилогия «Долина белых ягнят», «Сломанная подкова», «Грушевый цвет», ставшая этапным произведением для всей национальной прозы о войне. В этой трилогии Кешокову удалось, отталкиваясь от частного, рисуя конкретное, создать обобщенный портрет времени и художественно воспроизвести подвиг всего советского народа.

Под влиянием острых дискуссий вокруг его романов Кешоков все-сторонне исследует обстоятельства, влияющие на национальное своеобразие литератур малочисленных народов. По его мнению, «создать образ современника – глубоко индивидуальный, национально-особенный и в то же время общечеловеческий характер – такая это трудная задача».

Увлекательно и интересно написан цикл зарубежных очерков «Шаги по континентам», куда вошли заметки о Нигерии («Черный свет»), Индии («Борунда»), Сирии («Зерна на дороге»), Вьетнаме («Флаги над холмами»), Эфиопии («Страна молодой революции») и др.

Поэзия, проза, драматургия Кешокова стали достоянием многих стран и народов, его произведения переведены на английский, арабский, испанский, немецкий, русский, словацкий, финский и другие языки.¹

1 Библиографический словарь «Писатели Кабардино-Балкарии».

Борис ЗУМАКУЛОВ,
*секретарь Кабардино-Балкарского
обкома КПСС, первый секретарь
Кабардино-Балкарского обкома КПСС
(1980-1991 гг.), Уполномоченный
по правам человека в КБР, профессор*

**ОН БЫЛ ПРОСТ, КАК ПРАВДА,
И ВЕЛИК, КАК ЭЛЬБРУС**

Я учился на филологическом факультете БГУ. Курс современной литературы нам читал талантливый и влюбленный в поэзию А. П. Кешокова преподаватель Мусарби Гисович Сокуров. Именно он привил нам, студентам, любовь к творчеству Алима Пшемаховича. Может быть, кое-кому сегодня покажется натяжкой, но в то время мы не только читали, но и знали наизусть многие произведения Кешокова, Кулиева, гордились ими, подражая, пробовали сами писать стихи. Я, к сожалению, поэтом не вышел, но многие мои сверстники стали в последующем крупными поэтами и прозаиками. И в этом отношении велика заслуга Алима Пшемаховича.

А. П. Кешоков, уже будучи в руководстве Союза писателей СССР и РСФСР, председателем литературного Фонда СССР, оказывал моральную и материальную поддержку в становлении и развитии литературы Кабардино-Балкарии. Многие ныне живущие известные писатели и поэты с гордостью и любовью вспоминают Кешокова как своего учителя и наставника, сыгравшего исключительную роль в их жизни и литературной судьбе. С большой теплотой говорит Танзила Зумакулова о том, что когда ей была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького, – по тому времени это было знаковое событие, – одним из первых позвонил и сердечно ее поздравил Алим Кешоков. Он в радости и в горе умел быть рядом, а если надо и утешить.

Впервые я лично познакомился с Алимом Кешоковым в 1962 году, когда в республике принимали известного итальянского писателя Джанни Родари, направленного к нам ЦК ВЛКСМ. Тогда А. П. Кешокова – председателя Союза писателей КБАССР, меня – первого секретаря обкома ВЛКСМ, пригласил к себе Тимбора Кубатиевич Мальбахов и очень настоятельно рекомендовал вместе организовать встречи Родари с читателями и, вообще, оказать кавказское гостеприимство. Я, тогда еще совсем не оперившийся комсомольский работник, полностью положился на опыт и авторитет Кешокова. Вместе с Джанни Родари и Кешоковым я объездил практически всю республику, чувствовал и ощущал обаяние Алима, отношение к нему пионеров и комсомольцев. Порой мне казалось, что встречают и устраивают овации не заграничному гостю, а Кешокову. Видя это, он скромно переводил внимание на гостя. А какие тосты говорил Кешоков! Их невозможно повторить, ибо каждый тост был импровизацией, в них он воспевал кра-

соту и гордость Рима и венецианские прохлады, белизну снегов Эльбруса, разноцветье альпийских лугов. Я слушал, впитывая каждое слово, и понимал: застолье на Кавказе – это часть культуры горцев, а тамада – активный пропагандист ее.

В завершение пребывания Кешоков принял гостя у себя дома, в Большом переулке, сейчас это улица Хуранова. Были Т. К. Мальбахов, А. Н. Ахохов, – Надежда Федоровна, жена Алима, потчевала гостей. Я пытался быть наливающим, но Алим Пшемахович возразил, сказав: «У нас в республике только два первых секретаря обкома, один из них ты, Борис, тем более что ты мой гость, а шагарет у нас имеется». И в этот момент появился стройный молодой человек, который очень тихо и незаметно делал свое дело.

Утром мы с Алимом Пшемаховичем поехали провожать нашего гостя в аэропорт Минводы. Это был канун Нового года. В депутатском зале нам объявили, что рейс на Москву задерживается на неопределенное время. Пока ждали самолет, у меня была возможность наблюдать беседу Кешокова с гостем о многих по тому времени актуальных проблемах мировой политики, состоянии и мерах развития детской литературы. Я слушал внимательно, одновременно наливая мэтрам шампанское. Пришлось нам Новый год встречать в аэропорту, проводили гостя под утро 1 января. Прошло много лет, и вот однажды выходит большая статья Родари в газете «Известия» – «Новогодняя ночь в Минводах», в которой итальянский писатель тепло и проникновенно пишет о встречах в Кабардино-Балкарии, впечатлениях о людях и о новогодних беседах с «Кешоковым и молодым комсомольским вожаком».

Обо всем этом я написал в своих воспоминаниях «О времени и о себе», а сейчас, в преддверии столетнего юбилея А. П. Кешокова, не лишне вспомнить.

Хочу с удовлетворением отметить, что на протяжении многих лет я находился под обаянием Кешокова, как высокоинтеллигентного и мудрого горца. Не могу назваться его другом в силу возраста, но одно могу совершенно уверенно утверждать, что ко мне он относился дружески и с уважением. При проведении мероприятий, посвященных различным юбилеям республики в Москве мне, секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС, он оказывал братскую поддержку и помогал бескорыстно. Его имя в центральных органах и ведомствах являлось визитной карточкой, которая открывала любые двери, способствовала решению самых сложных вопросов для республики. Может быть, именно поэтому я с таким удовольствием написал характеристику на Алима Пшемаховича Кешокова и докладывал на Бюро обкома КПСС «О представлении т. Кешокова А. П. к присвоению звания Героя Социалистического Труда». (ЦГА КБР, ф. № 1, опись 27, д. № 30, 1989 год). Когда радостное известие о присвоении звания Героя пришло в республику, мне выпала честь выступить с приветственной речью по случаю торжественного события.

У кабардинского народа много великих сынов и дочерей, но в их ряду особо светится имя Алима Кешокова. Уверен, с годами значимость и величие его имени будет возрастать.

Анжела МУСУКАЕВА
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой русского языка
и литературы КБГУ

О ПОЭТИКЕ РОМАННОЙ ПРОЗЫ А. КЕШОКОВА

Художественная система романной прозы Алима Кешокова подготовлялась всем предшествующим развитием национальной литературы и его собственного творчества. В то же время она обусловлена и общими историко-литературными закономерностями. Жанровая специфика и своеобразие кабардинского романа подтверждается произведениями А. Кешокова, исследующего исторический процесс и факты, с одной стороны, идеологический аспект и социально-психологический анализ – с другой. В целом художественная система А. Кешокова всегда отвечала насущным проблемам современности. Лирический герой поэзии А. Кешокова 1930-1940-х годов, поэт только начинающего и входящего в творчество, – человек неординарный, глубоко осознающий себя и свое место в мире. Он слит воедино с духовным и историческим наследием народа, со временем. Поэзия А. Кешокова характеризуется глубоким историзмом, чувством собственного достоинства, стремлением вперед, к новым вершинам, к труду, достижениям, радости. Поэт открыт миру и людям, он ощущает радость быта и бытия, причем частные, единичные открытия («Мое село», «Всадник», «Летний дождь», «Вдоль парка») рождают поэтические образы, художественно обобщающие увиденное и пережитое. Эту поэтическую особенность манеры письма А. Кешокова в дальнейшем мы встретим в его прозе.

1950-е годы для кабардинской литературы – время переходное: накапливался материал для будущих романов, первая попытка которого была осуществлена в 1953 году романом Аскерби Шортанова «Горцы». Преобладание в литературе предшествующего периода очеркового жанра документальной прозы, осмысливающей события Великой Отечественной войны и процесса восстановления, явилось своеобразной заявкой к появлению широких исторических полотен.

«Вид с белой горы» – в жанровом отношении сложен: автобиографический роман, историческая хроника, мемуары. Произведение А. Кешокова не укладывается в определенные жанровые рамки, масштаб исторической концепции и новизной разрешаемых в нем художественных задач оно значительно глубже и шире. В 1960-х годах А. Кешоков отходит от прямого автобиографизма. Но внутренняя необходимость сказать свое слово, внести в ткань повествования прямое авторское суждение, потребность в непосредственном и в то же время обобщенном самораскрытии способствовали появлению такого шедевра, как «Вершины не спят».

Художественное своеобразие – есть категория поэтическая. В на-

циональной литературе оно обретает свои неповторимые особенности. Причем гармония национальной жизни, устойчивость ее эпического состояния не ставятся в противовес общечеловеческому, универсальному, в противовес общенациональному и современному. А. Кешоков далек от идеализации и самолюбования, именно в национальном он видит стремление к общечеловеческому. Национальное – открыто, оно движется, не замыкаясь в узкие рамки, к современности, к социальной динамике. Н. Бердяев был прав, подчеркивая, что национальное – это «ценность, творимая в истории».

В романах А. Кешокова национальная идея прослеживается в своей глубокой проблемности, в трагическом накале и противостоянии на историческом пути кабардинского народа. Национальная литература должна была так или иначе откликнуться на вопросы, поставленные историческими событиями Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны, послевоенного периода восстановления страны и др. К примеру, адыгский психологический роман определился как идеологический, и с усложнением психологического анализа в нем усложнились этические и эстетические категории. Чаще всего герой адыгского романа интеллектуален, нравственно ответственен, свободен в выборе путей борьбы, и, как правило, основной конфликт романа – идеологический, конфликт внешних враждебных обстоятельств и героя. Достаточно вспомнить «Род Шогемоковых» Х. Теунова или «Вершины не спят» А. Кешокова. Образы героев в этих романах в достаточной степени детерминированы, как сильные, так и слабые.

А. Кешоков считает, что характер героя обусловлен социальной средой, но в то же время он ищет некую общечеловеческую сущность, таким образом, характеризуя героя не только как представителя того или иного класса, но и как человека вообще, со всеми его качествами. Герой не обязательно должен быть лишен недостатков, он должен иметь стремление к добру, к справедливости, к правде. Некое событие, переживание, серьезный перелом в сознании людей могут дать толчок герою к нравственному перевороту. Л. Гинзбург права, утверждая, что «в литературе психологический стереотип эволюционировал от неподвижных свойств до устойчивых и вместе с тем динамических черт реалистического характера». А. Кешокова занимает философская проблема соотношений: человек и история, человек и природа, а также физиологическая, социальная и психологическая обусловленность поведения человека. Но сильнее всего в его творческом сознании оказался все же историзм, «пропущенный» сквозь призму автобиографического художественного образа. И все это раскрывается в глубоко лирическом, психологическом ключе, отнять или не заметить который значило бы весьма обеднить его прозу. Проблема жанра в литературе важна не сама по себе, а в ракурсе той задачи, в которой она «открывает» для нас принципиальные вопросы творческого постижения писателем действительности. Так, в романе А. Кешокова «Сломанная подкова» мы находим особое качество, определяющее его место в кабардинской литературе, – историческую

достоверность. Жизненная подлинность и художественное своеобразие являются основными характерными чертами романа. Но, как известно, исторический роман открыт доступу художественного вымысла (вспомним исторический роман XIX века). Художественный взгляд, как известно, предполагает не только переосмысление, воссоздание правды жизни, но и анализ, собственное понимание художника, его интерпретацию. Это определенный отказ идти по уже известной дороге, поиск нового содержания и смысла, определение собственного, очень ответственного и неповторимого взгляда. А. Кешоков в романе «Сломанная подкова» уходит от известной трактовки победного изгнания фашистов с Кавказа, он уходит от проторенной дороги и избирает свой путь: изобразить войну со всеми ее потерями, трагедиями, человеческими жертвами, отступлениями советских войск, изобразить кровь, страдания и смерть. И не только в личностном, человеческом плане, но показать ошибки властных структур, порой их недалекость, неумение руководить, и, как результат, все то, о чем сказано выше.

Разумеется, официальная критика периода 1970-х годов не могла признать верность его художественного взгляда и анализа, и здесь уже вмешивалась политика, отстаивающая свои интересы. Как известно, к основным заповедям исторического романиста относится уважительное отношение к факту. Писатель обращается к документу, к историческому источнику, но, художественно переосмысливая его, идет своей дорогой, не учитывая политических интересов и чьих-то личных амбиций.

Проблема «доступности» героя, его «понятности», близости к людям весьма интересна в творчестве А. Кешокова. Общедоступные нравственные искания ближе писателю, чем исключительные, героические. Так с принципом психологического постижения человека соединяется этическая концепция А. Кешокова, для которого высшее этическое состояние – это доступное простым людям, неграмотным крестьянам, состоянию веры, правды, простоты, чистосердечности. Они не умеют лицемерить, лгать, хотя и среди них встречаются исключения (Якуб Бештоев).

Современный мир и человек в этом мире – основной конфликт нашего времени. Жизненные противоречия воссоздаются через частные, внутриличностные конфликты. С этим явлением связано усиление звучания темы судьбы героя в северокавказской прозе. В романе «Вершины не спят» А. Кешоков, анализируя особенности мира далекого, исторически далекого, ищет смысл реальности, жизни, осмысливает многомерность национального бытия. Писатель в изображении конкретно-исторической реальности далекого прошлого кабардинского народа руководствуется не только стремлением к летописной широте и глубине, но и желанием создать поэтическим словом и образом сущность бытия, увидеть его истоки в вечном движении жизни. Внимание к процессу формирования национального характера в ходе исторических событий, к самосознанию героя у Кешокова тесно связано со стремлением выявить нравственный потенциал национального бытия, роль, место, поэтиче-

скую насыщенность народной традиции, ее жизнеспособность. Так, Хабиба («Сломанная подкова») – представительница старшего поколения и носительница народной мудрости, ее дом, очаг, ее поступки, слова, ее советы – все это является штрихами к воссозданию полноты национального бытия, которое А. Кешоков изображает подробно и исчерпывающе. Это стремление к полноте потребовало внимательного отношения к системе ценностей, составляющих саму национальную жизнь. А. Кешоков рельефно выписывает нравы, традиции, особенности поведения или общения героев. Предметный мир произведения отражает присущую национальной жизни полноту, целесообразность поступка, мысли, произнесенного слова. И, наконец, понимание глубины слова и мысли приводит и к пониманию такого уникального явления в национальной литературе, как художественный этнографизм. Он не навязан, не привнесен извне, он – суть национальной литературы, идущая изнутри, придающая ей художественное своеобразие, обогащающая ее поэтику.

Л. Гинзбург отмечает, что «произнесенное слово по существу своему – тоже поступок». Нередко слово, произнесенное вслух, является продолжением, или оформлением, внутренней речи героя, его раздумий, мыслей, борьбы с самим собой или с кем-то. Как правило, настоящий художник прослеживает и «контролирует» смысл сказанного, внутреннюю связь его с поведением героя, то есть речь героя не может быть бессвязной, бессмысленной, случайной, если нет на то особых причин, мотивирующих бессвязность: болезнь, бред, сон и т. д.

Л. Выготский отмечает, что внутренняя речь «не есть речь минус звук». Действительно, внутренняя речь – это внутреннее состояние героя, его мысль, эмоция. Слово чаще всего не вмещает в себя все то внутреннее, многозначное и значительное, интуитивное и индивидуальное, что чувствует, понимает и думает герой. Писатель нередко исследует такие явления, как внутренняя речь, как различные реакции речи при различных состояниях героя: радость, болезнь, страх, горе. В прозе А. Кешокова семантика слов чаще всего многозначная, ассоциативная, интуитивная, его герои о большем умалчивают, чем говорят. Внутренние монологи героев могут быть и логически правильными, связными, «выверенными», так и иррациональными, сложными, ориентированными на внутреннее состояние героя. В конечном итоге все это соотносится с самим героем, его социальным положением, интеллектом, его внутренним миром, его местом среди людей. Особое состояние героя А. Кешоков, как правило, подчеркивает иррациональной речью.

В кабардинском языке «слово» – «псалъэ» – хранилище, кладезь души. Язык характеризует человека, его социальное положение, уровень культуры, психологию, его амбиции, стремления, чувства и т. д., то есть речь героя детерминирована, но причины ее, истоки, скрыты от внешнего глаза, от посторонних людей, хотя имеют глубоко внутренние, душевные причины. К примеру, в речи Астемира Боташева («Вершины не спят») сочетаются две стилевые струи: лирически взволнованная, политически насыщенная, тесно связанная с современностью, и в то же

время – уходящая корнями в прошлое, избыточная старинными оборотами, пословицами, поговорками. И вместе с тем вкрапления в текст романа бытовых реалий, описаний жилища, одежды, утвари придают повествованию национально-исторический колорит, что оказывается подлинным подтверждением ушедшей эпохи. Но не только. Прежде всего, это способствует реалистическому изображению действительности в романах А. Кешокова, созданию национального быта, национальных характеров.

Персонажи А. Кешокова на протяжении всего повествования получают самые разнообразные характеристики: повествование от автора, упоминание о герое другими действующими лицами, анализ его поступков, характера, описание внешности, изображение его внутреннего мира, переживаний, мыслей, жестов, мимики, внутренние монологи героя, его взаимоотношения и диалоги с другими персонажами, и многое другое. Те признаки, которые наиболее устойчивы или чаще повторяются и образуют истинные свойства персонажа. К примеру, образы Маремканова и Матханова («Вершины не спят») с каждой новой сценой «прибавляют» еще одно звено к «наращиваемому единству». Мы узнаем их новые качества, морально-этические свойства, портрет и т. д. Особую роль при этом играет авторская точка зрения, которая является своеобразным связующим звеном для многообразных средств его характеристики, и без которой в произведении будет дана лишь сумма признаков и характеристик, не составляющих единое целое.

Существует устоявшееся мнение, что, как правило, поэты – романтики, а писатели – реалисты. В творчестве А. Кешокова романтическое и реалистическое начала слиты воедино, и глубокая лирическая насыщенность свойственна не только его поэзии, но и прозе, которая столь реалистична, столь и возвышенно-романтична. К примеру, в романе «Вершины не спят» панорама жизни аула, как изображаемый разлив реки, раскручивается и вовлекает в себя все новые и новые характеристики героев: мы не просто знакомимся с ними, мы видим характеры, предопределяем развитие судеб. В итоге широкое изображение сельской жизни перерастает в полифоническую картину национальной действительности.

Проблема национального своеобразия творчества художника слова – постоянный предмет литературоведческого внимания. Когда мы говорим об актуальности художественного национального своеобразия того или иного писателя, мы имеем в виду, прежде всего, целостность взглядов художника слова на макро- и микромир, с учетом многомерности контекста и многозначности, эстетической мотивированности текста художественного произведения. Художественный этнографизм в произведении, служащий лишь экзотическим орнаментом, еще не есть компонент национального своеобразия. И лишь когда анализ национального своеобразия становится сущностной характеристикой произведения, можно говорить о национальном художественном своеобразии как о явлении поэтики, как о категории художественного сознания.

Романная проза А. Кешокова несет в себе этические коллизии национального бытия, национального сознания, драматизм столкновения и борьбы общечеловеческих нравственных норм, анализирует трагическую невозможность контакта героя с миром, его неудовлетворенность собой, своим местом в жизни и многое другое. Представляется весьма интересной мысль И. Гердера о «своей особой мере в культуре каждой нации». Но, вероятно, можно говорить и о «своей особой мере» в культуре каждого художника, особенно такого крупного и оригинального, как Алим Кешоков.

*Дни литературы Кабардино-Балкарии в Прибалтике.
На переднем плане: Алим Кешоков, Тимбора Мальбахов -
первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Валерий По-
валяев - секретарь Союза писателей СССР, Амирхан Шемахов -
народный поэт КБР, Берт Гуртуев - народный поэт КБР*

Встреча с общественностью

Анатолий ЕМУЗОВ

От редакции

Зная о том, что известный дипломат, учёный, государственный и общественный деятель, руководитель Государственной национальной библиотеки им. Мальбахова профессор Анатолий Емузов завершил, но ещё не успел опубликовать свои мемуары под названием «Через годы, через расстояния», и что в одном из разделов книги он рассказывает о своей встрече с Алимом Кешоковым в Индии, мы обратились к нему с просьбой поведать нашим читателям о том, когда и как это произошло. Он любезно откликнулся на нашу просьбу, и мы предлагаем вашему вниманию его эксклюзивный рассказ.

Алим Кешоков в стране семи чудес

(из цикла «Мемуары дипломата»)

События, о которых пойдёт речь, произошли в тот период, когда я работал директором Советского культурного центра в столице индийского штата Керала городе Тривандрум (1976-1980 гг.).

...Шел 1978 год, индийская общественность готовилась широко отметить 100-летний юбилей известного индийского поэта Валлатхола. Основные мероприятия, посвященные этой знаменательной дате, планировалось провести в штате Керала, где родился, жил и трудился поэт. На торжества должны были пригласить не только известных поэтов и писателей Индии, но и зарубежных гостей. В связи с этим ко мне обратились министр культуры и генеральный секретарь общества индийско-советской дружбы штата Керала с просьбой порекомендовать кандидатов для приглашения на торжества из нашей страны. Я назвал имена ряда известных советских поэтов и писателей, в том числе Алима Кешокова и Кайсына Кулиева, подчеркнув при этом, что они оба известные писатели и поэты и мои земляки. «Их приезд был бы для меня большим праздником», – сказал я.

Дня за два до начала торжеств я получил сообщение из нашего посольства в Дели о том, что через день, рейсом Дели-Мадрас-Тривандрум, прилетает советская делегация в составе двух человек – Алима Кешокова и известного абхазского писателя Георгия Гулиа, с которым я не был знаком лично, но знал его как автора трилогии «Друзья из Сакена» и исторического романа «Сказание об Омаре Хайяме». Мне было также известно, что он – сын Дмитрия Гулиа, народного поэта Абхазии, просветителя, зачинателя абхазской литературы.

Весть об их прибытии я и моя супруга восприняли с большой радостью, так как мы оба изнывали от ностальгии по Родине, а также нам очень хотелось поближе познакомиться и пообщаться с такими неординарными личностями.

Что касается Алима Пшемаховича, то я был ярким поклонником его поэтического и писательского таланта, читал и перечитывал его произведения, был знаком с ним, но не близко. И вот теперь мне представлялась возможность уделить ему внимание, разделить с ним хлеб-соль, прикоснуться к его мудрости, таланту и авторитету.

Получив известие о прибытии почетных гостей, я сразу же отправился к главному министру штата (так у них называют премьер-министра), с которым у меня сложились хорошие деловые и приятельские отношения. Он был лидером коммунистов советской ориентации в штате Керала. Я подчеркиваю – советской ориентации, так как здесь функционировала и другая коммунистическая партия китайской ориентации. В те годы блок коммунистов советской ориентации одержал победу на выборах в местный парламент и сформировал коалиционное правительство во главе со своим лидером. Коммунисты получили в правительстве 4 места из 14, а остальные министерские портфели достались представителям таких политических партий, как «Индийский национальный конгресс», «Керальский конгресс», партия «Мусульманская лига» и «Революционно-социалистическая партия».

Главный министр принял меня очень радушно. За чашкой чая я поведал ему о том, что члены советской делегации являются моими земляками и очень уважаемыми известными людьми не только у себя на малой родине, в Кабардино-Балкарии и Абхазии, но и во всей нашей необъятной стране и за рубежом. При этом я перечислил все известные мне высокие чины и регалии Алима Пшемаховича и Георгия Гулия.

Цель моего визита к главе штата была достигнута. Она заключалась в том, чтобы наша делегация была принята по высшему разряду, то есть в качестве гостей не только оргкомитета по празднованию указанного юбилея, но и официальных гостей правительства штата. При этом я попросил премьер-министра дать необходимые указания о включении в программу приема делегации посещение советского Культурного центра и торжественного приема в честь делегации в моей резиденции, на который я

Индия, 1978 г.

А. Кешоков и Г. Гулия с переводчицами

пригласил и главного министра. Я также высказал ряд предложений, касающихся организационных вопросов. Он с благодарностью принял мое приглашение и тут же по телефону поручил министру культуры связаться со мной и учесть все мои пожелания и рекомендации по приему советской делегации.

Поблагодарив главного министра, я прямо от него направился к министру культуры, встретившись с которым, обговорил все детали по пребыванию нашей делегации в штате Керала.

Через два дня мы вместе с министром культуры и генсеком общества индийско-советской дружбы Шармой встретили делегацию прямо у трапа самолета. Алим Пшемахович и Гулиа вышли из самолета, широко улыбаясь, в сопровождении молодой женщины-переводчицы английского языка, которая была закреплена за ними нашим посольством на период пребывания делегации в Индии. В соответствии с индийскими национальными обычаями всем членам делегации водрузили на плечи, в знак особого уважения, гирлянды белых цветов, издающих терпкий приторно-сладкий аромат.

После теплых рукопожатий и дружеских объятий, получив багаж, мы расселись по машинам и отправились в сопровождении эскорта полицейских машин и мотоциклов в загородную гостевую резиденцию правительства штата для VIP-гостей, где предстояло проживать членам нашей делегации. Замечу, что остальные гости, прибывшие на торжества, были размещены в одной из гостиниц столицы штата.

Сразу же после расположения в резиденции, я вручил гостям программу их пребывания в штате Керала. Алим Пшемахович начал сосредоточенно изучать ее, а Георгий Гулиа, удобно расположившись в кресле, начал шутить: «Анатолий Гузерович, – сказал он, обращаясь ко мне, – позвольте мне представить Вам членов нашей «большой» делегации. Алим Пшемахович является официальным руководителем, а я его первым заместителем, на двух начальников у нас одна подчиненная, – это наша уважаемая, очаровательная переводчица. Но поскольку мы не знаем ни английского, ни хинди, ни каких-либо других иностранных языков, то мы сразу же попали в зависимость от нашей переводчицы и из начальников превратились в ее подчиненных, ибо без нее мы – как без рук. В этой ситуации мы с Алимом распределили обязанности между собой таким образом: он, являясь прирожденным оратором, будет выступать на официальных встречах и приемах, ну а я, как хороший специалист по части выпить и закусить, возьму на себя эту трудную, но благородную миссию. Заверяю Вас, Анатолий, что за меня краснеть Вам не придется».

Алим Пшемахович, оторвавшись от программы, улыбаясь, молвил: «Анатолий, не принимайте всерьез все, что говорит мой друг. Во-первых, он большой шутник, а во-вторых, он перегрелся на индийском солнце».

Здесь в разговор вступил я, заявив: «Моя супруга, ждет Вас к обеду у нас дома. Там будет возможность принять что-либо согревающее изнутри, а самое главное – продезинфицировать свой организм, что немало важно в данных природно-климатических условиях».

Услышав мои слова, Гулиа резко встал, хлопнув ладонью по столу, и

воскликнул: «Вот это по-нашему, по-кавказски! Алим, программа не волк, в лес или в индийские джунгли не убежит, ты изучишь ее там, за столом, мы не станем тебе мешать и займемся более приятными делами. Да и потом, не по-джентельменски это – заставлять женщину ждать».

После этих слов мы дружно встали и отправились в мою резиденцию. Здесь, за обедом, я кратко проинформировал членов делегации об общественно-политической ситуации в штате, о деятельности основных политических партий, о влиянии и авторитете коммунистов советской ориентации, охарактеризовал также природно-климатические и социально-экономические особенности штата.

Затем мы перешли к обсуждению довольно расширенной программы. Она включала в себя ряд встреч с представителями творческой интеллигенции штата, активистами общества индийско-советской дружбы, студенческой молодежью. В программу входили также экскурсии по достопримечательным местам штата, поездка на мыс Каморин. Программа завершалась вечером советско-индийской дружбы, в котором должны были принять участие члены правительства штата, во главе с премьер-министром, лидеры политических партий, представители общественности.

Не вдаваясь в подробности, отмечу, что насыщенная программа проходила в обстановке дружбы и взаимопонимания. Особенно интересными были встречи и беседы, на которых выступал Алим Пшемахович. Будучи мастером художественного слова и великолепным оратором, он использовал в своих речах эпитеты, метафоры, образные сравнения, идиомы, пословицы и поговорки. Он выступал настолько пафосно, что его речь на русском языке, еще до перевода на английский, прерывалась аплодисментами. Но на начальном этапе программы, к сожалению, бывали случаи, когда переводчица не могла быстро подобрать эквивалент или аналог образным оборотам речи, которыми изобиловало выступление Алима Пшемаховича. В таких случаях она прибегала к буквальному переводу, что искажало содержание выступления, выхолащивало суть той или иной фразы или предложения. Таким образом, очень яркое, эмоционально окрашенное выступление после неудачного перевода становилось блеклым, серым, а порой и вообще непонятным присутствующей публике. В этой ситуации мне приходилось вмешиваться и помогать переводчице в правильном подборе тех или иных эквивалентов или аналогов фразеологизмов. Такая работа мне была не просто знакома, а близка, так как, будучи в недавнем прошлом военным переводчиком английского языка и составителем «Англо-кабардино-русского фразеологического словаря», я накопил большой запас фразеологических единиц, которые мог быстро, в случае необходимости, извлечь из памяти и употребить в нужное время в нужном месте.

В сложившейся ситуации надо было найти компромиссный выход из положения. Мы с Алимом Пшемаховичем понимали друг друга, как говорится, с полуслова, и я мог бы успешно переводить его выступления как с русского на английский, так и с кабардинского на английский, но проблема состояла в том, как отстранить от перевода закрепленную за делегацией переводчицу, не ущемив ее самолюбия и не обидев.

Посоветовавшись с Алимом Пшемаховичем, мы решили, что он, как поэт и писатель, пишущий на родном кабардинском языке, будет строить свои выступления перед представителями творческой интеллигенции (поэтами, писателями, журналистами, студенческой молодежью) как на русском, так и на кабардинском языке. Именно в таких аудиториях Алим Пшемахович мог чувствовать себя как рыба в воде, демонстрировать свой литературный талант, именно такая аудитория могла адекватно воспринимать его образно-блистательные речи и отдавать ему должное как поэту и писателю, большому мастеру художественного слова.

Моя же задача, как переводчика и ученого лингвиста-фразеолога, состояла в том, чтобы донести до слушателей главные мысли, идеи его выступления, сохранив их национальную самобытность и оригинальность.

Такой тандем писателя и ученого имел и политико-дипломатический подтекст, ибо нам – двум кабардинцам, волею судьбы оказавшимся в далекой Индии, предоставлялась редчайшая возможность наглядно продемонстрировать успехи нашей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, как говорили тогда. Мы были преисполнены чувством национальной гордости, патриотизма и интернационализма, поэтому нам очень хотелось достойно представить как наше великое Отечество, так и нашу малую Родину Кабардино-Балкарию.

Переводчица восприняла наше предложение с удовлетворением и благодарностью, ибо она чувствовала себя не очень удобно в описанных выше ситуациях. За ней мы оставили переводческую работу, связанную с культурными мероприятиями и беседами общего характера.

После такого разделения труда наши дела пошли как по маслу. Алим Пшемахович чувствовал себя свободно, в своих выступлениях он переходил с русского на кабардинский, с кабардинского на русский язык. И в том, и в другом случае я с удовольствием переводил его яркую, образную, остроумную речь. Вознаграждением за наш труд в крайне непривычных природно-климатических условиях, когда, обливаясь потом на солнцепеке, мы по два-три часа выступали перед многотысячной аудиторией, были восторженные аплодисменты присутствующих. Что греха таить, мы получили большое моральное удовлетворение от результатов своего труда.

Эти строки я пишу вечером 6 июля 2011 года. Сделав короткий перерыв, я, по уже установившейся традиции, решил посмотреть в 21.00 новости по первой программе телевидения. И вдруг, крупным планом, показывают индуистский храм в столице штата Керала г. Тривандруме, где я неоднократно бывал с супругой и с делегациями, приезжавшими в Тривандрум. Этот храм мы посетили и вместе с Алимом Пшемаховичем и Георгием Гулиа. Каково же было мое удивление, когда диктор сообщил, что в этом храме обнаружены три тайника. В двух из них было много золота, бриллиантов, изумрудов и других драгоценностей. А золотых монет было столько, что трудно было пересчитать, и их просто выносили целыми мешками. Третий тайник вскрывать не стали, ибо на его двери была изображена змея, что по индийскому поверью означает опасность, плохое предзнаменование. Трудно судить о том, кто, когда и с какой целью схоронил эти сокровища. Но очевидным является тот факт, что Индия была,

есть и еще долго будет страной загадок, страной чудес. Это, думается, обусловлено ее историей, древней культурой, многонациональностью, многоконфессиональностью и, конечно же, многокастовостью.

...Однако давайте вернемся к программе пребывания в штате Керала Алима Кешокова и Георгия Гулиа, в соответствии с которой в СКЦ было организовано масштабное мероприятие с участием главного министра и других членов правительства штата. Здесь с блистательной речью выступил Алим Пшемахович, а я, как уже отмечалось выше, с удовольствием выполнял роль переводчика. Выступление многократно прерывалось громом аплодисментов. После окончания официальной части был дан концерт художественной самодеятельности, организованный силами слушателей курсов русского языка при СКЦ. Вечер завершился приемом в нашей резиденции, в ходе которого провозглашались тосты, как нами, так и индийскими гостями. Состоялся также обмен памятными сувенирами. С полным основанием можно сказать, что вечер вылился в манифестацию индийско-советской дружбы.

За официальными встречами, выступлениями, приемами мы не забывали и о культурных мероприятиях. Вместе с членами делегации мы посетили местный зоопарк, который считался одним из лучших в Индии, побывали в индуистском храме, мусульманской мечети, христианской церкви, они здесь мирно сосуществуют и располагаются по соседству. Нередко можно наблюдать такую картину, когда индуист, мусульманин и христианин, мирно беседуя, шагают по улице, а затем расходятся и идут совершать молитву – кто в храм, кто в мечеть, а кто в церковь. По завершении молитвы, они вновь встречаются и вместе отправляются домой, продолжая прерванную беседу.

В рамках культурной программы мы с членами делегации посетили известный пляж «Ковалам», съездили на мыс Каморин (крайняя южная точка Индии), прибыв туда к вечеру, мы любовались сказочно красивым закатом. Здесь очень хорошо видно, как огненно-красный огромный диск солнца медленно опускается за горизонт. Создается такое впечатление, будто солнце садится, опускается в безбрежные, бездонные воды Индийского океана. Тонет солнце в океане, и вскоре наступает темнота.

Прибыв на мыс вечером, мы наблюдали только закат. Но не менее красочно на Востоке выглядит и восход солнца, когда все тот же бордовый шар медленно поднимается из океана, озаряя светом и теплом и Индию, и всю нашу планету Земля.

За время пребывания в Индии мы с супругой несколько раз наблюдали эти фантастически красивые зрелища, но каждый раз мы, как завороженные, любовались этим чудным явлением природы.

Великолепие заката произвело большое впечатление на Алима Пшемаховича как на поэта. Он некоторое время стоял задумчиво, вглядываясь в океанскую даль, а затем отошел немного в сторону, извлек из кармана небольшой блокнот, ручку и начал что-то записывать. Мы стояли молча, но вскоре тишину нарушил Георгий Гулиа, который, улыбаясь, сказал: «Ну все, Алим испытывает творческое вдохновение, закат солнца озарил его поэтическое воображение. Если мы оставим его здесь до утра и дадим

полюбоваться еще и восходом, то он точно напишет поэму».

Не успел он завершить свой шуточный монолог, как к нам вернулся Алим Пшемахович со словами: «Да, это достойно поэмы и кисти художника».

Находясь под впечатлением этого прекрасного зрелища, мы молча сели в машину и отправились в обратный путь.

На следующий день мы совершили поездку в города Аллепи и Кочи, где состоялись встречи и беседы с активистами отделений общества индийско-советской дружбы. Вечером мы возвратились в Тривандрум и после короткого отдыха встретились за столом прощального ужина в нашей резиденции. Утром делегация должна была вылететь в Бомбей, а оттуда в Дели. За ужином мы обменялись мнениями по итогам визита делегации и с удовлетворением отметили, что программа была насыщенной, интересной и продуктивной. Мы также провозглашали тосты за гостей, а они за нас. И те, и другие высказывали сожаление о том, что визит подошел к концу, что настал день расставания.

Проводы делегации были такими же торжественными, как и встреча. В церемонии проводов, организованной в аэропорту, приняли участие министр культуры штата, генсек общества индийско-советской дружбы, представители творческой интеллигенции, средств массовой информации, которым члены делегации дали интервью, высказав свое удовлетворение интересной программой и выразив благодарность правительству штата и общественным организациям за гостеприимство и теплый, дружеский прием.

Проводив делегацию, мы с супругой возвратились в свою обитель усталые, но довольные результатом своего труда, и, самое главное, получив морально-психологическое удовлетворение от общения с Алимом Кешоковым и Георгием Гулиа...

Визит делегации в Индию завершился, но наши отношения с Алимом Пшемаховичем на этом не закончились. Я встречался с ним в Москве, когда приезжал в отпуск из Индии, бывал у него дома. Более тесное и частое общение у нас было в годы моей работы в Москве постоянным представителем КБР при президенте России. В этот период я навещал его на даче в Переделкино, поздравлял с государственными праздниками, днем рождения. Во время этих встреч мы с удовольствием вспоминали о днях, проведенных в стране семи чудес.

К великому сожалению, Алима Пшемаховича уже нет среди нас, но он оставил богатое литературное наследие, которое нам нужно беречь как зеницу ока, делая всё от нас зависящее, чтобы грядущие поколения знали, читли и отдавали должное его таланту поэта и писателя с большой буквы.

22 июля 2014 года исполнился век со дня рождения нашего великого современника. Так пусть же веками живёт его имя в благодарной памяти нашего народа!

*Анатолий ПАРПАРА,
секретарь СП России,
лауреат Государственной премии России*

РЕКА ПОЭЗИИ ЖИВОЙ

На этой фотографии, которую я с трудом извлёк из своего запылённого архива, Алим Пшемаховичу Кешокову всего-то 60 лет. Осень 1974 года. Забайкальский военный округ пригласил в гости писателей, сочиняющих, как тогда говорили, на военные темы. Рядом с ним сидят два прозаика – военный журналист Камбулов и драматург Анчишкин. Нас опекал в этой трудной поездке полковник Лизичев, умный и внимательный офицер, который через 14 лет станет генералом армии.

Я, ещё не член СП СССР, как мне думалось тогда, попал в эту поездку случайно. Тем более что я служил в военно-морском флоте. А ездили мы по глубоко пехотным да артиллерийским местам. Осень была к нам немилосердна: поливала нас мощными дождями, распутица стала нашей дальней родственницей. Но в частях нас принимали с откровенной радостью. Мои сотоварищи оказались великолепными рассказчиками. У меня был небольшой опыт общения с литературными бонзами, и мне казалось, что Алим Пшемахович, будучи руководителем Литературного фонда СП СССР, покажет свою чиновничью важность. Но я по молодости своей глубоко ошибался. До сих пор память сохранила его внимательный взгляд, шмелиные брови, редко взлетавшие вверх, деликатную речь и благородное поведение. И не я один наблюдал с нескрываемым интересом за

выступлением поэта, отмечая душой особость личности. Многие из офицеров и рядовых также отметили Кешокова своим вниманием...

Приехав в Москву, я заинтересовался творчеством Алима Пшемаховича и открыл для себя нового поэта, дивного рассказчика и глубокого прозаика. А самое главное – я открыл для себя человека с поразительным чувством собственного достоинства. Позже талантливый критик и философ Адам Гутов подтвердит мои предположения об особой щепетильности поэта, о рыцарской твёрдости своих убеждений и «аскетической скромности» к самому себе.

Зная немалое (через прозу поэта) о его предках и родителях, могу предположить, что порядочность его характера родилась ранее его самого.

На секунду окинем жизненный путь, пройденный Алимом Кешоковым. Рождение его совпало с жестокой и малоизвестной доньне Первой мировой войной. Детство наложилось на великие невзгоды большевистской революции, на перестройку сознания. Становление юности и огранка характера завершались на полях Второй мировой войны. А далее восстановление страны, воспитание новых поколений – в этой деликатнейшей и труднейшей области человеческой деятельности – Алим Пшемахович принимает активное, душевное участие и делом, и поэтическим словом своим. Последний год его труженической жизни заглянул в новый двадцать первый век, в новое тысячелетие. Вне сомнения, у поэта родились свои вопросы, на которые грядущая жизнь даст свои ответы. Но поэт предвидел многое... Перечитывайте поэта, дорогие читатели!

В стихотворении «Поэту» автор мечтал, думая о будущем:

Много проживу я или мало,
Но хочу, чтоб на земле родной,
Всё, что сделал, хоть бы каплей стало
Для реки поэзии живой.

Дорогой Алим Пшемахович, Ваше душевное желание исполнилось: Ваше творчество стало не только каплей, но рекой поэзии живой. Пусть будет так до тех пор, пока кабардинцы говорят на родном языке. То есть – всегда!

Тема судьбы народа и отдельной личности в творчестве писателя А. Кешокова

Жизнь и творчество А. Кешокова является неотъемлемой частью неделимой культуры адыгского народа, определенной вехой развития его литературы. Произведения А. Кешокова несут на себе печать исторических судеб народа, дают возможность понять и осмыслить идейно-эстетические искания писателя в контексте развития адыгских литератур.

Общественная и публицистическая деятельность А. Кешокова нерасчленимы. Об этом свидетельствует большая часть его книг, носящих характер автобиографичности – повесть «Вид с белой горы», трилогии «Вершины не спят» и «Сломанная подкова».

Написанное им пропущено через сердце, сквозь авторское «я», и является бесценным свидетельством времени, социальных процессов, происшедших в нашей стране. Творческая биография детально исследована литературоведами и критиками, предпринявшими попытку определить роль писателя в истории кабардинской и адыгских литератур. Первым и наиболее значительным исследователем лирики А. Кешокова, указавшим на природу его художественных образов, был критик-литературовед, учёный Мусарби Сокуров – в книге «Лирика Алима Кешокова» [3, с. 424].

Он заметил, что первые публикации стихов поэта выгодно отличались тем, что он «...отчетливее других ставит такие новые для молодой литературы проблемы, как цель и характер поэтического искусства. А. Кешоков стремится образно сформулировать свои взгляды на отношение поэзии к жизни, на то, что должно стоять в центре поэзии, каков ее предмет, в чем сущность поэтического творчества и его цель: в чем общественный долг поэта, каким он должен быть, – вот вопросы, на которые молодой поэт пытается найти ответы» [3, с. 483].

Уже сама постановка этих вопросов показывала, что в адыгской поэзии рождается творческая индивидуальность. В этой связи важно заметить и то, что с первых же шагов у Кешокова намечается интерес к традиционным образам-символам, к обогащению стилистики поэтической речи, поэтической лексики. Сокуров обратил внимание на тягу поэта к национальной образной символике. Так всадник – любимый Кешоковым образ – становится метафорой судьбы и времени. Стихотворение «На мчащемся коне» [2, с. 18–19], ставшее программным, базируется на традиционном для адыгов образе всадника в седле, от чего известно благопожелание – «быть всегда в седле».

*Си гъацIэ ягэр цызыхунум,
Шы жэр сытесу среух –*

*Где бы в пути меня смерть ни застала,
Встречу конец на летящем коне!*

(перевод М. Петровых)

Символический образ всадника – счастливо найденная мета своего пути, идущий от символики Млечного пути, прочерченного Сосуру на небосклоне. Отсюда установка адыгов на то, что каждый настоящий человек должен прочертить свой путь, оставить звездный след в жизни.

В то же время образ всадника близок фольклору, нартским сказаниям, легендам и героическим песням. В поэтическом мире адыгов образы всадника, скакуна, седла, папахи имеют символическое значение. Обращение к ним глубоко оправдано и не случайно. В названном стихотворении символика традиционного образа всадника обретает философское звучание, помогает обобщить идейный смысл стихотворения: «путь – жизнь, летящий конь – символ движения, т. е. активного, волевого отношения к жизни» [4, с. 458].

*Насып мыхыр зи гурацэр
Махуэл и гьуэгум цыхуэмей,
Псэуну гьащIэ зыхуэфацэр
МувыIэу кIуэхэр аркьудейц* [4, с. 51].

Перевод:

*Счастья достигнет лишь тот, кто с дороги
Передохнуть на часок не свернёт.
С честью послужит скакун быстроногий
Только тому, кто стремится вперёд.*

В другом стихотворении, «Шыхульгагьуэ» («Путь всадника»), содержится прямая цитация легенды о Млечном пути:

*Протянут Млечный Путь в полночном мире,
Звезд ожерельем схвачен небосклон,
Не охватить глазами звездной шири, –
«Путь Всадника» – от века назван он...*

...

*Путь на копыте скакуна намотан.
О, мне сейчас бы этого коня!
Вскочил бы на скаку – и вскачь, наметом, –
Чтоб Млечный Путь сверкнул после меня* [2, с. 43].

Это стихотворение, по достоинству, поэт Кешоков посвятил настоящему человеку – Герою Советского Союза летчику-истребителю Кубати Карданову (9 июля 1917 – 13 мая 2011). (Карданов К. Л. – военный деятель, активный участник ВОВ, совершил 770 боевых вылетов, был заместителем командира эскадрильи 88-го истребительного авиационного полка 229-й истребительной авиационной дивизии 4-й воздушной армии Северо-Кавказского фронта. Награждён тремя орденами Ленина, тремя – Красного Знамени, двумя – Отечественной войны, орденом Красной Звезды и семью боевыми медалями. Участник Парада Победы. Генерал-майор в отставке.) [1, с. 965].

Здесь впервые в адыгской поэзии сопрягается традиция и современность, так традиционный образ-символ Млечного Пути служит поэтическому замыслу – воплощение самого высокого качества современника – стремления к бессмертному подвигу. Стихотворение вошло в поэтический сборник «Шум и гъуэгу» («Путь всадника»), вышедший в 1946 г. Алим Кешоков во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии кадровым офицером (1941–1945).

Отмеченные печатью автобиографичности, философией образов, художественным историзмом, произведения Кешокова раскрывают перед читателем закономерности формирования не только личной судьбы, но и судеб целого поколения народа адыгов, представителем которого является писатель. Вот почему тема судьбы народа и отдельной личности становится в центр внимания художника, а личный жизненный опыт становится намного шире его непосредственной биографии.

Проза А. Кешокова объединена общей темой жизни и судьбы адыгского народа. Сравнивая его произведения, все написанное им, можно увидеть, как в его творчестве шел процесс этой основополагающей темы, как совершенствовались художественные типизации героя и характера, как оттачивался слог и обозначалась индивидуальность творца, его собственный художественный мир.

Определяя значение, роль и место Кешокова в воссоздаваемой адыгской культуре и литературе в ее целостном единстве, необходимо, в первую очередь, раскрыть вклад писателя в общеадыгскую культуру как самобытного художника-новатора. Попытка А. Кешокова показать героя, ищущего иной путь развития жизни народа в образе героя Казгирея Матханова («Вершины не спят»), вызвала неоднозначную реакцию, озадачив критиков и литературоведов.

Важно заметить, что Алим Кешоков при создании как образа К. Матханова, так и И. Маремканова пользуется традиционными приемами создания героической личности в эпосе адыгов, опирается на героико-эпическую традицию. Герои Кешокова в этих своих качествах мужественны и отважны. Они напоминают эпических героев, исповедующих добро. Понятие добра становится в романе Кешокова «Вершины не спят» предметом философского раздумья. Автор ставит вопрос: «Что есть добро?», на который ищет ответ и с которым соизмеряет поступки героев. Ответы приведены в соответствии с нравственными традициями народа, выраженными в монументальном эпосе «Нарты».

Как правило, при выборе названий романов А. Кешоков исходит опять-таки из того же идейно-эстетического опыта народа. Человеченные Кешоковым вершины приведены в движение, приглашены к размышлению о том, что на этом историческом этапе должно быть целостной ориентацией народа, какая высота является ориентиром. Это, в свою очередь, разнообразило поиск пути и

усложнило концепцию действительности в трилогии.

В этой связи в произведениях А. Кешокова возникает вопрос: кто мы, адыги, какое место занимаем в геополитическом пространстве? Это и определяет художественную концепцию прозы писателя, мотивирует искания героев, их мысли и поступки.

Список литературы

1. Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. – 1248 с.
2. Кешоков А. Стихотворения и поэмы. М.: Худож. лит., 1982. – 492 с.
3. Сокуров М. Лирика Алима Кешокова / Избранные произведения. Критика. Нальчик, Эльбрус, 1995. – 570 с.
4. Къыцокъуэ А. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 2004. н. 500.

А. Кешоков с друзьями

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

МОЙ ОТЧИЙ ДОМ

Если, как многие люди земли,
Всего лишь я гостья в доме вселенной,
Из тех, которых, как только ушли,
Хозяева позабыли мгновенно.

В мире земном, что безмерно велик,
Если я капля дождя и не боле,
Малая капля, которую вмиг
Вберет и забудет иссохшее поле,
То все равно на судьбу я не зла –
Я гостьей, я каплей, я чем-то была.

В мире, где время так быстро течет,
Если и впрямь я снежинка, и только,
Которая с белых высот упадет
И тут же растает, проживши недолго,
Если я, правда, – всего лишь трава,
Что и сгореть не успеет от зноя,
Которая выпрямит стебель едва
И упадет под звенящей косою, –
Что ж, пусть коса пролетает звеня,
Сестры мои, не жалейте меня.

Если глазам моим было дано
Видеть вдали небеса голубые,
Если ушам моим было дано
Слышать, как пели потоки родные,
Если тем словом, что молвить могла,
Не принесла никому я печали,
Значит, хоть я и недолго жила,
В жизни недолгой счастливой была,
И об ином я мечтала едва ли.

Зейтун ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук,
профессор КБГУ

ВЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОМУ ДОЛГУ

В последние два десятилетия оказавшиеся у руля власти или ставшие собственниками, позиционируют себя сторонниками чёрно-белого колорита в литературе. Но ведь 1930-1990 годы – часть истории народов России, богатая не только издержками, но и благими приобретениями. Литература нашей республики ныне развивается по пути диалектического осмысления единства прошлого и настоящего.

В частности, С. Гуртуев в лирико-эпической поэме «Глаза века» осуждает тех, кто пытается отсечь прошлое от настоящего: «Всех тех, кто, дорожа свей честью, входили в огонь битв за народ, будем помнить и не оставим за порогом, как оставляют на улице топор, строивший дом» (*здесь и далее – подстрочный перевод*).

Понимание долга перед прошлым и современностью, перед народом и подрастающими поколениями должно отражать общую тенденцию развития художественного мышления народов России. В этом отношении поэзия северокавказцев, и в частности Т. Зумакуловой, заслуживает особого внимания. Её имя в читательском восприятии рождает символический образ цветка, растущего, пробив каменную плиту. Не менее значителен и другой цветок, упирившийся «ногой» в каменную скалу и устремивший свой гордый взгляд вдаль. Исследуя особенности поэзии Т. Зумакуловой, часто приходится обращаться к этим символам, как ключевым.

Значение цветка в поэзии Т. Зумакуловой многогранно: оно связано с жизненным путём поэтессы, её характером, и неотделимо от лирического героя Танзили, глубиной и своеобразием её поэтического таланта. С другой стороны, «Цветок на каменной скале» символизирует трагический жизненный путь многих северокавказских народов и то, как они его преодолели и обрели надежду на будущее. Одним символом художественно материализовать психологическое состояние того или иного народа, его национальные особенности, свойственно только большому мастеру, каковой предстаёт перед читателями Т. Зумакулова.

В её поэзии значение многогранных символов приобретают все реалии родной земли: камни, деревья, бытовые предметы, цветы, трава и т.д. Каждое слово, использованное поэтом в контексте стихотворения, вырастает до символического значения. Это свойство Т. Зумакуловой, ставшее гранью её таланта с молодых лет, способствовало художественной лирической конкретизации душевной теплоты, жизненного пути народа, его стойкости и мужества. В произведении «Мой народ» читаем: «И камням придавший нежность / И мягкость, мой добрый, / Мужественный народ». Образ цветка и в иных стихотворениях также

символизирует победу над идеологическим холодом, добра над злом: «Слава, слава, ты пришёл, пришёл, / Одолев чёрные тучи, / Камни и цветы открыли глаза, / Отдавая светом, обновляясь...».

***

В творчестве Т. Зумакуловой особое место занимает сборник «Река жизни» («Жашаунучереги») – книга масштабного, исторического значения о жизни балкарского народа, обобщающая народную мудрость и лучшие традиции национальной поэтической мысли. Философская концепция Т. Зумакуловой многоаспектна. Одна из её ветвей – думы о достоинствах человека, какие качества способствуют сохранению личности. Размышляя, она демонстрирует высокое мастерство в стихотворениях «Человек», «Рано ушедший в мир иной щедрый человек», «Старое дерево», «Мать разжигает очаг» и многих других.

Зумакулова пришла в литературу как знаток исторического развития своего народа, осознавая свою связь с окружающей действительностью и с миром. Потому о чём бы она ни писала, одним из доминирующих свойств её произведений остаются связь явлений, единство с народом, его обычаями и традициями. Стремление Зумакуловой правильно понять и художественно осмыслить закономерность эволюционного движения жизни и природы придаёт её произведениям особую глубину и обаяние. Танзиля – певец родного края, природа для неё – это бескрайнее поле, а её лирический герой – одно из его зёрнышек: «Я – зёрнышко в твоём богатом поле, / Одна чистая капелька в твоих водах, / Одна пылинка из хлебной муки, / Потому в жизни счастье меня не покидает».

В поэме «Беспокойная земля» в понимании Танзили земля конкретизируется в роли матери всех живущих на земле, она же покровительница их братского единства: «Я дала вам руки и глаза, / В надежде, что не станете причиной печали, / Одарила умом, и красотой, / Сделав каждого из вас личностью».

Природа и человек – это два берега жизненной реки. Танзиля сравнивает природу с цепью, а человека определяет как одно из её колечек. Оторвётся от цепи колечко – пострадают оба. Земля – это дом, очаг, основа жизни. Человек, зная и понимая свою зависимость от неё, не всегда дорожит этой связью. Лирического героя Танзили настораживает отсутствие бережного отношения к природе, земле, лишаящее человека душевной гармонии. Танзиля ищет ответ на вопрос, есть ли возможность, способная пробудить чувство ответственности в человеке? Она такую возможность видит только в сознательности самого человека. Желая разбудить в человеке ответственность, Танзиля нередко использует стихи магического содержания, заговора: «Отрезви ты, отрезви / Человека, опьяневшего от сытости...». Поэтесса обращается к солнцу, луне, камню и воде, ко всем явлениям среды, где живёт человек. Просьба-молитва во многих стихотворениях Зумакуловой персональна. «Я» поэта обращено и к богу, что способствует более полному и естественному выражению внутреннего беспокойства лирического героя, глубины его чувств: «Обратившись к небу, прошу, / Как просил бы у Аллаха. / Пусть хранятся, не исчезают / Мой камень, моя гора и человек».

***

В поэзии Т. Зумакуловой «персонализируются» биографическое и историческое мышление. Размышляя о сущности зла, она стремится обнажить множество причин уязвимости, невечности добра, душевного тепла. Танзиля одну из них видит в человеческой слабости – зависти, неумении руководствоваться гуманными соображениями. Иными словами, человек, недооценив свой жизненный путь, отошедший от христианских и мусульманских духовных ценностей, нарушает традиции доброты, справедливости: «Сидя там, где греет, солнце, / Словоохотливые женщины, / Осуждают кого-то, не умолкая, / Не остановишь их, / Даже осыпав золотом», – так начинается Танзиля свою поэму «Жамий». Клеветнические разговоры подобны ветру, свободно гуляющему по улицам, находя приют в щелях заборов. Т. Зумакулова понимает, что человеческая жизнь свята, действия со стороны пагубны для неё, ведут к растлению, к гибели культуры, всех накопленных народом ценностей. Танзиля показывает, что свобода для подобных людей в разнузданности, что они не в состоянии одолеть себя, достигнуть такого нравственного уровня, чтобы оставаться человеком, членом общества. Поэт ищет ответ на вопрос, откуда грешницы? Танзиля правдива и честна, видя причину в отсутствии сострадательного отношения к человеку, в игнорировании ценностей, принесённых в мир как мусульманством, так и христианством. В стихотворении «Зависть» («Зарлык») поэт пишет: «Несчастные, мне вас жаль, / Вас одолевает страшная болезнь – зависть. / Вы не можете простить тому, / Кто талантливее вас, / Пытаясь потушить его очаг».

***

Безнравственность причиняет боль не только людям, её ядом пропитывается и идеология. В цикле стихотворений Танзили Зумакуловой «Беспокойное время» речь идёт об изменениях в социально-политической жизни народов России. Используя глаголы «споткнулась», «пошатнулась», «содрогнулась» и им подобные, балкарская поэтесса не руководствовалась слухами и домыслами: основой стало её личное неодобрение событий, свидетелем которых она стала в одном из государственных учреждений: «Я внучка балкарца-строителя, / В сложное и противоречивое время / Сижу в зале Кремля, / Среди широко известных, хороших людей. / На мне платье, сшитое в Париже, / Мой вид и спокойный характер – / В подарок получены от моего народа».

После выхода первого поэтического сборника «Цветы на скале» Танзиля стала широко популярной и любимой народом, но это не значит, что она склонна восхвалять изменения, произошедшие после 1917 года. Она всегда писала о тех явлениях и фактах, которые подсказаны её гражданской совестью. Природный талант её не обманывал, и совесть оставалась чистой. Хотя многие художники шли в ту сторону, куда дул ветер, а когда времена изменились, быстро откристились от того, чему коленопреклоненно служили.

Вправе ли мы сегодня думать, что советский человек – победитель в Великой Отечественной войне, не был носителем высоких ценностей? Может, следует подумать о том, что человек, способный бросить камень в сторону идеологии, которой страстно кланялся, способен и на быстрое раскаяние. Ведь век писателя, который занимался сочинительством по подсказке поли-

тики, короток. Свет же литературы, опиравшейся на традиции народа и передового искусства, неподвластен никаким ветрам, политические колебания его не потушат. Если оценить историю литературы в этом аспекте, то окажется, что она достаточно богата произведениями, способными выдержать соревнование со временем. Такова, в частности, и литература балкарского народа, гражданственность для которой оказалась выше идеологии. Но немало и политизированных, поверхностных произведений. В одном из своих стихотворений Т. Зумакулова пишет: «Друзья-временщики в трудный день тебя покинут, / В тот день твою печаль я возьму на себя. / Льстивые слова, как быстрый дождь, пройдут, / Я же останусь в твоих песнях».

Эти строки балкарской поэтессой опубликованы в 1977 году, но воспринимаются они, будто написаны в XXI веке. Танзиля всегда умела защищать верность общественному долгу, культуре, рассматривать её как вечнозелёное дерево, способное обновляться и давать плоды. И когда мы говорим о высокопорядочных, верных справедливости созидателей такого искусства, произносим имя Танзили Зумакуловой, открыто осуждающей двуличность художников. В цикле стихотворений «Беспокойное время» измена мужеству и нравственной стойкости у поэта вызывает печаль и осуждение. В стихотворении «Моя печаль» мотив произведения выражен конкретно: «Как бы мы ни упирались, / Равенство ушло, погисло. / Фундамент дрогнул, сотрясаясь, / Мощное государство ослабло».

Думая о жанровых особенностях подобных произведений Зумакуловой, можно отнести их к публицистической лирике. Но можно определить их и как стихотворения, оценивающие современное состояние общественной и государственной жизни, как критическую реакцию на её неадекватность. Но критическое отношение поэтессы к современным общественным явлениям, её печаль выше всяких идеологических колебаний, как может быть выше жизненная правда и нравственная стабильность. Т. Зумакулова оценивает недалёкое прошлое нашего Отечества и современность как мудрая дочь своего народа, как хранительница верности родной земле. Деятели, бросающие камень в идеалы прошлого, не только печалят лирического героя Танзили, но и возмущают, рождают в нём чувство гнева, что опять-таки выражается подбором соответствующих средств. В этом легко убедиться, обратившись к таким циклам стихотворений, как «Говорю забывшим своё прошлое», «О своей печали говорю Богу» и т.д.

Танзиля Зумакулова, обратившись к историческому прошлому и современности, сравнивая их, стремится осмыслить суть понятий «свобода», «демократия», «демократическое государство» и т.д. Ответ поэтессы на свой вопрос и вопрос времени – на нравственно этическом и философском уровнях. При этом она подчёркивает, что с подлинной демократией соседствуют вольнодумство, «хаос». В некоторых стихотворениях Танзиля соединяет такие словосочетания, как «не умолкают», «спорят, надрываясь», «голоса их оглушительны», «рвут на куски огромное государство» (стихотворение «Отчего причиняют боль народу»).

Танзиля с большим мастерством пишет о том, что общественный порядок нарушен «лжедемократией», материальное богатство страны оказалось в руках приспособленцев. Она, переживая, защищает чистоту и честность

гражданской позиции: «Светлые пути отрезаны, / Приспособленцы быстро опьянели, / Став неузнаваемыми, / Обнажили чёрные души и лица. / Лишённые таланта пишут стихи, / Безголовые стали певцами, / А неверующие молятся».

Долг каждого художника – защищать интересы народа, осуждать и отрицать всё то, что противостоит его желаниям. В этом отношении на всё ладно с современной литературой, тогда как многие писатели нашей республики, можно сказать, мужественны.

Отец Танзили – Зумакулов Мустафа

*Встреча с земляками в Тырнаузе – к 60-летнему юбилею Танзили.
Слева направо: Мариям – мать Танзили, чеченская поэтесса Раиса
Ахматова, Танзиля Зумакулова и Валентин Кузьмин*

Муталип БЕППАЕВ,
лауреат Международного конкурса
имени Махмуда Кашгарского

КОРОЛЕВА СЛОВА – ТАНЗИЛЯ

Стихи Танзили Зумакуловой лаконичны, нежны, душевны, доверительны, исповедальны, народны. Их не устаешь читать, ибо каждый раз в ее произведениях выявляются, проступают новые, доселе невиданные, неведомые грани, краски, удивительные образы:

*Стихи слагали стихотворцы
С высоких гор, но ни один
Не знал, насколько выше горцы
Своих подоблачных вершин.*

*Я глядываюсь в даль столетий,
Мне кажется, что – дети гор –
Возникли мы на белом свете
Намного раньше этих гор.*

Все ожидали, непременно будет мальчик. Но 18 июля 1934 года, в небольшом балкарском ауле Гирхожан, у Мариям и Мустафы на свет появилась дочь:

*Я, плача, в этот трудный мир входил,
От боли. И метался, слёз не пряча.
А буду уходить, от горя плача,
Настолько эту землю полюбил.*

Местная повивальная бабка знала многие древние поверья горцев. Сразу же, как только родилась девочка, она велела принести кувшин меда. Содержимое глиняной посуды вылила в медный таз, осторожно опустила ножки ребенка в мед, чествуя рождение новой жизни. А следом во всеуслышание объявила: «Умейте же радоваться тому, что Всевышний дарит вам. И тогда непременно сбудутся все ваши желанья и помыслы. Эту же крохотулечку я нарекаю именем – Танзиля! Она будет гордостью семьи, рода Зумакуловых и всего Кавказа!»

*Но прошлое не возвратится снова,
Едва ль тебя, над кем нависла мгла,
Утешит то, что я переняла
Твою походку, голос твой медовый.*

*И сколько жизни бы моей ни длиться,
Я не могу отдать тебе ни дня,
Я не могу с тобою поделиться
Всем тем, чем одарила ты меня.*

После торжеств вещунья заявила, что отныне в семье будут рождаться сыновья. Чуть переждав, добавила: «Ибо вы должным образом сумели приветить, обласкать свое чудесное чадо...» Тогда никто не придал значения словам старой горянки. А события потом развивались по её сценарию...

*Рождался мальчик – в доме ликовали.
Дом без мужчины домом был едва ли.
И девушка, будь у нее добра
Сто сундуков! – считалось небогатой,
Пока судьба ей не дарила брата.
Гордится братьями у нас сестра!*

В те далекие времена, когда советская власть насаждалась на местах винтовкой и словом, красноречие, конечно же, было в большом почете. Отец Танзили Зумакуловой, как и в другие дни, ранним утром готовил очередное выступление перед активом района.

Неторопливо похаживая по небольшой комнатке, жестикулируя рукой, он оттачивал свою будущую речь. А она, – ей тогда было всего четыре, – безмолвно наблюдала за действием главы семейства. Мустафа, ничего не подозревая, вышел в сени, чтобы перевести дух...

*Забывать их – в мире нету средства,
Душа не терпит пустоты.
Что ты увидел в раннем детстве,
То навсегда запомнишь ты.*

*И дремлют горные закаты,
Там, в глубине души моей.
Как затонувшие фрегаты
На дне забывчивых морей.*

Вдруг он отчетливо услышал голосок дочурки. Та же, думая, что отец ушел на работу, кому-то что-то старалась объяснить, втолковать. Однако, вслушавшись в слова ребенка, отец опешил: Танзиля выговаривала его слова...

Отец спешно позвал Мариям и они уже вдвоем уговорили малышку повторить все заново. И она вновь, похаживая по комнате, жестикулируя ручонками, то и дело приостанавливаясь на секунду у зеркала, рассказывала папино Слово...

Вот так впервые родители осознали, что у них особенный ребенок. А потом, со временем, когда Танзиля начала слагать свои молитвенные исповедальные монологи, это поняли в Кабардино-Балкарии, в России и Советском Союзе.

*И где мы только не бывали,
А горы оставались тут,
Они нас ждали, ждали, ждали,
Как воинов горянки ждут.*

*Гордитесь, горы, высотой
И красотой без прикрас.
И мы, Кавказ, горды тобою
И тем, что ты похож на нас.*

Слово! Оно объемно, оно, думается, бесконечно, ибо тысячелетиями растилось, пестовалось самой природной чередой поколений. А когда с ним соприкасается мастер, такой, как Танзиля Зумакулова, оно по-новому оживает, сияет, парит, летит, одаривая всех очистительным светом.

Легкое дуновение этого таинственного ветерка подхватывает, несет в божественном танце мысли, душу, дух каждого читателя. Освобождая его от горестей, печалей и, быть может, даже от всех будущих невзгод, огорчений.

Свою небольшую статью о мастере балкаро-карачаевской словесности хочу закончить своим стихотворением «Королева слова – Танзиля»:

*Как древний, гордый, славный храм для прихожан,
Он с Эльбрусом рожден в обнимку, Гирхожан.*

*До неба, кажется, шажок совсем один:
И ты – Кавказа повелитель, властелин.*

*В красе небесная, высокая земля,
Где родилась княгиня наша – Танзиля.*

*Летят, летят к нам птицы странной чередой,
Все к ней одной, неся привет очередной.*

*Небесной вязью проступают вензеля:
«Здесь родилась королева слова – Танзиля!»*

Танзиля и Д. А. Медведев на встрече в Кремле

***

Танзиля – действительно выдающийся поэт, гордость родной литературы, замечательный мастер советской поэзии.

Кто знает ее творчество так, как я, иначе не может его оценить. В моих словах нет тени преувеличения или снисходительного отношения. Я не могу иначе подходить к творчеству этой действительно высокоодаренной женщины.

Кайсын Кулиев

***

У Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному. Я всегда уважал Танзилло, любил ее поэзию и высоко ценил. Как поэту творческое бессмертие ей обеспечено.

Расул Гамзатов

***

Дорогая Танзиля, твоя поэзия, ставшая белой вершиной, откуда обозреваются пройденные пути, среди которых есть дальние, магистральные, полевые и крутые, горные и степные, и все они отмечены большими творческими свершениями на радость твоего народа, твоих многочисленных друзей и нашей общей с тобой яркой литературы.

Алим Кешоков

***

Я знаю Танзилло как одного из видных тюркоязычных поэтов мира. У нас в Средней Азии звезда первой величины среди женщин – Зульфия. Для Кавказа такой звездой является балкарская поэтесса Танзиля.

Чингиз Айтматов

***

Ваша поэзия меня потрясла. Удивительно, такая чарующая женская красота, такое человеческое обаяние, такой высокий талант, такое красивое имя – Танзиля – все дано одному человеку, женщине. Вы чудесное создание, дар природы, который очаровывает людей, вселяя в их сердца счастье, тепло, свет, как солнце, и, как солнце, оставаясь на высоте.

Мирзо Турсун-заде

***

Я знаю этого горского соловья много лет, но лучшее в Танзиле остается неизменным: ее человеческая красота, распахнутость души навстречу людям, ее желание активно сострадать их бедам и будить своим творчеством в душах лучшие струны, поднимаясь над суетой и устремляясь в светлые выси.

Сергей Михалков

***

В стихах Танзили Зумакуловой нет ни слезливого уныния, ни фальши-

вого бодрячества. Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства...

Давид Кугультинов

***

Творчество Танзили Зумакуловой – это уровень поэзии Александра Твардовского, Расула Гамзатова, Мустая Карима и Михаила Исаковского, Эдуардаса Межелайтиса и Ярослава Смелякова, Павло Тычины и Петруся Бровки, Давида Кугультинова и Кайсына Кулиева, Юстинаса Марцинкявичюса и Миколы Бажана, Алима Кешокова, Зульфийи и всех прекрасных поэтов, составляющих ныне гордость нашей, а значит, и мировой литературы.

Сергей Баруздин

***

У Танзили Зумакуловой умное сердце, где присутствуют и высокая радость, и высокая боль.

Назар Наджми

***

Танзиля – крупнейший поэт современности, символ кавказской женщины.

Саид Чахкиев

***

Танзиля Зумакулова – проникновенный, тонкий лирик, обладающий волнующей достоверностью чувства и высотой мысли.

Николай Доризо

***

Я думаю, что Танзиля Зумакулова – это думающий и нежный поэт. Она умеет своим словом проникнуть в сердце человека.

Лев Ошанин

***

Счастлив и обрадован тем, что на Кавказе живет такая прекрасная, великая поэтесса, как Танзиля Зумакулова. Очень рад тому, что мне довелось с ней познакомиться. Она сама похожа на старинные, но вечно молодые фрески Константинополя, на строки подлинно народной, бессмертной песни.

Энвер Эржан (Турция)

***

Танзиля Зумакулова нам известна как Сапфо балкарской поэзии. Я был безмерно рад, что могу познакомить турецких читателей с ее прекрасной поэзией. Я полюбил творчество Зумакуловой потому, что она умеет говорить с читателем искренно и доверительно, от всего своего доброго и щедрого сердца.

Анъл Меричелли (Турция)

***

Я был счастлив, что мог видеть Танзилю на фоне белоснежного Эльбруса и у Чегемских водопадов, мог слышать, как балкарские женщины выказывали к ней любовь и неподдельное уважение. И мне показалось, что в сей миг слились воедино высокая, небесная поэзия Танзили и героини ее произведений,
Атаол Бехрамоглу (Турция)

***

Милая Танзиля!

Вы сегодня самая высокая гора в нашей феминистской поэзии, Вы – настоящий человек и настоящая женщина – вот за это я Вас люблю и уважаю. Желаю Вам глубокого поэтического вдохновения и просто человеческого счастья.

По-братски целую Вас. Всегда Ваш –

Эдуардас Межелайтис, Вильнюс

***

Поздравляю Вас с Вашим юбилеем, этим бальзаковским возрастом в литературе, возрастом расцвета и зрелости. Живите долго и счастливо, продолжайте радовать нас новыми прекрасными творениями.

Сильва Капутикян, Ереван

***

Сердечно поздравляю дорогую мою Танзилю, народного поэта, достойно воспевшую свой мужественный, гордый народ, его прекрасную землю, со славным юбилеем, высокой наградой. Люблю искреннюю, душевную, звучную, глубокую поэзию Танзили. Пусть всегда так же самобытно звучит ее песня в могучем хоре горских поэтов, так любимых всей нашей страной.

Ваша Зульфия, Ташкент

***

Тебя, славную дочь Кабардино-Балкарии, от души поздравляю с датой поэтической зрелости, еще не ушедшей молодости. Высоко ценю твой талант, радуюсь успехам, живи долго и красиво.

Мустай Карим, Москва

***

Дорогая Танзиля, от всей души поздравляю тебя и всех горцев Кабардино-Балкарии, которые любят и высоко ценят твой изумительный талант. Родившись в горах, ты всегда стремилась своим творчеством достичь вершин, одну из которых славят сегодня.

Твой

Олжас Сулейменов, Алма-Ата

***

Дорогая Танзиля Мустафаевна, в день Вашего замечательного юбилея сердечно приветствую Вас от имени Ваших давних и верных друзей, грузинских писателей и от себя лично, желаю Вам много новых светлых, творческих радостей, бодрости.

Нодар Думбадзе, Тбилиси

***

Милая сестра Танзиля-ханум, сердечно поздравляю тебя, замечательного поэта наших дней, нежного, искреннего певца своего народа и времени, с праздником юности и молодости. Обаяние твоей прекрасной поэзии счастливо совпадает с твоим личным обаянием, что делает совершенно неувядаемой и вечно юной тебя и твою поэзию. Желаю новых творческих успехов.

Наби Хазри, Баку

***

Танзиля, милая!

Будь вечно молодой, красивой, доброй, мудрой, какая ты есть, и оставайся верной земле, горам, траве, речке и камню, звездам и облакам, а еще хорошим людям! И песне! И простому слову на балкарском языке.

Будь счастлива и здорова, наша общая сестра и моя особенно.

Всегда твой Нафи Джусойты, Цхинвали

***

Равнинный русский поклон горянке Танзиле, счастья во всех измерениях.

Виктор Боков, Москва

***

Дорогая Танзиля Мустафаевна, сердечно поздравляю Вас, как один из многих верных поклонников Вашего замечательного таланта, как один из Ваших почитателей и читателей, для которого именно в Ваших произведениях наиболее полно раскрылись богатейший духовный мир горянки, жизнь людей и вместе с тем близкого нам, моему народу, края. От всей души желаю Вам бодрости, много новых, радостных дней поэтического творчества, новых славных успехов.

Тамаз Чиладзе, Тбилиси

***

Дорогая Танзиля-ханум, вы являетесь гордостью всей советской литературы. Ваш прекрасный поэтический мир зачаровал миллионы сердец. Я счастлив – перевел ваши стихи на азербайджанский язык. Ваша поэзия высокая, чиста, как вершина Эльбруса.

Рамиз Гейдар, Баку

***

Дорогая Танзиля, песнями волн Балтийского моря сердечно приветствуют Вас и всего светлого желают Вам писатели Латвии.

Гунар Приеде, Рига

***

Танзиля Мустафаевна, татарские писатели шлют Вам, выдающейся поэтессе современности, братский салам, искренние пожелания дальнейших успехов, солнечного счастья.

Магсум Насыбуллин, Казань

***

Дорогая Танзиля Мустафаевна, горячо и сердечно поздравляем с золотым юбилеем. Желаем Вам, известной всему миру поэтессе, славной дочери балкарского народа, крепкого здоровья, счастья, больших творческих успехов. Молодежь и студенты Москвы знают и любят Ваши стихи. «Пусть будет славен сочинитель тот, кто знает, что писать имеет право». Всего светлого Вам!

Анна Серова, Москва

***

Дорогая Танзиля Мустафаевна, от имени Госкомиздата СССР и от себя лично поздравляю Вас, известную советскую поэтессу, лауреата Государственной премии РСФСР имени Горького, народного поэта Кабардино-Балкарии, со славным юбилеем и высокой правительственной наградой. Советские читатели хорошо знакомы с Вашим поэтическим творчеством. Ваши книги стихов «Светильник», «Молчание», «Старой песни новая строка», «Сокровенность» завоевали всеобщее признание. От всей души желаю Вам, глубокоуважаемая Танзиля Мустафаевна, крепкого здоровья, больших успехов в творчестве, новых поэтических вершин.

Пастухов, председатель Госкомиздата СССР

***

Как-то в доверительной беседе Аныл Меричелли заявил, если б, мол, Танзиля-ханум жила во времена Османской империи, непременно быть ей султаншей. Однако коль не довелось быть ей ни султаншей, ни царицей, ни императрицей, то пусть об этом страдают бывшие властелины мира. Для нас же Танзиля является выше всех перечисленных сословных, иерархических величин и ценностей. Ибо она – Поэт от Бога, ставшая душой родного народа, его высшим культурным достоянием, его болью и радостью на все времена.

*Канишауби Мизиев, профессор, тюрколог
Республика Башкортостан*

*Слева направо: Танзиля Зумакулова,
первый президент КБР В. М. Коков, В. Вороков*

Встреча Танзили с друзьями и читателями

У памятника Кайсыну Кулиеву

ТАНЗИЛЕ ЗУМАКУЛОВОЙ

*«В краю балкарцев, где снега и скалы,
От века молчаливы и тихи,
До моего рожденья не бывало,
Чтоб сочиняли женщины стихи».*

Т. Зумакулова

Да! Так и есть, и люди знают это!
И всё ж, могла ль родиться Танзиля
У женщины, что не была поэтом,
И чья душа не пела, как струна?!

С ладони матери сойдя на землю,
Шагнули Вы в нелёгкий, жёсткий мир,
В котором зло и доброта не дремлют,
И нескончаем их борьбы турнир.

Испили Вы из чаши испытаний
Всё, что судьба наметила для Вас:
С земли родной жестокое изгнание
И возвращенья выстраданный час.

И здесь, в краю, где гор седые скалы,
От века молчаливы и тихи,
Во весь Ваш голос, громко зазвучали
Волшебные, бессмертные стихи!

Триумф настал! И жизнь, как на ладони:
Чиста, светла, как первый белый снег...
А впереди судьбы лихие кони
Вновь начинают свой крутой забег!

Елена ТОХТАМЫШЕВА,
специалист по связям со СМИ
Управления МВД РФ по г. Нальчик

БЕЛАРУСЬ БЛАГОДАРНА И ПОМНИТ СВОИХ ОСВОБОДИТЕЛЕЙ!

В этом году исполняется 70 лет со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Путь к освобождению начался в 1943-м году, и еще долгих три года белорусская земля изнывала под фашистским игом.

Всему миру известно, как сражалась непокоренная Беларусь. Свой вклад в разгром фашистских захватчиков внесли партизаны и подпольщики. Все, от мала до велика, сражались за свою землю, за свои семьи, за светлое будущее.

Сегодня это событие знаменательно как для всего белорусского народа, так и для ветеранов Великой Отечественной войны, которые участвовали в боях по освобождению Беларуси, а сейчас живут в других государствах.

В Кабардино-Балкарии проживает около одной тысячи белорусов. Здесь учреждено и зарегистрировано Кабардино-Балкарское общественное движение «За единение-«Сябры», деятельность которого направлена на единение наших стран и народов, Беларуси и России.

Совет общественного движения «За единение-«Сябры» не оставляет без внимания ныне живущих ветеранов Кабардино-Балкарии, освобождавших Белоруссию в том далеком 1944 году.

На сегодняшний день в КБР проживает около 60 воинов-ветеранов и партизан, освобождавших союзную республику СССР от фашистов,

есть узники концлагерей. Они не забыты, о них помнят, их чувствуют, им благодарны потомки, в том числе белорусы, проживающие в КБР.

5 июля в Фонде культуры Нальчика состоялось праздничное мероприятие, посвященное Дню независимости Беларуси.

В данном мероприятии,

которое провел председатель Совета общественного движения «За единение-«Сябры», активный член Общественного совета Управления МВД России по г. Нальчик Павел Федорович Сидорук, приняли участие члены правительства КБР, представители городской администрации, члены Общественного совета Управления МВД России по г. Нальчик, представители науки и культуры, молодежь республики и, конечно же, дорогие, уважаемые ветераны.

Гостей торжественного мероприятия встречали в фойе Фонда культуры, где развернулась выставка военной атрибутики: предметы вооружения советских солдат и личного обмундирования, фронтовые письма и фотокарточки.

Павел Сидорук обратился с приветственными словами к собравшимся, огласил список уроженцев Кабардино-Балкарии – участников партизанского сопротивления в годы войны в Беларуси. Поздравил со знаменательной датой ветеранов, пожелал крепкого здоровья и долгих лет, поблагодарил за помощь в патриотическом воспитании молодого поколения и сказал: «Низкий вам поклон, дорогие ветераны! Ваш боевой дух не будет забыт, наш братский народ помнит о вкладе ветеранов в освобождение Белоруссии».

Главным событием торжества стало награждение юбилейными медалями «70 лет освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков» ветеранов, участвовавших в освобождении братской республики в годы войны. Награда учреждена президентом Республики Беларусь Александром Лукашенко.

В силу своего возраста и здоровья в мероприятии участвовали лишь 13 ветеранов, которые рассказывали о том, как спасали раненых на поле боя, вспоминали о погибших товарищах. Все они удостоены высокой награды.

Среди награжденных юбилейной медалью – партизанка

Полиневская Ядвига Игнатьевна, которая много сил и энергии вложила в послевоенное возрождение Кабардино-Балкарии.

Также на данном мероприятии был «освящен» флаг Брестской крепости и флаг г. Минск, с напутствием доставить его на величайшую гору Европы Эльбрус – в честь приближающегося 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Продолжением торжества стало театрализованное представление. Прозвучали стихи о войне, ее героях и Белоруссии. Национальный белорусский ансамбль песни «Колорит» исполнил белорусские песни и произведения военных лет.

Кроме того стоит отметить, что 1 июля 2014 года члены общественного движения «Сябры» совместно с представителями администрации города выезжали по месту жительства к партизанке Кардановой Валентине Александровне, которой в этот день исполнилось 90 лет. Валентине Александровне были переданы поздравления от имени президента Российской Федерации Владимира Путина, а также вручена юбилейная медаль.

Члены совета общественного движения «За единение-«Сябры» посетили дома ветеранов ВОВ, участвовавших в освобождении Беларуси, и вручали юбилейные медали. Каждый ветеран был приятно удивлен и со слезами на глазах благодарил за внимание и заботу.

Конечно же, когда мы говорим о ветеранах, каждого из нас охватывает чувство безмерной благодарности. Их подвиг навсегда останется в памяти народа.

Я хочу вспомнить не только воинов – ветеранов ВОВ, но и наших матерей, бабушек, прабабушек, многие из которых сами поднимали детей в тяжелое послевоенное время, строили новую жизнь. Они смогли отстоять независимость и потом укрепляли ее каждодневным трудом.

К 70-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Меньше года осталось до 70-летия Великой Победы советского народа над фашистской Германией, а 3-го июля нынешнего года исполняется 70 лет со дня освобождения Беларуси. В результате гениально разработанной в Генеральном штабе Советской Армии операции «Багратион», о которой кроме Сталина в полном объеме знали только пять человек, где оперативные документы генералы писали от руки, которая проходила с 22 июня по 29 августа 1944 года, территория Белоруссии, при поддержке партизан, была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Именно 3-го июля, ранним утром, советские танки ворвались в Минск, и этот день является государственным праздником Беларуси – Днем Независимости. Он будет отмечаться не только в Беларуси, где в Минске пройдет грандиозный парад с участием 3700 военнослужащих и 240 единиц боевой техники армии Беларуси, в том числе первого периода войны и современной военной техники Вооруженных сил России, но и в Кабардино-Балкарии.

Сегодня в Кабардино-Балкарской республике живут ветераны войны, партизаны, таких шестьдесят человек, освобождавших союзную республику СССР от фашистов, есть узники концлагерей. Они не забыты, о них помнят, их чествуют, им благодарны потомки, в том числе белорусы, проживающие в КБР. Они заслуженно награждены юбилейными медалями «60 и 65 лет со дня освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков», учрежденными президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Будут награждены и к 70-летию. Такая работа уже ведется.

Тема моей статьи – накануне исторических дат, – показать и рассказать на основании имеющихся документов Жабинковского района в Беларуси, что мы победили благодаря интернационализму, боевому духу и дружбе народов бывшего СССР, чего так не хватает в нынешней жизни. Я буду осознанно называть только фамилии, имена и отчества, характерные для представителей Кавказа и других неславянских народов бывших союзных республик, хотя, естественно, воевали все.

Уже в первые дни войны, под Брестом, в ночь с 24 на 25 июня, в Старосельском лесу из местных жителей, командиров и красноармейцев, оставшихся в тылу, был организован партизанский отряд, в последующем преобразованный в бригаду. Командиром бригады им. И. В. Сталина с октября 1943 по март 1944 гг. был Сумбат Хачатурович Арзуманян. Отрядом им. М. М. Чернака (один из организаторов отряда, местный житель, погиб) с августа 1943 по март 1944 гг. командовал Рамазан Дзабиевич Козырев. В отряде им. М. В. Фрунзе с июля 1943 года комиссаром, а с декабря 1943 по февраль 1944 гг. командиром был Альбин (так на белорусском) Харитонович Кануков, затем до апреля 1944 года – Михаил Борисович Кодзаев.

Из донесения С. Х. Арзуманяна, командира бригады, по разгрому полицейского участка: «Используя группу «кавказских легионеров», так назывались немцами выходцы из народностей Кавказа, которые перешли на сторону партизан, все одетые в немецкую форму, отряд построился и

подошел к полицейскому гарнизону в д. Озяты. Командир Рамковский на немецком языке подал команду, полицейские по-холоуйски приветствовали их. Осетины говорили на своем родном языке, создав еще большую уверенность у полицейских, не знавших немецкого языка, что якобы прибыли немцы. Партизаны разошлись, заняв удобные позиции и оцепив полицейских с тем, чтобы не дать им возможности подойти к оружию, и ждали команды на осетинском языке (русскоязычные предварительно её изучили) приступить к действию. Операция была закончена полным успехом. Уничтожено 11 полицейских, староста и 9 предателей. Взятые трофеи. Операцией командовали Рамковский, Исмачулов, Козырев...»

А сын степей красноармеец Нурум Сыдыков, ставший со временем командиром роты, за три года партизанских действий удостоился орденов Красного Знамени, Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, советских и польских медалей. В отряде были и его земляки – Аюп Каныслаев, Шериф Керимбаев, Адманг Жанакоев.

Недостаточно слов, чтобы рассказать о зверствах фашистов за три года оккупации района. Тысячи расстрелянных мирных жителей, просто так и за связь с партизанами, уже в августе 1941 года было сожжено и расстреляно 278 советских граждан еврейской национальности. К началу войны в г. Бресте проживало 50 тысяч евреев, к освобождению осталось 50 человек. Мы все слышали слово «Хатынь», а такие трагедии совершались по всей Белоруссии, в том числе и в данном районе. Деревня Дремлево дотла сожжена вместе с жителями – 195 человек. К 70-летию хатыньской трагедии неравнодушные люди и организации, в том числе из России, создали электронную базу данных – «Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны». Базу можно найти по адресу: db.narb.by. Здесь значится 6259 деревень, и это неполный перечень, ведутся дальнейшие поиски. 186 деревень, сожженных вместе с людьми, так и не смогли возродиться после войны. Вдумайтесь в эти цифры и... помолитесь! Тяжелая участь постигла так называемых «восточников», то есть жен и детей военнослужащих, которые не успели эвакуироваться, почти все они были расстреляны. Каждый третий житель Белоруссии погиб, но люди сражались. Освобождение пришло в лице Советской Армии и действий партизан.

Мангалей Фацихович Ахметов, старший сержант, командир самоходной установки СУ-76, отличился при освобождении района. Затем бои за Брест, Восточную Пруссию, штурм Берлина. Погиб 8-го мая 1945 года, спеша на помощь Праге, спасая подготовленный фашистами к взрыву мост. Посмертно он награжден орденом Ленина.

За храбрость и мужество при освобождении г. Жабинки более ста воинов были награждены орденами и медалями. Среди них Базаркулов Мамед Абду-

лаевич, узбек, младший сержант, наводчик противотанковых ружей – орденом Славы 3-й степени, Гигинашвили Шалико Алексеевич, грузин, старший сержант – медалью «За отвагу», Миробишвили Григорий Иванович, грузин, младший сержант – орденом Красной Звезды, Рахимов Михаил Рахимович, удмурт, телефонист – медалью «За отвагу», Сапралиев Курбан-Али, туркмен, стрелок – медалью «За отвагу». Естественно, были русские, украинцы, белорусы. В районе памятники и обелиски напоминают о расстрелянных мирных жителях, погибших и умерших от ран солдат, партизан, среди них **Кулов А. К.**, – повешен фашистами, память о нем увековечена на мемориальной доске. Часть захоронена в Братской могиле на ул. Кирова, где установлен

памятник – скульптура воина.

Наше общественное движение «Сябры», конечно, сделает все возможное, чтобы такая знаменательная дата не осталась без внимания к ныне живущим жителям Кабардино-Балкарии, освобождавшим Белоруссию в том далеком 1944 году. Вспомним павших, ушедших из жизни в послевоенные годы. К 60-летию юбилею освобождения Белоруссии в КБР проживало 187 участников. В журнале «Архивы и общество», № 24 за 2012 год, нами опубликован список уроженцев Кабардино-Балкарии, участников партизанского сопротивления на территории Белоруссии, отозвался сын одного из них.

Никогда те, кто погибал на войне, кто до изнеможения трудился в тылу, не делили землю, которую защищали, на которой страдали, на свою и чужую. Сегодня, к сожалению, по этой земле пролегли границы, подчас глухие и непреодолимые. Но духовное пространство над ними останется единым, общим и пока неделимым, в том числе благодаря нашей памяти. Именно поэтому сегодня так много попыток провести непреодолимые границы в наших душах и сердцах, стереть память о войне или, по крайней мере, принизить, приглушить общую гордость Победой. Именно поэтому так важно и значимо все, что срывает эти попытки; все, что помогает нам хранить память о войне, о ее героях, о нашей истории.

ВСТРЕЧА В МАХАЧКАЛЕ

От редакции

По инициативе министерства печати и информации Республики Дагестан с 24 по 26 июня 2014 года в г. Махачкала прошло совещание редакторов – «Роль литературных журналов в культурной консолидации общества».

В этом мероприятии приняли участие представители Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Северной Осетии-Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.

Участники совещания обсудили роль литературных журналов в современном обществе, определили возможные пути и механизмы популяризации достижений национальных культур. Главные редакторы региональных журналов говорили о совместных мероприятиях по налаживанию сотрудничества в области переводческой деятельности и популяризации литератур северокавказских республик в общекультурном пространстве России.

На встрече присутствовали члены правительства Дагестана, работники СМИ и писатели. С основным докладом выступила заместитель министра печати и информации Дагестана Мисаят Муслимова. Редакция «ЛКБ» посчитала необходимым ознакомить наших читателей с текстом ее выступления.

Мисаят МУСЛИМОВА

***

Уважаемые участники совещания, дорогие гости!

Сегодня мы пригласили профессиональное сообщество редакторов литературных журналов СКФО, людей, от которых во многом зависит качество литературного процесса и степень интереса читателей к национальной литературе, к обсуждению проблем литературной жизни республик. Мы исходили из обеспокоенности проблемой падения роли литературных журналов в культурной и общественно-политической жизни страны, а также ослабления их интегрирующей роли в культурной консолидации общества. Мы исходили из понимания необходимости объединения наших усилий по укреплению общекультурного пространства северокавказского региона, а тем самым и страны, по консолидации усилий для влияния на качество литературного процесса и популяризацию творчества талантливых писателей наших республик. Традиционно толстые отечественные литературные журналы, выступая как литературно-художественные и общественно-политические издания, формировали целые читательские поколения, мыслящие, взыскательные. В потоке текущей литературы редакции умели выявить талантливых авторов и сделать их имена достоянием страны. Однако на структуру журнального дела кардинально повлияли распад СССР, обретение демократических свобод, экономическая реформа, приведшая к созданию рыночных отношений. Экономическая и социальная дифференциация россий-

ского общества, девальвация духовных ценностей, размытость ценностных ориентиров и общественных идеалов, развенчание российских культурных традиций оказали негативное влияние на общественное сознание, на состояние литературного процесса и культуры общества в целом, резко снизили воздействие литературно-художественных журналов на формирование личности, становление человека в мире ценностей культуры. Российское общество после перехода к рыночной экономике столкнулось с серьезными вызовами. Именно из этих объективных вызовов исходил президент страны, объявляя этот год годом культуры, при этом культура должна пониматься не как набор мероприятий или развлекательных услуг. Опасность формализации культуры и выхолащивания содержания рождается многими причинами, но сегодня мы собрались для того, чтобы говорить о той зоне проблем, за которую мы ответственны и на которую можем влиять. Литература и общество – сфера деятельности литературных журналов, и проблема поддержки чтения имеет самое прямое отношения к редакторам современных литературных журналов. Президент страны призвал формировать среду, когда образованность станет правилом хорошего тона, а литература – мощным фактором духовного влияния. Призвал совместно решать важнейшие проблемы литературной сферы: «Это создание условий для развития творчества писателей и возрождения традиций литературной критики, разработка сбалансированной издательской политики и активное использование возможностей библиотек, литературных музеев, мемориальных домов писателей. Нам в целом нужна долгосрочная, продуманная система мер поддержки отечественной литературы», – добавил В. В. Путин, пригласив профессиональное сообщество литераторов к диалогу по этим проблемам. Гуманитарии били тревогу, власть не слышала. Сейчас власть поменяла вектор приоритета, а гуманитарии пассивны. Причины – либо неверие, либо, чаще всего – наша разрозненность. В последние годы государство демонстрирует волю к изменению приоритетов и понимание роли культуры, художественной литературы в духовной жизни общества, в устойчивом и поступательном развитии государства. Знаковым событием стало проведение 21 ноября 2013 года в Москве Литературного собрания, где в выступлении президента страны общество, интеллигенция страны услышали четкие и серьезные тезисы, обозначающие проблемные зоны и приоритеты культурной политики. Самая читающая некогда страна уже не может претендовать на это звание: упал уровень владения русским языком, создающим общегуманитарный контекст страны; падение уровня чтения напрямую связано с падением общего культурного уровня; необходимо помочь талантливым молодым авторам выходить к своему читателю; необходимо подключить к процессу перевода лучшие литературные силы. Для поддержки литераторов учреждена президентская премия, будут разрабатываться меры социальной поддержки писательского труда, ожидаются позитивные преобразования в сфере книгораспространения. Вот основной круг под-

нятых президентом вопросов. Прошло уже полгода, но год культуры, несмотря на большую проводимую работу, не всколыхнул сообщество деятелей культуры, не стал источником серьезного внутрицехового разговора о проблемах и перспективах развития сферы их профессиональных интересов. Странно, что такая серьезная инициатива власти, объявившей приоритетное внимание к вопросам развития литературы, пока еще не разрушила инертность литературного сообщества. Впрочем, то, что мы называем инертностью, на первый взгляд нередко является деятельностью отдельных самоотверженных людей, деятельность которых по-прежнему остается вне внимания софитов, камер, властных решений. У нас в гостях сегодня именно такие люди, на энтузиазме которых и держалась тоненькая нить нерыночного, бескорыстного служения культуре и человеческому взаимоближению. Клуб писателей Кавказа, литературные журналы Чеченской республики, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии и других республик ведут большую работу по поддержке как своих национальных литератур, так и предоставлению возможности своим читателям знакомиться с творчеством писателей и поэтов соседних народов. Но необходимо поднять эту работу на новый уровень, необходимо реализовать тот потенциал, который есть у наших журналов. И осуществлять эту работу сообща. Кавказская литература всегда была национальной, но никогда – националистической: все писали о других горских народах талантливо, проникновенно, с любовью и уважением. Благодаря им создано единое культурное пространство, которое нельзя дать разрушить ни религиозным шовинистам, ни амбициозным политикам. Сегодня нам нужен общекавказский литературный журнал на русском языке, и нужен по двум основным причинам: русский язык по-прежнему сохраняет важнейшую роль объединения наших народов и культур; на русском языке кавказские авторы создали уникальный пласт литературы, и это не вторичная литература национальных окраин или продукция идеологии советской эпохи. Это самостоятельный феномен русской литературы, активно задающий свое встречное движение. Как пишет Ч. Гусейнов в статье «К вопросу о русскости нерусских», на это явление обратил впервые внимание полвека назад французский русист Леон Робель, отметив, что мало кто задумывается над этим уникальным явлением, а ведь это – мощный культурный пласт, увы, оказавшийся за пределами «истинной» русской литературы. Констатируя, что сегодня утрачивается традиция русской литературы открывать новые инациональные горизонты, Ч. Гусейнов пишет: «В течение какого-то времени «национальная литература» воспринималась с некоторой долей снисхождения – как вроде бы литература второго ряда. Яркие русскоязычные «националы» разбили эти расхожие представления. Более того: русские нерусские писатели оказали существенное влияние на «чисто» национальных писателей, внесли в их ряды состоятельность, активизировали художественный потенциал этих литератур, заложили традиции критического отношения к «национальной» реальности».

При всем том что сегодня русскоязычные авторы, нравится нам это или нет, составляют подавляющее большинство среди литераторов в Дагестане, у нас, например, нет ни одного литературного журнала для этих авторов, а значит, и для читателей. Такое издание тем более необходимо на уровне всего СКФО. Отмечу, что идея собирания сил и проведения нашей встречи была высказана талантливым русским поэтом, редактором одного из лучших на сегодня толстых литературных журналов страны – красноярского журнала «День и ночь» Мариной Саввиных. Уже несколько лет ею реализуется проект «Мосты над облаками», цель которого – укрепить единство страны, включить жизнь северокавказских республик в общероссийское культурное поле. Ею же предложена идея создания Совета редакторов литературно-художественных журналов Северного Кавказа. Думаю, что каждый из вас выскажется по проблеме, даст свои предложения по культурной консолидации общества в рамках возможностей вашей деятельности. Сегодня практика показывает наличие существенного разрыва между потенциальными возможностями литературно-художественных журналов и проблемным положением данного сегмента журнальной периодики на современном этапе. Толстые литературно-художественные журналы в настоящее время продолжают оставаться важной составляющей частью отечественной культуры, но они стремительно уходят в некую самоизоляцию. Актуальным оказывается вопрос об их роли в формировании единого культурного пространства современной России, что особенно важно в условиях открытого общества, возросших возможностей для межкультурных взаимодействий. Сходные процессы идут в журналах нашего региона, но там позиция отчуждения от общества не есть следствие эстетических позиций и выбора редакционных коллегий, скорее это инерционное явление отказа литературного сообщества от серьезного влияния на жизнь, неверия в собственные силы, отсутствия должной поддержки со стороны государственных органов, смирения с ситуацией, которая сложилась в силу объективных и субъективных причин. Но учитывая, что вопреки всем обстоятельствам в журналах региона всегда шла созидательная работа отдельных подвижников, что в обществе есть не поддерживаемый самим литературным сообществом интерес к возможному диалогу с художественным словом, что не было механизмом резонирования этого слова и воли к этому, у нас есть большие перспективы в этом направлении, и сегодняшнее совещание – серьезный шаг к изменению ситуации. Да, классический литературно-художественный журнал, который некогда был и колоколом, и источником знаний, и проводником в мир подлинного многонационального искусства и духовного самостояния, в современной России практически исчез. Но это не значит, что он умер совсем, что он не востребован российской публикой. Скорее, следует говорить о значительном изменении его концепции, и о том, насколько изменение концепции отвечает запросам общества и интересам всего писательского сообщества. Сегодня редакционные коллегии толстых российских

журналов стали закрытыми структурами, преимущественно обслуживающими узкий круг авторов. Так называемая национальная литература не представляет для них значимого интереса. Талантливым северокавказским авторам, большая часть которых является русскоязычными, как принято говорить, трудно выйти на общероссийское литературное пространство, впрочем, как и пишущим на родных языках. У нас накопилось множество проблем в литературной жизни, которые требуют общего осмысления, множество достижений, которые должны быть тоже общим достоянием. Есть ли у них сегодня читатель, если из обихода исчезает понятие «массовый читатель»? Есть ли у них талантливые авторы и что делать, чтобы о них узнали все остальные республики, чтобы нам было кем гордиться и вместе с кем задумываться над тем, кто мы и куда идем? Как живется авторам, не имеющим возможности найти своего переводчика, чтобы зазвучать в масштабах всей страны? Какие процессы происходят сегодня в русскоязычной кавказской литературе, стремительно набирающей силу и задающей свой собственный вектор развития в общероссийском литературном процессе? Как вывести нашу вершинную литературу на мировой уровень и через потенциал художественного слова раскрыть подлинное лицо Кавказа? Ездим ли мы друг к другу в гости со своим словом, своей думой, своим обретением и удастся ли нам найти слушателя? Практика показывает, что запрос в обществе на вдохновенное и умное слово есть, но что мы делаем, чтобы его донести, особенно к молодежи? Если у нас есть литературные журналы, значит в них отражен литературный процесс. Если нет процесса, нет и журналов. Что надо делать, чтобы они не чахли в отсутствие читателей, а воспитывали вкус к чтению и преображали общество? Много вопросов. Совещание, которое проходит у нас сегодня, это событие не одного дня, а по своему замыслу и потенциалу – факт длительного действия, имеющий большое значение для содействия взаимопознанию народов через ценности его духовной культуры. Это важно для страны в целом, поскольку транслирование культуры кавказских народов в общероссийское литературное пространство содействует правильному и объективному пониманию богатства страны и ее силы, которую всячески пытаются отрицать или исказить. Несмотря на нашу близость: культурно-историческую, географическую, общественно-политическую, мы не используем потенциал информационных, культурных и иных механизмов консолидации и укрепления, духовного оздоровления общества. Общность угроз и вызовов – экстремизма, национализма, деформации образа Кавказа и кавказцев в глазах страны в целом требует объединения усилий для преломления стереотипов, умело поддерживаемых заинтересованными сторонами для отчуждения всех и вся. Литература – это не просто художественная летопись жизни народа, это квинтэссенция его духовной и интеллектуальной зрелости, это сокровенное его достояние. Есть оно все-таки или нет, и какова внутренняя дума народа, его глубинная жизнь – об этом мы можем узнать по-настоящему не из но-

востной хроники, при всей ее важности, а из свидетельства ее духовного существования. Мы живем рядом, но недопустимо мало знаем друг о друге, а могут ли знать народы и объединяться в своем движении к добру, если представители творческой интеллигенции по сути разрозненны и не объединяются для решения более масштабных и насущных задач? Когда слабо развиты механизмы взаимодействия и нет весомого фактора личных контактов, теряются полнота жизни и эффективность деятельности. Год культуры требует от нас не формальных мероприятий, а реализации смыслов и глубокой пахоты на ниве возделывания человеческой души. Предстоящий год литературы свидетельствует о том, что речь идет не о разовой акции, а целенаправленной политике, в которой приоритеты культуры наконец-то осознаны как наиважнейшие. Именно в этой связи оправдано внимание к вопросам развития литературного процесса и поддержки чтения. Литературные журналы должны реализовать тот потенциал, который в них заложен. Именно они определяют ход современного литературного процесса и от них зависит ее уровень, возможности. Как культурные институты, объединяющие российскую, северокавказскую интеллигенцию, они могут быть локомотивами культурной политики в создании положительного имиджа региона, государственных, культурных и социальных проектов. С другой стороны, это трибуна, с которой гражданское общество высказывает и определяет ценностные приоритеты, результаты своих духовно-нравственных исканий, тем самым определяя перспективы развития демократических преобразований в России, осуществляет процесс социокультурной регуляции. Литературно-художественные журналы, особенно выходящие на периферии России, являются сегодня хранителями традиционной культуры, имеют огромное значение для формирования единого культурного пространства регионов, охраняют границы России от культурной эрозии, способны активно участвовать в государственной культурной политике. Но их авторитет малозаметен, их голос плохо слышен в жизни общества, усилий по выходу из тени поэтических уединений в сферу вслушивания и резонирования к собственному слову нет. Новая эпоха бросает нам вызовы – опасные, провокационные, и связаны они с процессами глобализации и сопутствующими им технологиями – коммерческими, медийными, политическими. Литература и наш человеческий потенциал, наше единство – силы, которые могут обеспечить адекватные ответы вызовам времени.

Мариян ШЕЙХОВА

Ее поэзия – распаханное болью поле. Здесь безысходность и надежда, обличение и сострадание, восторг и нежность.

«Я хочу быть маленьким камешком в ладонях твоих желаний, о моя усталая родина!» – так скромно определила свою роль в поэзии Мариян Шейхова. А стала вровень с ней. А потом, словно усомнившись в своей надобности родине, она горько произнесла: «Продано, продано, продано. Преданных просят уйти. Родина, родина, родина, Нет к тебе больше пути». Но перо само отделило родину от тех, кто ею правит: «Лекари, пастыри, лидеры... – сколько овец и братвы. Заказчики, скупщики, киллеры – «элита» несчастной страны». Словно обуздывая громкость своего голоса, она произнесла: «Звуки – мальчишество речи, горы не требуют слов». А голос снова прорвался и завершил стих: «Забвение речи – рабство, жизнь без памяти – пыль».

И в этом есть великое таинство поэзии, когда пишущая рука только начинает первую строчку. Дальше ею водит уже нечто, что объяснению не подлежит. Как сказал Александр Блок: «Поэт приходит, чтобы всему дать свое имя».

Мимо белого духана

Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,
Вечер в небе полыхает, словно ягода в вине,
И деревья озорные гнутся гибко, как лоза,
У кутил усы шальные и суровые глаза.

О чем поет им Маргарита, взлетая в белом над землей?
Что не случилось – то забыто, что было – хлынуло волной.
Прими блаженство неземное поляной белых роз к ногам,
Рисуя красками, как жизнью, чтоб возвратить ее богам.

Блики желтого скольженья, взлет над зеленью холма,
Черным высится возница, в тень упрятаны дома.
У кутил серьезные лица – сердце держат на замке,
Руки вскинет Маргарита, словно птица, в кабаке.

О чем поет им Маргарита? Бровь полумесяцем летит,
Земля букетами укрыта, а кисть ласкает и горит...
Прощай, неведомый художник, луна взметнулась нотой «си»,
Шарманщик, горести виновник, у песни слова не проси.

...Мимо белого духана мчатся кони, как во сне,
Бредят руки кистью белой, красной плачут о вине...
Мрак подвала, пол холодный, гряда битых кирпичей,
Вздых последний... крошку хлеба... никому... никто... ничей...

Янтарный шарик на запястье, и в стайке желтых птиц – лицо,
У белых роз – права на счастье, у невозможности – кольцо.
Не пой о прошлом, Маргарита, в ладони пряча лепестки,
Душа прощению открыта, но нет спасенья от тоски...

Четыре лилии на черном

Четыре лилии на черном, на белом – женская рука,
Над бурой пашней дышит паром усталость спящего быка.
Спят ортачалские мадонны, и оголенных плеч тепло
Ягненком белым на колени вздремнувшей ночи прилегло.

Птица желтая в бубен бьет,
Осень сотая мед нальет.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.

В мускатных гроздьях винограда тучнеет жертвенно река,
Алеет винный язычок над горловиной бурдюка,
И скатерть таинством травы легла под тени песнопений,
Лучи закатные запнулись о белоснежные колени.

Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.
Дрогнет ночь от птиц
На плече моем,
Будем крылья шить
Мы с тобой вдвоем.

Прощаю – белым, красным – плачу, а желтым – рушатся века.
Четыре лилии на черном... Какая в зрелище тоска...
На небе – только небо в белом, на черном – почва и цветы,
И день доверчиво глядится в полет звенящей темноты

Птица желтая утро пьет,
Осень верная хмель нальет,
Дрогнет ночь от слов –
День расступится,
Я сорву покров –
Свет потупится.
Заходи в мой дом, Солнце красное,
На пиру моем небо ясное.

Восхождение

Вереница белых звуков в рог охотничий трубит,
Тур в горах, лисица в поле, а в ладонях птица спит.
Восхождение дымится, рог ветвится до небес,
Между пнями бродит пьяно голубой, как утро, лес.

Дом без кровли, конь без сбри,и,
Пой, Нико, и пей до дна,
Утро льет в ладони струи
Пенной прыти молока.

Ветерком трава играет, перекаtywаясь всласть,
Две косули в поле тают, воды сбрасывает снасть,
Бьет серебряная рыба воздух росписью хвоста,
По воде рыбак шагает, улыбаясь неспроста.

Ночь без дня, а день без ночи,
Пой, Нико, и пей до дна.
Краски с неба льются звонче
Алой повести вина.

Непричесанное солнце львенком нежится во сне,
Ломтик дыни прячет нежность у оленя на спине,
Сбросят краски покрывала, схвачен заяц синевой,
По отрогам Авлабара бродит мальчик сам не свой.

Дом без кровли, ночь без дома,
Пой, Нико, и пей до дна.
Жизнь – предсмертная истома,
Смерть – рожденье и судьба.

Праздник Святого Георгия

Какой холодной белизной ночь измеряет жажду духа...
Разбитой вдребезги казной цвет утешает бедность слуха.
Святой Георгий, в дом без кровли прими смирение овец,
Рука с хлыстом и рог воловий – пастух, гонец или отец?

Белый к белому идет,
Тайна к небу кротко льнет,
Бричка с матушкой моей
Свадьбы сельской веселей.
На соседней крыше в белом
За столом она сидела,
Там по-прежнему невесты

Стерегут пустое место,
 Мальчик в белом за спиной –
 Не гадайте: мой, не мой...
 У стены по лестнице
 Пустота невестится.

Какой продрогшей желтизной день укрывает память тела,
 В руинах воздух нарезной, в глазницах – зубчатая стена.
 Святой Георгий, в чистом поле поднимет руки мой отец,
 Разбойник то ли, воин то ли – над ним поклонится, как жрец

Черный к черному идет,
 Черный белого убьет,
 Кони будут в стороне
 Грезить в желтой пелене.
 За холмами ищет пес
 Теплый след овечьих грез,
 Белый конь и черный конь
 Греют отчую ладонь.
 Здесь погасла, там зажглась
 Света призрачная вязь.
 Белый храм, колокола,
 День и ночь, как два крыла...

Какая алая печаль в застольном роге расплескалась!
 Коль недопитое не жаль, то переполненное – малость.
 Святой Георгий, в дальнем поле трава нескошена, чиста,
 Моя ли боль, твоя ли радость – сиянье белого листа?..

Аулов лакских имена...

Аулов лакских имена стучатся памятью былинной,
 В них жажда выси и огня и мука доблести старинной:
 Кази-Кумух, Ахар, Балхар, Хосрех, Ханар и Хурукра,
 Чуртах, Виртах и Камахал, Тухчар, Хайхи и Хулиσμα...
 Убра...

В них эхо верного собрата и гордый зов через века,
 И хрип предсмертного заката, сталь амузгинского клинка,
 Катрух, Хурхи, Бухцанахи, Убра, Кубра и Сухиях,
 Лахир, Вихли и Ханахи, Ури, Чуртах и Гамиях...
 Убра...

И древней стойкостью развалин, и гордой вздыбленностью гор
 Звучат названья перекличкой судьбе людской наперекор:

Шали, Шовкра, Шуни, Щара, Бурши, Цуцар и Шушия,
Щадни, Цийша и Караша, Кацран, Куци и Шахува,
Убра...

О, исчезающие звезды, святые россыпи камней,
О, родников звенящих грезы и жажда брошенных коней!
Мольба несдавшихся развалин, самостояние корней –
Их имена – благословенье и зов летящих журавлей –

Кани, Кукни, Куркли, Курла,
Чукна, Чара, Уллучара,
Убра...

Я в три цвета люблю

Дай клеенку, тифлисский духанщик, – разбитая скрипка смешна.
За окном уплывает мой век, запряженный верблюжьей печалью.
Я в три цвета люблю и в три песни скучаю, княжна,
В ожиданьи холстов над слонами из охры дичаю.

Ах, духанщик с усами лихими, зачем тебе львы?
За порогом толпятся овечки в ожидании рук торопливых,
А орнамент белее на пяльцах, а пальцы нежнее халвы...
О, простите, княжна, живописцев голодных и льстивых.

Черной костью пишу и зеленой землей, серой пылью от неба укроюсь,
Рог ветвистый на вывеске блекнет, а лаваш истончился, как нож.
У духанщика шепки в горсти – я со временем, пери, не ссорюсь,
И в три цвета кричу, да в три песни молчу, чтоб продать свое солнце за грош.

Я в застолье попал на века, виноград в Мирзаани янтарен.
Продавец моих дров над жирафом смеется – я рад,
Уплывает олень, князь поет над пирами развалин,
И пасхальный ягненок оплачет щедроты утрат.

О, простите мой дым... этот старый мангал... о, Нино,
Твои печи полны благодатного жара и тени...
Разве хлеб выпекают еще?... разве льется вино?..
Разве есть еще миг, чтобы плакать в чужие колени...

Магомед НАСРУЛАЕВ

Поэзия Магомеда Насрулаева связана с горным краем – с его живописной природой, с его людьми, с его великим прошлым. Поэт он давно сложившийся. Некоторые поэты работают циклами, которые потом становятся книгами, тематически отличающимися друг от друга. Насрулаев создаёт разнообразие внутри каждой книги. В них, как правило, всегда несколько главных тем, которые обогащаются и развиваются. Одним словом, от издания к изданию он создаёт одну большую книгу.

В привязанности поэта к одной местности, к её людям и природе есть особая значительность. Прошло время, когда поэта за такую привязанность критика называла и «местным» и «областным». При постоянстве большой любви к родному краю: к его горам, рекам, людям – родной край становится родиной в самом большом значении этого слова.

Стихи аварского поэта Магомеда Насрулаева – своеобразное явление современной дагестанской поэзии. Они полны гражданской страсти, глубины и поэтической мощи. В его стихах дышат и почва и судьба нашего современника, непримиримого борца за человеческую справедливость.

В. А. Устинов,
поэт, президент Российской Академии поэзии,
главный редактор журнала «Альманах поэзии».

***

Жизни ветвистая крона –
Шелест листвы бесподобен...
Вновь собираюсь в дорогу,
Полную ям и колдобин.

Падаю и спотыкаюсь,
И поднимаюсь, и снова,
Родина, за прегрешенья
Сам себя мучу сурово.

Тяготы, спешка... А все же
Искренне, по-молодому
Каждое утро, счастливый,
Кланяюсь отчему дому.

Родина

Родины моей цветы –
Краше на планете нет...
Преисполнен доброты
Праведный ее рассвет!

Родина моя всегда,
Хоть вокруг меня темно, –
Путеводная звезда,
Озаренное окно.

Родины моей венец –
Краше на планете нет.
Я пожизненный певец
Золотых ее побед.

Детства и любви мотив –
Эхо правды и тепла, –
Потрудись, покуда жив,
Чтобы Родина цвела!

***

Дивный рассвет опишу ли?
Дымки туманной налет...
В высокогорном ауле –
Ранний восход.

Жизни извечный порядок –
Песней петух упоен...
Как во младенчестве сладок
Утренний сон!

Дождь

Взгляни, как струя дождевая
Промыла наш край! Как окрепла
Большая листва, оживая
От летнего горного пекла!

Дыхание слышно земное...
Цветы распахнули глазищи –

Их лица, поникшие в зное,
Теперь все свежее, все чище.

Вспоила веселая сила
Цветы, и деревья, и зерна,
И пахаря счастьем омыла –
Не зря он трудился упрено!

***

Друг Ибрагим!
Не думай о потерях...
Стал Дагестан
Прекраснее стократ –
Заснули реки
В ледяных постелях,
И птицы утомленные
Грустят.

И лошади, и овцы
Присмирели,
Козлята
Не танцуют на лугу...

Не слышно
Ни улара, ни свирели...
Опять вершины горные –
В снегу.

Друг Ибрагим,
Расстанемся с кручиной,
Как хороша
Осенняя пора!
И Дагестан
Под снежною овчиной –
Как старец,
Задремавший до утра.

***

Я гордым становлюсь и вдохновенным,
Где б только люди речь ни завели
О нашем крае необыкновенном,
Где больше гор скалистых, чем земли,
Я думаю о мужестве, о том,
Как предки шли на смерть
За честь и волю...
Их раны, нанесенные врагом,
Мне до сих пор сжимают сердце болью.

***

Мой сын, мой маленький Ахмед,
Не пробегай мимо погоста,
Остановись и поклонись всем просто,
Кого уже на свете нет.

Кого в трудах застал конец,
Кто ныне спит в могиле темной,
Свой подвиг совершивши скромный,
Чтоб ты резвился – сорванец! –

Свистал, светился, на бегу
Преображаясь и мужая...
Не говори, что смерть – чужая.
Мы перед мертвыми в долгу.

Капелька пота

Капельку пота с чела уронив,
Бабушка не обрывает мотив:
«Это росинка – и ей веселей,
Точно в бутоне, в ладони твоей».

Капелька пота упала – и вот
Песню для внучки старуха поет,
Горскую песню – тугую, как лук:
«Пусть это будет твой главный испуг!

Капелька пота – солнца слеза –
Да не пугает тебя, егоза.
Пусть эта капелька высветит дни
Внучки и всей на земле ребятни!

***

Если бы не дождь, не мрак
И не посвист снежной бури,
Не ценили бы мы так
Солнца жар и блеск лазури.

Горький опыт наш – война...
Какова – кто мне ответит? –
Настоящая цена
Мирной жизни на планете.

Вежливость

О ней недвусмысленно судят,
Кто станет ее порицать!
– Я чту очень вежливость в людях, –
Не раз говорила мне мать.

Под тихое прялки круженье
Меня вразумляла она,
Что вежливость красит общенье,
Как воздух она всем нужна.

Невежа, он солнце остудит,
С учтивым и в холод тепло:
Ведь вежливость денег не ссудит,
А ценится выше всего.

И, вежливость выказать силясь,
Мне сердце шептало в тиши:
«И впрямь что-то в ней воплотилось
Из вечных стремлений души.

Грубят нам – серчаем в обиде,
И хлопаем гулко дверьми,
Но странно, порою не видим,
Как сами невежливы мы».

Хвала экзаменам

Я не знал ответов правильных,
Я лихих седлал коней...
Сколько я сдавал экзаменов –
И чем дальше, тем трудней!

А единственной шпаргалкою
Был сердечный трепет мой...
Я горжусь своей закалкой –
Пусть нелегкой, да прямой.

И когда, нагружен опытом,
Я шагнул тропой вверх –

Мир ни ласками, ни ропотом
Меня в бездну не поверг.

Обниму друзей, не думая,
Встречным всем скажу «Салам», –
Берегу я лишь мечту мою:
Счастье с болью пополам...

Не спасую перед облаком:
В жизни было тяжелей! –
Я себя доставлю волоком
К высоте учителей.

***

В памяти навеки сберегу
Август на каспийском берегу.
Мы подолгу шли лицом к прибою,
Оставляя город за собою...

Было много звезд, как никогда,
Мы и сами звездами лучились...
Накатила времени вода –
Двое разлучились!

Каспий, Каспий, мой далекий друг,
Ты давно ль ее касался рук?
Новый август.
Но за годом год
В памяти отчетливее – тот.

***

Андийской шерстью белопенной
Сгустился в городе туман,
И парусником во вселенной
Плывет осенний Дагестан.

Ветра над крышей завывают.
Мне сакля старая видна...
И тучи город накрывают,
Как будто буркой чабана.

***

Взрослеем скоро мы,
И в смене настроений
Логичен дождь осенний –
Преддверие зимы.

Еще торопит жить
Случайный отблеск лета –
Случайного привета
Разорванная нить.

Но сердце все мудрей
Становится, и проще
Слова, как листья в роще,
Отряхивать с ветвей.

Ольга ГОЛУБЕВА

Ольга Владимировна Голубева (Прудникова) живет в Симферополе, пишет стихи и песни, занимается поэтическим переводом, активно печатается – стихи Ольги издавались в Крыму, на Украине, в России и Германии.

Автор книг «Времена любви», «Я – женщина», «Пока мы любим» и других. Ее стихи переведены на украинский и крымскотатарский языки.

Автор слов Гимна Крыма, удостоена звания «Почетный крымчанин», награждена «Звездой славы и почета» города Симферополя, занесена в Энциклопедию современной Украины.

Лауреат Международной премии имени Бекира Чобан-заде и Всеукраинской премии «Золотая Фортуна», победитель Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» (г. Уфа).

Член Национального союза писателей Украины.

Руководитель Крымского литературного клуба при Русском культурном центре (г. Симферополь), член редколлегии литературного журнала «Ковчег Крым».

***

Непоправима только смерть –
Все остальное поправимо:
Утихнет боль, утихнет смерч,
И ураган промчится мимо...

И дерзкий стебелек любой
Пробьется вешними деньками,
И вспыхнет розами любовь,
Мелькнет надежда васильками...

И на небесный чистый свод
Поставят солнечное блюдо,
И где-то ландыш зацветет,
И дикая сирень повсюду...

И будет соловей звенеть,
И даже муравей в канаве:
Непоправима только смерть –
Все остальное жизнь поправит...

***

Такая странная зима –
Тепло, как в сентябре.
Упало солнце за дома –
Стемнело на дворе...

Год старый, словно старый пес,
Уходит, хвост поджав,
А где-то рядом Дед Мороз
Свой ускоряет шаг...

Душа, как выжатый лимон,
И ничего не ждет,
Но снова к нам со всех сторон
Стремится Новый год...

И надо ждать, и надо жить,
Хоть раз в году мечтать –
Письмо под елку положить,
О чем-то загадать...

Попробуй не сойти с ума,
Что б ни было, держись!
Такая странная зима,
Совсем, как наша жизнь...

И если жизни карусель
Вдруг резко занесло,
Ты верь в любовь, ты верь в друзей
И в зимнее тепло...

***

Под шум Азова дремлет Арабат,
Ночная степь свою заводит песню,
И барабанит дождь негромко в такт,
Доносит ветер терпкий аромат,
В палатке нам уютно и не тесно,
Под шум Азова дремлет Арабат...

Ты нам поведай, древний Арабат,
Сдувая пыль седую мироздания,
Как жизнь текла здесь сотни лет назад,
Чем этот край когда-то был богат,
Свои легенды и свои преданья
Ты нам поведай, древний Арабат...

Но дремлет Арабат под шум Азова,
Под стук дождя, не проронив ни слова...

***

Мисхорский праздник на исходе лета –
Двенадцать дней идиллии сплошной,
Когда купаться в счастье не грешно,
Как в шелке моря в капельках рассвета...

Седой Ай-Петри в каменной короне
И в мантии из облаков стоит,
Взирая на владения свои,
Где кипарисы в трепетном поклоне...

Арзы в мечтах над родником склонилась,
Держа в руке наполненный кувшин,
Русалка робко к берегу спешит,
Прижав к груди младенца, ищет милость...

Старинный парк сияет изумрудом,
С причала льется теплоходный хор...
Средина мира – солнечный Мисхор,
Который мы с тобою не забудем...

Ко дню рождения А. С. Пушкина

Стремятся к Пушкину поэты,
Несут ему свои стихи,
Идут зимой и знойным летом,
Среди коллизий и стихий.

Приходят к Пушкину мальчишки,
Девчонки в юбках до колен,
Его стихи читая в книжках
В век самых бурных перемен...

Как будто к маленькому чуду,
К поэту тянутся сердца...
Наш Пушкин вечно был и будет,
Он свят и светел без конца!

***

*Ольге Бондаренко,
члену Межнационального союза
писателей Крыма,
лауреату премии им. Н. Гумилева*

Ты молода еще и хороша,
Кто бабушкой тебя назвать посмеет?
Когда глядишь на внучку, не дыша,
Твоя душа все больше молодеет...

Ты передашь ей все свои мечты,
Свои секреты и свои заветы,
С ней вырастишь весенние цветы,
Их соберешь в букеты и сонеты...

Пусть будут у нее твои глаза –
Два блюдечка вишневого варенья,
И пусть благословляют небеса
Твое на этом свете продолженье...

***

Азовская волна ласкала скалы,
Манило море теплым молоком,
И солнце глазом огненным мигало
В ресницах из пушистых облаков...

И травы пахли морем, море – степью,
Блестел кермек сиреневым дождем,
Тянулись бухты непрерывной цепью,
И мы в одной устроили наш дом...

Дельфинья пара к берегу прибилась,
Захватывало дух, когда она
Так близко к нам, доверчиво резвилась,
Счастливая в приветливых волнах...

И мы с тобой в воде плескаться стали,
Как в детстве, без забот и без одежд,
Но птицы тихо собирались в стаи,
Осенний день был короток и свеж...

Осенний день был трогательно-нежным,
Осенний день нам трогательно жаль,
Летели птицы в небесах безбрежных,
За сине море унося печаль...

***

Октябрьский дождь евпаторийский
Среди ещё зелёных листьев,
Беспечных астр и чернобрицев
Враз распугал евпаторийцев...

Бежит народ, сутуля спины,
В домах проклюнулись морщины,
Прикрыли окна магазины,
Притихли мокрые витрины...

Пляж опустел – конец спектакля,
Тяжёлых туч свисает пакля,
И крупная стекает капля
С лица небритого Геракла...

Пусть солнце вскоре возвратилось,
За кромку моря зацепилось,
Но о зиме напомнил близкой
Октябрьский дождь евпаторийский...

***

Теряю к жизни интерес,
Теряю чувства:

Не греет дом, не тянет в лес,
И чай невкусный.

Пора ненастная пришла,
Душа остыла,
Жизнь, словно капля со стекла,
Стекла уныло.

Меня однажды на заре
Совсем не станет,
Но будет радуга гореть
Семью цветами.

И снова солнце в сизой мгле
Лучами брызнет –
Во имя жизни на земле,
Во имя жизни.

***

Так хочется уехать в край далёкий
На поезде, на розовом коне...
Так хочется оставить все упреки
И о душе подумать в тишине...

Так хочется, забыв про расстоянье,
Раскрыть ладонь, когда летит звезда,
Так хочется задумать то желанье,
Которому не сбыться никогда...

Так хочется в горах услышать эхо
И снова во всё горло закричать...
Так хочется куда-нибудь уехать,
Уехав, – никуда не приезжать...

Константин ЕФЕТОВ

От автора

Жизнь человека – яркая и короткая вспышка пламени, зажженного его родителями. А он сам зажигает новый огонь – жизнь своего ребенка. Так устроена эстафета бытия. Каждый из нас всего лишь эстафетная палочка, передаваемая в черед поколений. Эта подборка афористичнейших как раз об этом – о жизни во всех ее проявлениях: о ее красоте и скоротечности, о свете и тьме, о радости и грусти. К сожалению, не все зависит в этом мире от нас. Но когда вам плохо, попытайтесь улыбнуться.

*Как бы «добрая» судьба ни издевалась,
Не давай свободы укоризне.
Чтобы жизнь тебе почаще улыбалась,
Сам почаще улыбайся жизни.*

***

Вопрос задай себе: «А все ли сделал я,
Чтоб пламень жизни в мире не погас?»
Жить нужно так, чтоб эстафета бытия
Бездарно не закончилась на нас.

***

Никто не слушает опять?
Не будь обиженным!
Тебе важней ведь поболтать,
Чем быть услышанным.

Цель денег

Вы помните? С красными сплошь пиджаками,
С цепями на шеях, во рту – ананас.
Не делают деньги людей дураками,
Их цель – выставлять дураков напоказ.

***

История к тем благосклонна обычно,
Кто пишет учебник истории лично.

***

Бывают периоды трудные – жуть!
Но в жизни случаются и компромиссы:
Возможно, корабль перестанет тонуть,
Когда ретируются мерзкие крысы.

***

«Чуть поднатужься. Цель очень близка!» –
Петь обучал соловей индюка.

***

В этом наша заслуга и наша вина,
Что в конфликты частенько мы втянуты.
Недоверие всем – не большая ль цена
За возможность быть реже обманутым?

***

Крупным планом жизнь – трагедия.
Издали – всегда комедия.

***

Со времен еще Адама
Женщины всегда язвили:
«Ищет без изъянов даму
Лишь мужчина без извилин».

***

Ева призналась однажды Адаму:
«Мой повелитель! Давай без затей –
Просто заставить влюбленную даму
Делать все то, что хочется ей».

***

Все люди проблемны и все уникальны,
Но две категории невыносимы:
Себя называющий сверхгениальным,
Себя возомнившая неотразимой.

***

Мужчина – зло или добро? Трудна дилемма!
Здесь дама каждая свое имеет мнение.

Для глупой женщины мужчина есть проблема.
Для умной женщины мужчина есть решение.

***

Хотим, чтоб мир усеян был цветами,
Но жизнь – не только летние поляны.
Жизнь – это то, что происходит с нами,
Пока мы строим радужные планы.

***

Когда по лицу вьюга хлещет нас грубо,
Лишь шуба спасает на зимнем ветру.
Супружество – это надежная шуба,
Которую нужно носить и в жару.

***

Ну, о чем ты мечтаешь, вздыхая?
Чтобы – сам, и себе господин?
Одиночество – вещь не плохая
Лишь тогда, когда ты – не один.

***

Мужчина удивился: «Да уж!
Я только улыбнулся ей,
Она же в мыслях вышла замуж
И родила троих детей».

***

Так как разными плодами потчует нас жизни куст,
Доверяем поцелуям в основном из первых уст.

***

Порой пустая маета –
Понять, где клубень, где ботва:
Ведь ахиллесова пята
Частенько там, где голова.

***

Это историей было стократно проверено:
Нам нужна логика, чтоб ошибаться уверенно.

***

В получении знаний другим помогая,
Обучающий, не превращайся в мучителя!
Роль учителя в жизни должна быть другая:
Научить обходиться совсем без учителя.

***

Есть в народе традиция: всех, кто умнее,
От ума, как от гадкой болезни, лечить.
Потому-то того, кто учить не умеет,
Назначают экспертом, как нужно учить.

***

Противимся глупостям часто несмело.
Запомнить неплохо бы правило всем:
Не стоит возиться старательно с делом,
С которым не стоит возиться совсем.

Почти по Оноре де Бальзаку

Есть ли цена на Земле у всего?
Где между принцем и нищим граница?
Деньги хотя бы нужны для того,
Чтобы спокойно без них обходиться.

Почти по Максиму Звонареву

Мир переполнен смешной бутафорией,
Неподражаемой в разнообразии.
Каждый народ обладает историей,
Той, на которую хватило фантазии.

Почти по Юстиниану Флавию (диалог)

– Свет истины рассеет царство тьмы!
А ты куда опять с вязанкой дров?
– Куда-куда... Да просветлять умы
Сияньем ярким пламени костров.

Дарья ШОМАХОВА

Шомахова Дарья Сергеевна (1988) – блогер, журналист, участница форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья (2011), совещаний молодых писателей республик Северного Кавказа (2010, 2012). Публикации: «Вайнах», «Дарьял», «Литературная Кабардино-Балкария», «Владикавказ», «Fatous», сборники «Новые писатели» (2011 и 2012), «Вкус айвы» (2012).

МОЯ ЛАНОЧКА*Рассказ*

В детстве очень важно иметь старших друзей. Это повышает статус в глазах сверстников, да и самооценку тоже повышает. Старший друг опекает, помогает, подсказывает. Правда, моя старшая подруга не занималась ничем подобным. Я бы даже сказала, она делала все наоборот.

– Лануся! – радостно воскликнула я и, раскинув руки, кинулась к худой, не слишком симпатичной девочке с красным пластиковым ободком в жиденьких волосах. Она брезгливо скривилась и не позволила себя обнять. Именно так выглядела наша традиционная встреча.

Она была старше меня на пять лет и жила с нами на одной лестничной клетке. Давным-давно, еще до моего рождения, когда бабушка получила нашу квартиру (кооперативную и вполне выстраданную), мама этой девочки оказалась нашей соседкой. Жили они с моей мамой и бабушкой душа в душу, совсем как одна большая семья, пока однажды соседка тетя Майя не решила завести отдушину в виде мужа (правда-правда, она так его и называла). Завела, а потом заподозрила, что он заглядывается на бабушку. Кто знает, было ли это правдой. Думаю, тогда много кто заглядывался на бабулю, потому что она была очень красива и одевалась прямо-таки экстремально модно для тех глубоко советских времен. В общем, бабуле отдушину была нужна, как зайцу стоп-сигнал (ее же любимая фраза, между прочим), но общение с тетей Майей как-то сошло на нет. Вроде бы они даже перестали здороваться на какое-то время. Наверное, это было сложно и неправильно, но так продолжалось, пока мне не исполнилось года четыре. К этому моменту отдушина благополучно исчезла – завела себе другую семью. Но у теть Майи осталось то единственное, ради чего, кажется, этот брак и затевался, – дочь Лана. Ребенком она была поздним и потому обожаемым до потери не только пульса, но и, порой, рассудка.

Лана казалась мне самой красивой, доброй и умной. Оглядываясь назад, я понимаю, что очень ошибалась, и не понимаю, как не осознала этого еще тогда.

Лана была в нашем дворе непререкаемым авторитетом. Но начать, наверное, надо не с этого. В общем-то, я вполне чудесно жила без нее – у меня была подруга Джамиля и друг Сережа. С их мамами дружила моя мама. Джамиля была крошечной кучерявой девчушкой с черными глазами-бусинами, которая могла запугать своим односложным, но очень суровым «дам!!!» даже самого вредного и задиристого мальчика во дворе – рыжего Женьку. Ее мама, тетя Луиза, была моим кумиром – она знала много разных новых слов, которые на поверку, конечно, оказывались плохими. А новые слова уже тогда вызывали во мне бурю положительных эмоций, так что я не могла не любить эту шумную и, пожалуй, грубоватую, но добрую женщину. А Сережа и вовсе заменял мне целую армию подружек, потому что с ним мы могли смотреть фильмы про каратистов, а с девчонками – нет. За это я почти презирала все девчачье племя.

Одним словом, я вполне справлялась со своей жизнью первые несколько лет, пока, возвращаясь с одной из прогулок, мы не зашли зачем-то к соседке. Я была у них впервые. До сих пор помню, как меня потрясли обои в прихожей – имитация темно-серой каменной кладки с подсвечниками. Как будто ты попал в самый настоящий замок. Подробностей этого похода в гости я не помню, но помню, что была в полном восторге от всего подряд.

Через некоторое время мамин крестный – дядь Володя – посадил в свой старинный уазик-бобик меня и целую ораву соседских ребятишек и повез нас всех на курортное озеро, замерзшее и засыпанное снегом. Там мы бегали, катались, вывалились в снег с ног до головы и вроде бы сдружились насмерть. С тех пор Лана в моей жизни закрепилась очень прочно.

У нас была традиция – завтракать всем вместе. Мы приходили к тетя Майе с сыром, маслом, сахарницей, иногда с кашей в алюминиевой кастрюльке. В общем, собирали утренний стол вскладчину, а потом ели, болтали, смеялись. В дни каникул или в выходные мы могли просидеть так до самого полудня и потом плавно перетечь в нашу квартиру, чтобы начать обедать. Иногда это было утомительно, но чаще – весело.

Теть Майя никогда не понимала значения слова «спешить». Однажды мама отправилась провожать меня в школу, а соседка застала нас выходящими из квартиры и пригласила пообедать. Мы отказались, сославшись на то, что я могу опоздать на урок. Она не разговаривала с нами чуть ли не неделю. Это еще одна основная черта ее характера – обидчивость, переходящая в манию. «Обижаться ей, как с горы катиться», – с досадой говорила бабуля.

Легче всего ее было обидеть плохим отношением к дочери («Обидели мою Ланочку»). Ну, или даже вероятностью такого отношения. То есть, чтобы обидеться, ей было достаточно предположить, что кто-то не любит Лану. Благо, меня в этом заподозрить было невозможно. Она видела, что я практически таю от восторга при виде Ланы, потому что называла меня исключительно Дашуткой, Дашенькой или, заговариваясь, доченькой. Последнее весьма раздражало ее настоящую дочь.

Возможно, виной всему было мое слепое и слишком явно выражаемое обожание. Возможно, оно надоедало Лане, но факт остается фактом, она ломала или прятала моих кукол, она выменяла все мои новые резиновые мячи на свои старые полусдутые. Да так, что я еще и была уверена, что осталась в выигрыше. А потом самый лучший из своих мячей, за который я отдала ей три своих любимых, она забрала у меня и спрятала. Мяч был то ли грязно-розовый, то ли грязно-сиреневый с пупырышками и выпуклыми темно-синими буквами. Именно этими буквами он мне и нравился. Видимо, уже тогда во мне поднимал голову филолог.

Когда мяч пропал, я была убита горем. Я даже предположить не могла, что это бесподобная и самая лучшая на свете Лана его у меня отобрала. Но потом какая-то добрая душа меня просветила. Я не поверила и спросила у нее сама. Конечно, Лана все отрицала, а через пару дней мяч, грязный и проколотый, нашелся в высоких кустах под фонарем. К слову, все выменянные у меня мячи она складывала в своем подвале и не играла ими, потому что знала, что в случае чего получит нагоняй за то, что обхитрила меня, не только от моей, но и от своей мамы. Много лет спустя, когда мы с бабушкой и тетя Майей разбирали какие-то коробки в своих подвалах, которые, естественно, тоже были соседями, эти мячи обнаружили черными от пыли и плесени.

О том, что Деда Мороза не существует, мне сообщила Лана. И о том, что мы все когда-нибудь умрем, тоже она. Не открытым текстом, но подталкивала меня к этому открытию она основательно. Например, она подкинула мне мысль, что можно убить себя.

Была у Ланы двоюродная сестра Катя – девочка умная и добрая, но, на свою беду, очень полная. Для нас, совсем еще зеленых, это не имело ни малейшего значения. Лично мне было достаточно того, что к ней можно было ходить в гости в самый настоящий частный дом. А там времянка и еще какая-то постройка, которую я очень плохо помню, но у которой был второй этаж без стен, но с кучей растительности. Там можно было наткнуться на испачканные мазутом цепи от велосипедов и на многие другие почти волшебные вещи. Для Ланы же весовая категория сестры была очень важна, ведь на ее фоне так легко казаться маленькой и красивой.

Однажды Лана с Катей рассказали мне, что в каком-то городе Мурманске, который в далекой Сибири, несколько детей покончили с собой. Лана утверждала, что это очень круто. Я не понимала, что в этом крутого, но на всякий случай соглашалась. В итоге из чьей-то головы произросла гениальная идея – в три часа ночи взять на кухне нож и воткнуть себе в живот. Каждая из нас должна была сделать это у себя дома, потому что ночевать в одном месте у нас, конечно, никак бы не получилось. К делу я отнеслась со всей серьезностью, но до трех часов сидеть не собиралась, потому пошла на темную кухню в девять, залезла в ящик со столовыми приборами, нашла нож. Помню, я долго и внимательно его рассматривала. Ручка у него была цвета какао с молоком. Он, кстати, жив и по сей день. В общем, цвет ручки и тот факт, что кончик у ножа был скругленный, навели меня на мысль, что толку от него не будет. К счастью, в этот

момент я на что-то отвлеклась и ушла с кухни совершенно живая и без всяких ножей в животе. Естественно, мои предполагаемые соучастницы на следующий день оказались не менее живыми.

В другой раз мы ели ириски, которых в доме почему-то была тьма-тьмушая. На тысячной ириске Лана объявила мне, что я только что съела конфету вместе с бумажкой и теперь непременно умру. Рот мой к тому времени был настолько засахарен, что я вполне могла сжевать хоть бы даже страницу из книги и не понять, что это, потому я поверила и очень испугалась. Несколько дней я обреченно ждала смерти, тенью бродила по дому и не просилась погулять на улице, хотя был разгар лета. Мама заподозрила неладное, но я отказывалась рассказать, что случилось. Потом я решилась спросить, умирают ли люди, если съели бумажку. Когда я получила отрицательный ответ, то успокоилась. Но лишь на долю секунды. Следующая моя мысль была примерно такого содержания: «Ну ладно, сейчас я не умерла, но когда-нибудь это все равно случится». Этим фактом меня придавило еще на несколько дней.

Иногда мы читали книги наперегонки. Уже тогда я читала очень быстро и все время опережала Лану. Ее это совершенно не устраивало, и она все время мешала мне, однажды даже спрятала книгу. Когда родители делали ей замечание, подчеркивая, что я еще маленькая, она отмахивалась со словами: «Да, маленькая? Вон как она разговаривает».

Как-то вечером я ну очень не хотела заходить, потому что мы собрались все вместе на кораблике, стоявшем на границе нашего двора с соседним, и я рассказывала что-то очень увлекательное. Лане же поручили привести меня домой. Я сопротивлялась, а она схватила меня за руку и в буквальном смысле потащила. Я споткнулась об одну из арматурин, из которых был сварен наш кораблик, и едва не упала. «Ну и что ты потащила меня, как дуру?» – возмутилась я. Она промолчала. Но дома разразилась буря. Лана заявила родителям, будто я сказала, что она потащила меня сдуру. Я не слишком хорошо разбиралась в тонкостях словарных значений, потому ничего не отрицала, а просто сидела молча и надувшись. В итоге я получила наказание в виде домашнего ареста. Много позже я рассказала маме, как все было на самом деле, и она очень удивилась, что я не сделала этого сразу.

Со временем мое отношение к Лане, конечно же, изменилось. Я стала обижаться все сильнее и сильнее. А однажды она влезла в мою ссору с другой девочкой из нашего двора, вступилась за нее, и весь двор объявил мне бойкот. Это было тяжело. Ровно до того момента, пока я не вспомнила о знакомых девочках из соседних дворов. Были среди них и Ланины одноклассницы, которые с удовольствием копались со мной в кучах осенних листьев и рассказывали, как сложно учиться в старших классах. Потом вдруг мы помирились с девочкой, из-за которой все началось, и она стала гулять со мной втайне от всех. Еще я, как и всегда, играла с соседскими мальчишками и получила почетное звание «Баба-трансформер». В это время как раз был популярен мультфильм о трансформерах. Они даже брали меня печь картошку в углях. У девочек это никогда не получалось, потому что они норовили насадить картофелину

на палку и жарить ее прямо в огне, а тут мне выдали самую настоящую картошку, которую запекли специально для меня!

Некоторое время спустя бойкот отменили, но я еще долго помнила эту подлость. Далеко не первую, но такую обидную. И при первой же следующей ссоре с чувством ей об этом рассказала.

Помню, я кричала, что ей можно все – говорить мне гадости, врать, издеваться надо мной, а я должна только молчать. В ответ она лишь смеялась и говорила: «Да, так и есть!» И тогда я, очевидно, насмотревшись каких-то голливудских фильмов, решила, что она теперь мой враг и умерла для меня. Мысль была революционной, и мне страшно хотелось высказать ее при ком-нибудь вслух.

Итак, я вальяжно прогуливалась в саду за нашей многоэтажкой и наткнулась на одну из дворовых приятельниц. Она, как и все остальные, со мной не дружила из-за ссоры с Ланой, но решила все же поговорить. Я, очевидно, также насмотревшись каких-то фильмов, жевала травинку, а сказав, что Ланы для меня не просто нет, она для меня умерла, я очень картинно и небрежно бросила травинку на кучу каких-то листьев возле забора. Этот мой жест вкупе с киношной фразой вылились для меня в настоящую войну. Меня травили. Меня обвиняли в том, что я по всему району накопила Ланиных могилочек и ношу на них цветочки, хожу домой, чтобы якобы попить воды, а сама приношу эту воду за щекой и поливаю ей цветы. Мне соорудили могилу-цветник – дружно, всем двором. Мне не давали играть самой по себе, кого-нибудь обязательно отряжали следить за мной и ломать все, что бы я ни начала складывать или строить из камешков, веточек или любого другого подручного материала.

Так продолжалось очень долго, пока не вмешались взрослые. Нас помирили, истина восторжествовала. До следующей ссоры. На этот раз из-за тонких кукол. Не знаю, у всех ли было такое разделение и все ли так называли Барби и барбиподобных кукол, но у нас было принято звать их тонкими. Потому что их ноги и руки были много тоньше конечностей советских пупсов, у них были талии и все такое. У меня этого добра было много – дарили по одной за прочитанную толстую книгу или за оконченный на «отлично» учебный год. И вот в один прекрасный день, когда мы вышли посидеть на лужайке с покрывалами, куклами, кукольной одеждой и вязанием, которому мы все хором пытались научиться, мы что-то не поделили. Толком не помню, что именно, но войны не случилось. Видимо, я просто это переросла. Я почти перестала общаться с Ланой, через какое-то время сдружилась с несколькими одноклассницами, мне стали разрешать ходить в их дворы, и за счет этого я быстро стала гораздо более авторитетна, чем та же Лана. Еще чуть позже побила девочку из соседнего дома просто потому, что мне того захотелось, а она попала под руку, и меня стали побаиваться.

А потом я попала на теннис. И вот там уже никакие Ланы мне не были нужны. В моей жизни появился тренер, поездки в горы и самое настоящее горно-теннисное братство, люди, которые и по сей день присутствуют в моей жизни. Какое-то время спустя Лана попыталась пойти

на теннис вместе со мной, но она там не прижилась. Кажется, это очень логично и объяснимо. Еще позже я сменила школу и совсем перестала проводить время с друзьями и приятелями детства. Лишь в старших классах, когда Лана уже уехала учиться в Москву, а в нашем подъезде появилась девочка Кира из Московской области, живущая у бабушки и uczающаяся в соседнем с нашим домом лицее, я на некоторое время вернулась во двор.

Когда я уже стала студенткой, Лана привезла к матери свою дочь. Девочка привязалась ко мне сразу, а мне вот на нее было плевать. Она раздражала меня своей шумностью и излишним любопытством. Я видела в этом некую кармическую справедливость, но совесть не позволяла издеваться над невинным ребенком. Все решилось само собой: когда я готовилась к сессии, мать была занята очередным срочным заказом, а бабуля отходила после операции, ребенка попытались подsunуть нам, чтобы мы за ним присмотрели. Мы отказались, потому что возможности действительно не было. И если из-за Ланы тетя Майя обижалась просто очень, то тут она обиделась смертельно. Она на несколько лет вычеркнула нас из списков своих знакомых и в следующие приезды стала пугать внучку моей бабушкой, как детей пугают Бабой-Ягой. Я случайно услышала это, когда поднималась по лестнице домой. Они шли впереди и не слышали моих шагов. Девочка начала скрестись в нашу двери и лопотать: «Дада, Дада», – так она называла меня. На это ей ответили, что тут живет злая баба Юля, и она обязательно съест маленькую девочку, которая стучит ей в дверь.

ПАПА ОЛЕЖЕК

Рассказ

Раньше все было так просто и чудесно. Для счастья нужна была только Барби – правда, настоящая от Матель – да мороженое со жвачкой... ну, можно еще сухой «Юппи» из пакетика, так, чтобы взрослые не увидели, да лапшу-супчик, не залитую кипятком, а тоже сухую, с фантой, спрайтом или колой.

В полной мере счастье это, конечно, было доступно не всем. В основном из-за цены Барби и непонимания многими родителями разницы между «настоящей» и «ненастоящей» американской (теоретически) красоткой.

На моей полке жило несколько настоящих. Мама с бабушкой всегда потакали моим капризам, заставляя при этом думать, что я это потакание заработала честным трудом. Книжку прочитала, например. Очевидно, так они пытались вселить в меня веру в существование справедливо-го вознаграждения за труды праведные. Что ж, это им, кажется, вполне удалось. И даже гротескно саркастичная реальность не смогла вытравить из меня эту веру, пусть вознаграждения я, как и прежде, вижу в основном от мамы и бабушки. Дай Бог им здоровья и триста лет жизни,

потому что без них я ничто.

Лично в моем детстве был еще один очень важный, просто необходимый, компонент счастья – крестный. Я его называла папа Олежек.

В полумутном солнечно-перламутровом детском воспоминании он остался большим, добрым, иногда чуть пахнущим спиртным и всегда – табаком. Он был человек-праздник и единственный отец, которого я когда-либо знала, потому что родному дела до меня не было. Несколько позже, правда, в моей жизни появился еще тренер, тоже ставший неотъемлемой частью моего бытия. К тому времени крестного уже не было в живых.

А еще он – крестный – всегда выражался нецензурно. Не потому, что был грубиян и хам (хотя и это, я думаю, тоже), просто вот так он воспринимал окружающую действительность. Без его особой приправы с матерком мое детство – это уже не мое детство. Взять, например, одно частично рассказанное, частично действительно «помнимое» воспоминание: бабуля заходит в новых сапогах в комнату, где сидим я и папа Олежек, и я, очевидно, желая быть похожей на любимого крестного, называю сапоги «нафуительными».

До сих пор у нас на кухне стоит пепельница, которую он называл «пепельница за восемь рублей», потому что когда увидел ее впервые, с нее еще не успели снять этикетку с ценником. Или это уже не та пепельница, а новая? Кажется, ту самую, за восемь рублей, кто-то разбил... Но все равно – у меня осталась пепельница, которой он пользовался. И иногда, когда никого нет дома, я достаю сигареты, закрываюсь на кухне, открываю все окна, чтоб потом никто не унюхал, курю и тушу сигареты именно об эту пепельницу. Папы Олежека нет уже много лет... воспоминаний о нем очень мало... да и большая часть из них не мои, а мамыны, или бабушкины, или даже соседкины. Я очень ревную его к этим чужим воспоминаниям, которые приходится делать своими, потому что других уже не будет.

Его не стало, когда мне было шесть, почти семь, лет. Было тепло, мы с мамой и бабушкой сидели на кухне. Бабуля рассказывала что-то про сотому кругу про свое военное и послевоенное детство, да так утомительно, что у меня уже свело живот, а на глазах выступили слезы. Я снова и снова просила пересказать, как пленные немцы спасали тонувшего в бочке с патокой соседского мальчишку, как она сама наступила в смолу новыми галошами и отмывала их по совету все того же мальчишки керосином, от чего галоши расклеились, и еще истории о ботаническом саде, беге босыми ногами по снегу, немецкой кукле, платьях...

Зазвонил телефон. Я уже не помню, кто именно – мама или бабушка – ответил, я помню только резко посеревшие лица и свой немой вопрос, почему же мы больше не смеемся. И буквально прибившее к полу физическое болезненное понимание: так, как раньше, уже никогда не будет.

Однажды, кажется, сидя на коленях у крестного, я спросила у бабушки, а скоро ли мой день рождения. Папа Олежек шутливо нахмурился и спросил, как же это его крестная дочь может не знать такой элементарной вещи. Я очень хорошо запомнила это слово «элементарная»,

потому что с детства страдала нездоровым интересом к длинным умным словам. Мне тогда стало ужасно стыдно: и правда, как же это... Мне объяснили, что скоро, потому что лето уже заканчивается, а день рождения у меня 29 августа – в самом конце последнего месяца лета. Я тогда представила себе большой квадрат со скругленными углами (потому что домашние часто говорили, вот что-то закругляется, то есть заканчивается). Верхней его стороной было лето, а на самом сгибе, еще чуть-чуть и уже осень, вот он – мой день рождения. Кстати я до сих пор именно так представляю себе год – большой «скругленный» квадрат со сторонами-сезонами.

А как-то раз зимой мы с мамой встретили отца – я тогда насмотрелась зарубежных сериалов и знала, что он «биологический» отец, и ничего больше. Но все же, как, наверное, любой нормальный ребенок, очень обрадовалась. Он взял меня на руки, от него чем-то не очень приятно пахло. Чем-то знакомым... теперь уже, двадцать лет спустя, я понимаю, что пахло от него «травкой». Видимо, из-за его пристрастия к курению этой гадости, запах ее ассоциируется у меня с детством и вызывает при этом исключительное неприятие. Хотя по-настоящему помнить что-то я не могу: мне было всего месяца четыре, когда мать выдворила его из нашей жизни без шума и скандалов, но и без шансов на возвращение. Так вот, я помню этот запах, рыжеватую бороду, снежинки в ней. Еще помню, что закапризничала, захотела стоять на земле на своих ногах, тут же увидела в снегу яркий фантик и подобрала его. А человек, однажды сыгравший роль в моем появлении на свет, тут же прикрикнул: «Брось каку!» Как же меня оскорбило это слово «кака»! Папа Олежек бы так не сказал. Я ведь была уже совсем большой по собственным представлениям и вовсе не нуждалась в указаниях, что можно подбирать с пола, а что нет... да еще и такие слова, как будто я не понимаю «нормальных взрослых» слов... Мама, еще пока не понявшая, что радость от встречи с отцом для меня уже безвозвратно омрачена, пригласила его зайти как-нибудь в гости. Он спросил, а будет ли, например, завтра дома бабушка. Меня это здорово удивило, какая разница? Услышав, что бабуля уехала в командировку в Приэльбрусье на три дня, он клятвенно заверил, что обязательно придет. Но не пришел. Мама говорит, что я честно ждала почти неделю, а потом обиделась и сказала, что не помню, как зовут «этого». Папе Олежеку я решила не говорить, что так ждала отца, боялась, что крестный обидится.

Особым счастьем было, когда крестный возил нас куда-нибудь на своей машине. Я помню несколько его машин, не знаю, стояли они у него в гараже все вместе, или же сменяли друг друга. Больше всего я любила военного типа «УАЗик». У маминого крестного папы тоже был «УАЗик», но постарше, с узкой «мордочкой» и тканевой крышей. А у папы Олежека и крыша была металлической, и сиденья мягкими, и, вообще, это ведь была его машина, а не чья-то еще.

Наверное, он много куда успел свозить меня, но больше всего мне запомнилось, как он показывал мне свои тюльпаны. Тюльпаны были его любимыми цветами. Сейчас я понимаю, что участок, где он их выращи-

вал, не мог быть очень уж большим, но тогда мне это казалось огромным полем, где, куда ни глянь, высятся стройные зеленые ножки, увенчанные нежно-розовыми, красными, желтыми конусами. Ножка казалась мне в двадцать раз более важной частью цветка, чем какие-то там лепестки. Крестный решил научить меня выдергивать тюльпан из почвы вместе с луковицей. Я никак не могла взять в толк, как цветы могут быть связаны с луком, но преисполнилась гордости от того, что меня сейчас будут на полном серьезе чему-то учить. Вот только ничего у меня не выходило: как бы сильно я ни дергала, результат был один – цветок продолжал гордо торчать из земли, а я падала на попу, что, в общем-то, было достаточно болезненно. Так что цветовода из меня не вышло.

В моей комнате есть несколько вещей, которые напоминают мне о крестном. Или даже, скорее, появились в ней благодаря ему. Письменный стол. Кажется, он принадлежал сыновьям папы Олежека, когда те еще учились в школе. Это вполне обычный стол с выдвижным ящиком, закрывающейся на ключ тумбой и немного кривой ножкой. На крышке у него два прожженных утюгом пятна. Вот таким он мне достался – с историей и достаточно дурным характером. А в какой-то момент он стал еще и памятью. Когда мне предложили поменять этот стол на новый, компьютерный, я отказалась. Нельзя менять свою память на новую, пусть и модную и, возможно, более удобную и функциональную.

Вторая частичка памяти – это запонка с яшмой. Когда-то папа Олежек потерял одну такую запонку. Не знаю, то ли у меня оказалась потерянная, то ли он мне просто отдал вторую, ненужную, когда потерял первую. Сначала эта запонка исполняла обязанности телефона в домиках моих кукол, потом она потерялась, а потом вдруг, уже после смерти крестного, нашлась. Так она и лежит теперь в шкатулке среди украшений, по сути своей бесполезная, но очень ценная по совсем иной своей сути.

Есть в доме еще одна вещь, которая напоминает о крестном. Советский энциклопедический словарь с дарственной надписью. Почерк у него был совсем такой же, как он сам, – стремительный, странный, угловатый, но в то же время какой-то округлый, красивым его не назовешь, скорее аккуратным и уверенным.

У нас не осталось ни одной его фотографии. Бабуля говорит, он не любил фотографироваться. А еще она говорит, что портрет на памятнике сделали неплохо, так что, можно сказать, я помню именно это лицо – лицо его памятника. Его могила находится рядом с центральным входом на кладбище сразу за сторожкой. Сейчас всю ее и прилегающую к ней территорию заложили плиткой, то ли мраморной, то ли из мраморной крошки. Когда я прихожу к нему в солнечную погоду, не вижу ничего, кроме отражающегося от этой плитки солнца. Я щурюсь и опускаю предательские слезящиеся глаза. А там – рядом с памятником – лежат искусственные цветы, приклеенные к полу скотчем. Мой букет свежих цветов на этом фоне выглядит не слишком уместно, но меня это волнует меньше всего.

Алена ЧЕРНОВА,
подполковник полиции

ПОЭТЫ В ПОГОНАХ

В июне 2014 года по инициативе Совета ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск Кабардино-Балкарской Республики, при поддержке Управления по работе с личным составом МВД по Кабардино-Балкарской Республике, при Культурном центре МВД по Кабардино-Балкарской Республике создано литературное объединение «Лира», в состав которого вошли профессиональные и самодеятельные поэты и писатели из числа сотрудников Министерства внутренних дел республики, членов их семей, а также ветераны МВД, активно занимающиеся творческой деятельностью. Это известные в Кабардино-Балкарии авторы многочисленных книг об истории милиции, поэты – ветераны Министерства внутренних дел Республики – Валерий Шипилов и Залимгери Мирзоев, член Союза писателей Кабардино-Балкарской Республики, бывший сотрудник милиции Бати Балкизов, автор проникновенной лирики Алексей Дербаб, вдова участника Великой Отечественной войны, ветерана МВД, Валентина Карпунина, ветеран Великой Отечественной войны Анна Петровна Ширшова, ветераны МВД Маргарита Дьяченко и Сулейман Алиев, а также действующие сотрудники полиции: Виктория Бешева, Рустам Кушев, Елизавета Баккуева, Мадина Тезадова, Алена Чернова, жена сотрудника МВД, начинающая поэтесса Алена Кушева, сотрудница канцелярии Зухра Тилова.

На протяжении нескольких лет многие из нынешних участников

«Лиры» писали самостоятельно, активно принимали участие в ежегодных литературных конкурсах «Щит и Перо» и «Доброе слово», проводимых МВД России. Теперь каждый из них стал участником и полноправным членом общественной творческой организации, созданной с целью популяризации литературной деятельности, укрепления авторитета и формирования положительного образа сотрудников органов внутренних дел через творческие возможности участников объединения.

Деятельность «Лиры» способствует организации содержательного досуга ветеранов и сотрудников органов внутренних дел, созданию условий для формирования и раскрытия творческих способностей, творческой реализации и овладения навыками, необходимыми для авторской деятельности.

Новое творческое объединение напутствовал главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария», член Союза писателей России, председатель Общественного совета при УМВД России по г. Нальчик Х. М. Тхазеплов. Он горячо поддержал инициативу Совета ветеранов ОВД и ВВ КБР, дал немало ценных советов и рекомендаций по работе литературного объединения. Много добрых слов в адрес самодеятельных и профессиональных поэтов высказал председатель Совета ветеранов ОВД и ВВ, полковник внутренней службы Борис Шихимович Думаев. Он отметил, что подобные литературные объединения уже созданы и действуют при Культурных центрах МВД в некоторых республиках России. «Земля Кабардино-Балкарии всегда славилась своими замечательными поэтами и писателями, и отрадно, что и среди сотрудников полиции, среди ветеранов милиции нашей республики есть творческие люди, которые должны прославлять нашу профессию, нашу землю, наш народ», – подчеркнул Борис Шахимович.

На собрании был принят Устав и избран председатель литературного объединения «Ли́ра». Им стал поэт, ветеран МВД, полковник милиции в отставке Залимгери Мирзоев.

Создание нового творческого союза поддержали и единомышленники «поэтов в погонах». На первом собрании литературного объединения «Ли́ра» присутствовали участники поэтического объединения «Эдельвейс» Урванского муниципального района КБР, во главе со своим руководителем, поэтессой Светланой Жеруковой. Амин Хавпачев, Юрий Геток, Римма Сокурова, Владимир Кудавев и Светлана Жерукова прочитали свои стихи и пожелали своим друзьям успехов в творческой деятельности.

Первое собрание прошло в теплой, почти домашней обстановке, за чашкой чая. Собравшие прочитали свои стихи и выразили надежду, что теперь в составе «Лиры» каждый получит возможность не только знакомить коллег со своим творчеством, но и учиться у более опытных товарищей, чаще публиковаться на страницах литературных журналов, совершенствовать свое мастерство и достойно представлять МВД по Кабардино-Балкарской Республике в творческой жизни Северного Кавказа.

Залимгери МИРЗОЕВ,
*ветеран органов внутренних дел,
полковник милиции в отставке*

Творческое направление: поэзия, проза, публицистика. Автор сборника стихотворений, со-автор трёхтомного издания «Знайте их поимённо» о ветеранах ОВД КБР – участниках Великой Отечественной войны.

Имеет более 40 публикаций в журналах МВД СССР, МВД РФ, Совета ветеранов ОВД и ВВ МВД России, в местных СМИ. Неоднократно публиковался в журнале «Литературная Кабар-

дино-Балкария».

Участвовал в республиканском этапе конкурса МВД РФ среди ветеранов «Доброе слово».

В 1913 году принял участие во Всероссийском конкурсе патриотической литературы, посвящённом 400-летию восстановления государственности России, – вошел в число победителей, награждён медалью «Юбилей Всенародного Подвига. 1613-2013» по Указу Главы Российского Императорского Дома за рубежом Великой Княгини Марии Владимировны.

В том же 2013 году стал лауреатом Всероссийского форума гражданской поэзии «Часовые памяти» и был включён в одноимённый сборник произведений лауреатов форума.

Избран председателем созданного в июле 2014 года литературного объединения при МВД РФ по КБР и Совете ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск МВД РФ по КБР.

Старость подождёт!

Друзья мои, я, кажется, старею!
Уже и глаз не тот, да и рука не та,
и телом с очевидностью слабею,
всё чаще утомляет суета.

И всё бы ничего! Да вот душа
никак не хочет, глупая, смириться.

Твердит: «Смотри, как жизнь хороша!
Чудак, не надо в старость торопиться!»

Что, разве перестал ты замечать
рассветов и закатов переливы?
Иль разучилось сердце трепетать
при виде лика женщины красивой?

Или устал ты взращивать свой сад,
где каждый куст трудом твоим ухожен,
где яблоки червонные горят,
на маленькие солнышки похожие.

Иль, может быть, унылым стал твой стих,
и крылья в каждой рифме не трепещут?
Иль голос твой в кругу друзей затих
и тостами кавказскими не блещет?

Иль ты дерзнёшь пред внуками предстать
согбенным, хилым, малоинтересным?
И не научишь их в футбол гонять,
и у костра походные петь песни?

И не расскажешь о своих корнях,
какими именами род увенчан?!
И не научишь находить в стихах
истины не мнимые, а вечные?»

«Ну, всё, довольно! – я душе сказал, –
Есть, для кого продолжить нам полёт!
Возьму с собою внуков – и в спортзал,
а старость – мудрая, немного подождёт!»

Вкус любви

Ты – часть меня, и даже много больше?
Ты – моя суть и мой мятежный дух.
И вкус любви не стал с годами горше,
И всё в тебе ласкает глаз и слух.

В пути к тебе я не изведал муки.
Я не стонал: «Гони или зови!»
Я сам пришёл, задрал до неба руки,
В полон твоей пожизненной любви.

Что значит – «Быть или не быть?» я знаю!

Хоть и вникать я в это не хочу.
Если «не быть» – всё просто – умираю,
А если «быть» – то я за жизнь плачу!

Трудом тяжёлым, радостью и болью;
Плачу всем тем, что мне дано судьбой,
Потерями, что жгут каленой солью,
И разумом, но только не тобой!

Ты для меня – последняя опора,
Души, уставшей от забот, уют.
Таким, как ты, без страха и укора
Мужчины свои жизни отдают!

Прости за слог, возможно, слишком громкий.
Я им не часто балую себя.
В душе моей накопленные строки –
Лишь тень того, как я люблю тебя!

О чём ты молчишь вечерами?

Ты о чём-то молчишь вечерами,
Часто в зеркало смотришь, таясь,
И морщинок следы под глазами
Ищут пальцы, разгладить стремясь.

Седину ты заметила, милая,
И тревога качнулась в глазах:
То заботы серебряным инеем
Отразились в твоих волосах.

Что ты в зеркале ищешь, родная?
Разве в нём отразится душа?
Мне в глаза загляни, дорогая,
В них увидишь, как ты хороша!

Никого я на свете не знаю
Для кого б намолил столько слов!
По тебе, по одной, я сверяю
Стрелки в сердце стучащих часов!

Алена ЧЕРНОВА,
подполковник полиции

Начальник Культурного центра МВД по Кабардино-Балкарской Республике. Пишет стихи с десяти лет, член литературного общества «Лира» МВД по КБР, лауреат поэтического конкурса, посвященного 100-летию г. Нарткалы Урванского района КБР (1-е место), печаталась в СМИ Республики Татарстан и Кабардино-Балкарской Республики. Член милицейской династии Дьяченко-Черновых. Двое её детей служат в МВД Республики Татарстан. Имеет около двадцати ведомственных наград.

Дорогая Нарткала!

У меня судьба такая –
Как хотела – так жила!
Стала ты мне как родная,
Дорогая Нарткала!

Жизнь меня всегда щадила:
Не ломала и не жгла,
Счастье ты мне подарила,
Дорогая Нарткала!

Мне везде открыты двери,
Ждут у каждого стола!
Я в любовь твою поверю,
Дорогая Нарткала!

Здесь все живут с добром и лаской
От велика до мала,

Ты прекрасна, словно сказка,
Дорогая Нарткала!

На твоё столетье вместе –
Боль с бедой сожжем догла!
В честь тебя мы сложим песни,
Дорогая Нарткала!

Чтобы ты под солнцем нашим
Молодела и цвела,
Становилась только краше,
Дорогая Нарткала!

За Урванскую столицу
Я свой тост произнесла,
Буду я тобой гордиться,
Дорогая Нарткала!

***

*Совету ветеранов органов внутренних дел
и внутренних войск КБР*

Есть повод особый сегодня признаться
В любви без особых тожественных слов:
Приветствую вас, ветеранское братство,
Отчизны достойных и верных сынов!

Вы верой и правдой стране прослужили,
Вам были законом присяги слова,

Вы сердце свое, свою жизнь не щадили,
Когда земляков защищали права!

Селу небольшому и нашей столице,
Вы отдали мудрость свою и года!
И вами сегодня Россия гордится,
Гордится Балкария и Кабарда!

Совет ветеранов – особое место,
Копилка традиций, источник идей,
Здесь с первого дня напряженно и честно
Команда работает дружных людей!

О старости здесь говорить не умеют,
Тут молодость духа царила всегда,
Здесь все ветераны душой молодеют,
Уходят болезни и тают года.

По просьбе любой вам не будет отказа,
Для каждого дом этот светлый открыт!
Ведь здесь, в самом сердце седого Кавказа, –
Ничто не забыто, никто не забыт!

Пример ветеранов на долгие годы
Для нас, молодых, – путеводная нить,
Мы будем, как вы, сквозь любые невзгоды –
Достоинно и честно Отчизне служить!

Я не горянка...

Я не горянка, но с недавних пор
Жить не могу без Нальчика и гор,
Без пенья птиц и шума тополей,
На улице окраинной моей.

Я не горянка, но с недавних пор
Мне дорог незатейливый узор
Платка старинного, что вышит был рукой,
Мне незнакомой кабардинки молодой.

Я не горянка, – волжские края
Единственная родина моя.
Там предки матери растили хлеб и хмель,
Везли обозы в стужу и метель.

Я не горянка, но с недавних пор,
Я с сердцем не веду привычный спор.
Есть у меня теперь теория своя –
Я здесь живу... поэтому горянка я!

Я буду жить

*Письмо прапорщика Дмитрия Верецагина,
погибшего при исполнении служебных
обязанностей 13 июля 2013 года*

Я просто человек, судьбу искал такую –
Родной земле, в полиции служить.
И жизнь свою, безумно молодую,
Хотел красиво, правильно прожить!

Обычный вечер, город тихо дремлет,
Затихли голоса и шум машин.
Вдруг в тишине, в пустой уже аллее,
Навстречу вышли несколько мужчин...

Развеялся дымок смертельной гари,
Кто виноват, что не приду домой?
В меня стрелял в упор такой же парень,
Но только с черной и гнилой душой...

Я жить хочу – в сердцах и душах ваших,
Я буду жить в звенящей тишине,
Я буду жить и становиться старше,
А вы – не забывайте обо мне!

За нас живите, сохраните память,
За всех погибших в мирные года.
И мы хотели жить и вам оставить
Любовь свою и верность навсегда!

А надо мной склоняются березы
В торжественной и скорбной тишине.
И матери прольют сегодня слезы
За всех, когда-то живших на земле...

Анна ШИРШОВА

Анна Петровна Ширишова – ветеран Великой Отечественной войны, пишет стихи около 60 лет, вдова ветерана МВД, активная участница ветеранского движения Кабардино-Балкарии, автор многих стихов, неоднократно печаталась в СМИ.

Вальс фронтовой весны

В зале разбитого клуба
Мы танцевали с тобой.
Нас закружил, заворожил
Тот старый баян фронтовой.

Но в тот же вечер – битвам навстречу –
Снова ушел ты дорогой войны.
И в ночной тишине часто грезился мне
Милый вальс фронтовой весны.

Кто ты, я так и не знаю
Друг мой, танцор мой на час.
Имени нет, адреса нет,
Но я вспоминаю о Вас!

Утром румяным, ветром неожиданным –
В сердце все мысли, тревожные сны.
Это Ваши слова, Ваших глаз синева,
Это вальс фронтовой весны.

Трудно мечтать о свиданье,
Образ Ваш в сердце храня.
Знаю одно, что все равно
Вы где-то найдете меня.

Тихо войдете и дверь толкнете,
Скажете, друг Ваш вернулся с войны...
И ворвется в сердца, чтоб звучал до конца,
Мой вальс фронтовой весны.

Встречу эту я помню всегда

Было хмурое зимнее утро,
В моей фляге замерзла вода
Эту встречу с израненным воином
Не забыть мне теперь никогда.

Все кругом бушевало, свистело,
Продолжался кровавый бой
Дорогая моя медсестричка
Подползла, прошептала: «Живой!»

И взвалила на девичьи плечи,
И во фляге согрелась вода.
Эту девушку и эту встречу
Не забыть мне нигде, никогда!

*Написано по просьбе раненого
Константина Путьятина
из г. Подольск Московской области.*

***

Товарищу-ветерану

В Ваши годы уж можно быть старым,
Можно стать безнадежно больным,
Можно сделаться нудным и вялым,
Можно жизнь отравлять остальным.

Можно дома от света закрыться,
Телевизор включить и грустить,
Но ведь можно с друзьями общаться,
Остаться веселым, простым!

Вот таким мы Вас все представляем:
Энергичным, здоровым вполне.
С днем рождения Вас поздравляем
И желаем Вам быть «на коне»!

Валерий ШИПИЛОВ

Валерий Иванович Шипилов родился в 1952 году в г. Нальчике. Окончил городскую среднюю школу № 10, Ростовскую высшую партийную школу, Ставропольский юридический институт МВД России. Кандидат в мастера спорта СССР по горному туризму.

Трудовую деятельность начал дежурным электриком Нальчикского трикотажного комбината «Дружба». В дальнейшем работал в комсомольских и партийных органах. С 1982 по 2005 годы находился на службе в Министерстве внутренних дел по Кабардино-Балкарской Республике. Полковник милиции в отставке.

Награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка» и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР.

Автор вышедших в свет 21 художественной и 18 историко-документальных книг о милиции Кабардино-Балкарии и её сотрудниках.

***

О нас не знает, в общем-то, никто,
Не проявляем лишние амбиции,
Хотя скрывать нам все же нелегко,
Что «понаслышке» знаем о милиции.

Мол, трудимся в какой-то там «конторе»,
И недовольны избранной стезей...
А сами даже в кратком разговоре
Мгновенно вычисляем, кто чужой.

Мелькают дни порою, как в цейтноте:
Вот в поле зрения знакомый фигурант,
Вновь двигатель взрвет на повороте...
Быть незаметным – нужен здесь талант...

Эмоции и чувства – на задворки,
И вряд ли скажут, что нам повезло,
И действия, как паутина, тонки –
Профессии то наше мастерство.

Быть нужным, и всегда, где это надо,
Скрывая действий истинную суть, –
Нам от судьбы такая вот награда,
А жизнь – ее назад не повернуть.

И смысла нет. Не можем мы иначе,
Ведь каждый должен чем-то рисковать,
И сами мы становимся богаче,
Когда другому можем что-то дать.

Беречь покой, бороться против мрази,
И мало кто узнает все про нас.
Мы чистим мир от криминальной грязи,
Не вызывая любопытства глаз.

И нам «светиться» вовсе не резон,
С друзьями встречи и застолья редки.
Костюм гражданский. Нет на нем погон,
А в личном деле – офицер разведки...

***

А жизнь моя полна тревог,
И встреч, и ожиданий,
И километрами дорог,
И трепетом свиданий.

И болью странною в душе,
Словами, что наносят.
Я правду видел в неглиже,
Что подаянья просит.

И полный лжи я пил стакан,
Узнав потом о яде,
Бездействовал, как истукан,
Иль замирал в усладе.

И горя дождь стучал в окно,
Мечта цвела сиренью.
Я испытал всё, что дано
Благодаря везенью.

Я не обижен жизнью был
Так, чтобы с ней расстаться.

Страдал, не скрою, но любил,
И в этом, знаю, счастье.

И не жалею я о том,
Что облака уплыли,
Я радуюсь наставшим днём,
Прошли что – сладки были.

Что испытал и что прошло –
Об этом не тужу.
Пусть будет много суждено –
Я это подожду.

Не тороплюсь я испытать
Агонию свечей,
О жизни лучше помечтать,
О ней, друзья, о ней.

Пусть будет полная тревог,
И встреч, и ожиданий,
И соловей опять поёт
О таинстве свиданий.

Стелла ГАЛАЧИЕВА

Стелла Анатольевна Галачиева – старший инспектор отделения по делам несовершеннолетних УМВД г. Нальчика, капитан полиции. Имеет большой опыт работы с «трудными» детьми, пишет светлые добрые стихи.

Подарите детству краски

Вы б вернули свое детство?
Заплатив любые средства?
Вновь резинки и скакалка,
Прятки, салки, чехарда...
(И с мальчишками на горке
Мы катались иногда.)
Чтоб на миг вернуться в детство,
Есть проверенное средство,
Что стучится на рассвете
В доме, где проснутся дети!

Разведет побольше красок
Из улыбок и кудряшек,
И шарами разноцветными
Все заполнит детский смех,
И объятьями волшебными
С самым лучшим, лучше всех!
Ну же, взрослые, решайте.
Получили – отдавайте!
Проявив заботу, ласку,
Подарите детству краски!

Осторожно, люди, осторожно!

Осторожно, люди, осторожно,
Берегите близких и родных.
В этой жизни непростой, тревожной
Не скупитесь на любовь для них!

И друзей любимых берегите
Друг хороший принесет успех.
За ошибки друга не корите,
Ведь друзья бывают не у всех.

Тише говорите, пощадите
Души беззащитных малышей.
Не обидьте, если вы хотите
Жить спокойно на исходе дней.

Попросите искренне прощенья
У родных, пока они живут.
И простите им их прегрешенья,
Точку невозврата зачеркнув.

Пролетает жизнь, как вольный ветер,
Унося от нас внезапно их,
И таких не будет, вы поверьте, –
Берегите близких и родных!

***

Жизнь, скажи мне, что для счастья надо?
И почему тебе все мало, человек?
Начни свой путь и жизнь свою сначала,
Останься верным, честным ты навек.

Пересмотри свое мировоззренье
И жизни смысл своей определи.
Нет счастья в глупых развлечениях –
Ты важное и нужное ищи.

Освободи себя от мщенья
И доброту другим дари.
Вот это просто загляденье –
Жить в пониманьи и любви.

Когда почувствуешь свободу
И творчество определишь,

Поймешь волшебный мир природы
И жизнь свою благословишь.

И станешь мудрым человеком,
Живя и жизнь свою любя,
И каждый год идет за годом,
Все больше счастья принося.

Алексей ДЕРБАБА

Алексей Васильевич Дербабa – ветеран МВД, капитан милиции в отставке. Живет в г. Майский. Активный участник ветеранского движения. Стоял у истоков возрождения казачества на Северном Кавказе. Возглавлял казачество Кабардино-Балкарии в 1996-1998 гг.

Посвящение работникам МВД

Милиция страны – надежда и опора
Простых людей, поверивших в неё.

И охраняем мы родной район и город,
И в службе бережем достоинство своё.

Мы праздник ждем, который греет душу,
И на себя ответственность берем,
И клятву, данную однажды, не нарушим,
Как в светлом храме перед алтарем.

В одном строю – седые ветераны,
Кто путь прошел с боями на войне,
В их душах незалеченные раны,
А память о погибших тяжелей вдвойне.

Мы помним не вернувшихся из боя
И чтим погибших в мирные года.
Бессмертный подвиг каждого героя
В народной памяти остался навсегда.

А наши дети примут эстафету
От нас и предков, живших в той стране,
В которой подвигу и чести знали цену,
Которую беречь – тебе и мне.

Нальчик

История твоя уходит в глубь веков,
И ею ты гордишься, славя поколенья.
Ведь Нальчик – самая большая из подков,
Что люди создали в порыве вдохновенья.

Ты, как сапфир в короне государства,
Сияешь чистотою голубой воды,
И дочь твоя, что выбрана на царство,
Приехала в Москву из гордой Кабарды.

Ты – город-праздник и курорт России,
И слависься своею чистотой,
Пусть будет мир и небо будет синим,
Моя столица, над твоею головой.

Ты многолика, ты – мозаика народов,
Живущих в городе, что стал родным для них.
Целебная вода и чудная природа,
Прославила тебя в краях чужих.

Ты чтить святой закон гостеприимства,
И гостя встретишь, разожжешь очаг,
Но не потерпишь хамства с вероломством,
Пусть это помнит ненавистный враг.

А горы наши с Эльбрусом величавым
Стоят на страже мира на земле,
Что родиной с тобой зовем по праву,
И факел Нарта нам сияет на горе.

Сосруко свет тебе несет, столица,
И добрым людям станет маяком.
На елках голубых зимою снег искрится,
Напоминая нам о лете золотом.

Виктория БЕШЕВА

Виктория Вячеславовна Бешева – инспектор штаба ОМВД по Чегемскому району. лейтенант внутренней службы. Пишет стихи много лет, увлекается пением, участница благотворительного фестиваля МВД России «Милосердие белых ночей» в г. Санкт-Петербурге в мае 2014 г.

Когда же мир?

Хоть и прожито мной мало,
Зато пережито много.
И не зажила та рана
От афганского «Тюльпана»...
Снова войны, снова горе,
Содрогнулись даже горы...
Кто ответит мне, кто скажет,
Когда закончатся все споры?

Неужели гул орудий
Колыбельных песен слаще?
Что же вы творите, люди,
Как же жить теперь нам дальше?
Не дождями небо плачет –
Плачут матери и вдовы,
Покидая дом свой отчий,
Убегая от себя.

Не уйти нам в этой жизни
От реальности суровой,
Неужели мы не в силах
«Нет» сказать войне позорной!
Так очнитесь же, очнитесь,
Чернь войны остановите,
Оглянитесь, посмотрите
Кровью залита земля...

Дерзким взрывом спящий город
Превращает враг в руины...
Волгодонск, Москва, Буденновск,
Боль утрат невосполнимых.
Снова войны, снова горе,
Содрогнулись даже горы.
Кто ответит мне, кто скажет,
Когда закончатся все споры?

Бунт души

За дерзость и несдержанность свою
Прощения прошу!
Быть может, буду понята не так я вами,
Упреки ваши к сведенью приму.
Поняв меня, благословите добрыми словами.

Безудержно мое желание
Постичь, понять природу бытия.
И для чего живу здесь я?..
Рожденная любовью двух сердец?
Рожденье и конец?
Что между ними – жизнь иль существование?

О чем пишу – то бунт души!
Отчаянный крик сердца всему миру,
В пучине лицемерия и лжи погрязшему,
Остановить как эту дикую «игру»?
Несложно будет, я надеюсь, вам понять:
Я не хочу в наследье перенять
Тех катаклизмов, порожденных вами,
И порохом пропавших облаков...
Жить с неосуществимыми мечтами.
Хочу я правды – основы всех основ.

Кругом дележ портфелей власти,
Дележ на русских и иных,
Утихомирить как все эти страсти?
Когда ж найдет прозренья на «слепых»?
Ослепшие от зелени банкнот,
От вседозволенности, кто имеет больше,
Да, будет в жизни их желанный «взлет»,
Только паденье станет жестче.
Желанье власти – их мечтаний плод,
И наплевать им, как живет народ.

Вглядитесь в жизнь... Осталось что от мира?
Террор, разврат, убийство каждый час.
И стали мы подобием вампира,
А судный день настанет и для нас.
Ответим что? Безмолвны были мы,
Потворствуя тем самым силам тьмы.

Мадина ТЕЗАДОВА

Мадина Анатольевна Тезадова – майор юстиции, помощник начальника Следственного Управления МВД по Кабардино-Балкарской Республике по работе с личным составом.

***

Быть на страже закона
Не бывает легко никогда,
И часто за годы службы
Лишь пуля – награда одна.

Кто в наши ряды решился вступить,
Тот выбрал нелегкий путь.
И лучше трижды себя оценить,
Чтобы уже не свернуть.

Случись любая беда –
Каждый знает номер «02».
Нет у них праздников и выходных,
Работа – во-первых, семья – во-вторых!

Мчатся на помощь, на вызов любой,
И ждет неизвестность их в час ночной.
Не каждый полиции жизнь посвятит, –
Защитников наших давайте ценить!

***

Жизнь и судьба других
На ваших плечах лежат.
Каждый день, каждый час,
Каждый год, каждый миг
Сквозь опасность идти,
Меч и щит нести
И награды не ждать
Порой никакой,
И уставшим рыцарем
Идти домой.

Но если встал на этот смелый путь,
Ты не жалея об этом никогда.
Такая жизнь не будет скучной и
пустой,
Она пройдет под яркою звездой!
И в горькую минуту гони сомненья
прочь,
Забудь про грусть, порви с тоской,
Борьба со злом – вот твой удел,
Ведь ты – герой!

Рустам КУШЕВ

Рустам Анатольевич Кушев – старшина полиции, конвоир отдельного взвода охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых МО МВД РФ «Урванский». Пишет стихи с 14 лет, участник литературного объединения «Лира» МВД по КБР. Женат, воспитывает дочь.

***

Воспоминанья давят мне на плечи,
Настанет миг – мы встретимся с тобой,
Ну а пока я здесь, и я живу, чтоб каждый вечер
К коленям матери склоняться головой.

Я буду жить, чтоб жили наши дети,
Для них ты жил – красиво и легко.
Ты не спешил и не боялся смерти,
Ну а сейчас ты где-то далеко.

Ты научил меня хранить всех близких,
Кто оставался за моей спиной,
И никогда не падать духом низко,
Всевышнего лишь видеть пред собой!

Мы точно знали, что настанет время,
Мы разойдемся – боль в душе храня,
И жизнь, как тоненькая нить, порвется,
И, если сможешь, ты простишь меня.

Воспоминанья давят мне на плечи,
От памяти моей не убежать,
И ни к чему теперь пустые речи.
Перед Всевышним всем ответ держать.

Брат

Мне часто снится старший брат –
Он не придет домой,
Ушел мой брат на небеса,
Красивый, молодой...

Мне часто снится этот сон,
В котором он, живой,
Как будто смотрит мне в глаза
И шепчет: «Брат родной!»

Вся жизнь, как книга, для меня,
Расскажет о судьбе.
И звезды, красотой маня,
Меня зовут к себе.

Мне жить придется за него,
И за себя теперь,
И я в мой страшный черный сон
Закрою плотно дверь...

ГУМАР МИРЗАКАНОВ: ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Гумар Хажбекирович Мирзаканов – полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, военный юрист, бывший прокурор Грозненского гарнизона, посвятил юридической деятельности всю свою жизнь. На его счету множество раскрытых дел, поучительных, интересных и вопиющих историй. Приоритетом для него всегда было подчинение закону и врождённое чувство справедливости. Имеет орден Красной Звезды, медали «За оборону Кавказа», «За боевые заслуги», «Ветеран прокуратуры», а также множество юбилейных медалей.

Встречая меня, навстречу выбежали правнуки Гумара Хажбекировича – Давид и Ева, шустрые и любознательные, какими и положено быть в этом возрасте, бойко назвав свои имена. Детей отвлекли интересными занятиями, а я, увидев полковника, внутренне сосредоточилась и вытянулась в струнку, не каждый день тебе удаётся познакомиться с военным прокурором, которому, к слову сказать, – девяносто три года.

Гумар Мирзаканов родился в селе Каменноостское Нагорного, ныне Зольского, района республики 25 декабря 1920 года. Заметно выделяясь в среде одноклассников и сокурсников развитым умом, он производил самое благоприятное впечатление на педагогов. Жизнь захлестнула молодого человека водоворотом судьбоносных событий, о которых он воодушевлённо рассказывает сегодня.

После окончания десятого класса юноша поступает в народный суд в Каменноостском старшим секретарём, затем отправляется в Нальчик на курсы переподготовки работников народных судов и сдает экзамены на отлично. В 1940 году, работая нотариусом при районной прокуратуре, в числе трёх молодых людей направляется в г. Орджоникидзе на юридические курсы. По их окончании Гумара назначают на должность следователя Курбской районной прокуратуры в одной из немецких колоний недалеко от Моздока.

Жампаго

С юных лет он полюбил эту девушку. Их матери работали вместе в швейной мастерской и семьи хорошо знали друг друга. Несколько раз её хотели украсть, но родственники как могли прятали Жампаго, чтобы выдать замуж за Гумара. В июне 1941-го он приехал домой и под покровом ночи украл девушку. Пока готовились к свадьбе, грянула Великая Отечественная война, и молодым стало не до торжества.

С семейного портрета, который Гумар Хажбекирович показал мне, смотрит молодая женщина с красивыми глазами и удивительно спокойным, проникновенным взглядом. Много добрых слов было сказано о ней, и очевидно, что она – героическая женщина, нашедшая

в себе силы с тремя маленькими детьми вслед за мужем колесить по стране и, по словам Гумара, при этом никогда не роптать на судьбу. Наоборот, со свойственной ей хозяйственностью она умудрялась и в эти несколько месяцев создать уют в очередном временном доме и даже завести домашнюю живность. На её плечах лежала львиная доля забот о детях и их воспитании, сохранении семьи, и она прекрасно справлялась с возложенными судьбой ответственными поручениями.

Её не стало два года назад. Вместе супруги прожили семьдесят лет, немало, если учесть, что в семь десятков запросто может уложиться человеческая жизнь.

И наступила война...

Тогда, в июне 1941-го, в Курбском районе по решению Госкомитета обороны создали отряд для сооружения оборонительных рубежей в случае нападения врага, преградив путь к нефти. Гумара направили организовывать работу этого отряда. Надо было вручную, не имея техники, копать противотанковые рвы, доты и дзоты.

Отряд работал до ноября, все, кто принимали в этом участие, были награждены медалями «За оборону Кавказа». Хочется отметить, что это препятствие немцы взять так и не смогли. Корреспондент газеты «Красная звезда» написал об этом словами немецкого генерала под заголовком: «В Моздок я больше не ездки!».

Через несколько месяцев парня призывают в армию и в числе шестисот человек направляют на Запорожские курсы политического состава в педагогический институт, эвакуированный тогда в Нальчик. Ему присваивают звание старшего лейтенанта и собираются отправить на фронт на политработы. Но, обнаружив, что он юрист, комиссия решает применить его знания в структуре военного трибунала.

Прибыв в политуправление Северокавказского федерального округа, штаб которого находился в Орджоникидзе, несколько молодых людей сдали личные дела и ждали дальнейших распоряжений. Однако Мирзаканова как юриста по разнарядке отправляют в военно-юридическую академию Красной армии, эвакуированную в Ашхабад. Собранная команда должна была обучиться ускоренным методом и в течение года отправиться на фронт. Но семьдесят пять человек, вновь отобранные специальной комиссией, переправляются на постоянную учёбу в академию, уже вернувшуюся в Москву.

Учёбу Гумар окончил в 1946 году с отличным аттестатом. Госкомитет обороны принял решение о том, что академия должна постоянно заниматься подготовкой работников прокуратуры, которые будут необходимы и после окончания войны.

Место под солнцем

Выпускнику Мирзаканову, на «отлично» окончившему военный вуз, пошли навстречу, пытаюсь подыскать место дальнейшей работы на Кавказе, но, ничего подходящего не обнаружив, предложили ехать в Ригу – работать в должности помощника военного прокурора воздуш-

ной армии, на штатную категорию подполковника. Переехав с семьёй, Мирзакановы в Риге не задержались, так как войска находились в Калининградской области, и семью переправляют в Калининград. Началась работа. Прокурор армии поручил Гумару проверить в особых отделах КГБ все дела о контрреволюционных преступлениях, которые уже были заведены. Тогда, ещё в самом начале прокурорской деятельности, изучая дела, он обнаружил заинтересовавший его случай.

Где мои семнадцать лет

– Старшина привлекался к уголовной ответственности за измену родине. На момент преступления ему было семнадцать лет, и он ещё не служил. Немцы тогда предложили парню охранять мельницу от партизан. Четыре ночи он стоял на страже, никого не встретив, не задержав, и получил за эту работу несколько немецких марок. После этого он три года прослужил в армии, и только когда этот факт стал известен, его арестовали.

Я решил заново допросить старшину, так как это дело показалось мне интересным. Оказалось, что после случая на мельнице он в числе трёх молодых людей решил сдаться в одну из воинских частей Советской армии. Поначалу их приняли за немецких агентов, но ребята убедили командира в том, что хотят служить в армии, несмотря на то, что военкомат ещё не призывал их. Слёзно упросив, они всё-таки стали обучаться в части, перенимая опыт у солдат.

Затем последовали три года войны, два ранения, орден Отечественной войны, Красной Звезды, медали. После окончания войны в звании старшины парень работал секретарём комсомольской организации роты, и тут – арест.

Я, тщательно изучив дело, доложил в прокуратуру армии, что старшина сидит незаконно, ведь преступление это он совершил по глупости, будучи совсем ещё «зелёным». Оттуда пришла шифротелеграмма: «Немедленно прекратить дело, отпустить из-под стражи». После этого случая мы общались уже как друзья.

Казнить нельзя, помиловать!

– Однажды в одну из авиационных частей прислали обучать лётчика, и командир эскадрильи поднялся с ним в небо. Сделав несколько учебных кругов, экипаж пошёл на посадку. В это время на взлётной площадке стоял только что полученный реактивный самолёт. Видя, что им грозит столкновение, командир полка даёт красный сигнальный выстрел – отойти на второй круг. Но лётчик его не увидел, потому что посадка шла против солнечного света, на закате. Произошло столкновение, самолёт теряет управление и обе машины несут колоссальный ущерб.

Главнокомандующий военно-воздушными силами маршал Вершинин издаёт приказ придать суду военного трибунала командира эскадрильи. Я веду следствие и прихожу к выводу, что вины командира в этой аварии нет. Во-первых, его самолёт был неисправен – не

работала рация. На допросе он повторял, что не враг себе, чтобы приземляться на опасный участок после предупреждения. Приняв во внимание, что он фронтовик, к тому же имеющий награды, я докладываю вышестоящему командованию, что основания судить его нет, просим отменить приказ. Приказ был отменён, дело прекращено, а мы с этим капитаном стали друзьями.

Анархия

– Это было в 1948 году. Военный авиационный городок переезжает на место бывшего немецкого городка под Калининградом. Он был хорошо оборудован, имел мощную котельную, которая обслуживала все штабы, казармы и квартиры офицеров. Со всех наших частей собирают команду для работы в этой котельной и, так получилось, что над этими людьми не было установлено никакого контроля. Началась анархия: продажа цветных металлов – элементов разбитых самолётов, ежедневное употребление спиртных напитков, досуг заполняли гуляния в клубе близлежащего посёлка.

Однажды завязавшаяся в посёлке драка обернулась большими неприятностями, когда работники котельной жестоко избили старика и без вины искалечили нескольких молодых людей, не имеющих отношения к их разбирательствам. Тогда местное население сообщило в обком партии о солдатских бесчинствах. Я принял это дело, и помогла мне, как ни странно, немецкая гауптвахта городка. Таких тюрем у нас никогда не было, арестанты сидели в отдельных камерах, и поэтому быстрее удалось добиться признательных показаний. Был устроен показательный судебный процесс, пять человек привлекли к уголовной ответственности.

Холодная война

В 1949 году из главной военной прокуратуры мне поступает распоряжение немедленно выехать на Дальний Восток, так как Америка вторглась в Южную Корею. Я просил командование не отправлять меня туда, так как у меня семья, маленькие дети, на Кавказе пожилые родители. Но они были неумолимы. Направили на ту же должность – помощника прокурора воздушной армии.

Шла работа. Однажды московская комиссия, приезжавшая к нам на проверку, отметила мою работу. Мне объявили благодарность и подарили именные часы с надписью: «От главного военного прокурора Советской армии. Декабрь 1951 г.», которые до сих пор лежат в моём столе.

Затем меня направляют в Китай временно исполняющим обязанности прокурора корпуса истребительной авиации в звании майора. Советские войска, переодетые в китайскую форму, направляют в Северную Корею, идут ожесточённые воздушные бои с американцами.

Через какое-то время, в связи с тем, что война закончилась, вышел указ Хрущёва – сократить армию на 1 миллион 200 тысяч человек.

Корпус расформируют, и я попадаю в Петрозаводск заместителем военного прокурора гарнизона, где работаю три года.

Затем нас с семьёй ждали другие населённые пункты и новые испытания, пока в 1959 году не пришла телеграмма, в которой просили моего согласия на равную должность в Грозном.

Грозный

Здесь Гумар Хажбекирович работал двенадцать лет, до конца службы, имея счастливую возможность на выходные приезжать домой. Когда не стало отца, семья забрала маму к себе. Здесь тоже запечатлелось немало интересного, но некоторые случаи особо врезались в память.

– Командующий войсками округа проводил ночные учения, и в определённый момент должны были дать сигнальную ракету, пользоваться которыми могут только специально обученные люди. Шофёру, возившему командиров, захотелось без какого-либо инструктажа запустить её самостоятельно. Дело было вечером, вокруг толпились чеченские мальчишки, и ракета попала в одного из них. Осознав, что произошло, солдат упал на землю, плакал и кричал, проклиная себя. Его осудили за непреднамеренное убийство.

Справедливости ради хочу сказать, что отец погибшего мальчика, который был директором школы, во время суда просил не наказывать солдата, так как он не хотел никого убивать, его сын погиб по воле Аллаха. Солдату дали два года дисциплинарного батальона.

Настоящее и будущее

В Нальчик Гумар Хажбекирович вернулся после окончания службы в 1971 году. Работал в Министерстве юстиции в должности старшего консультанта и какое-то время в Министерстве пищевой промышленности.

В его семье трое детей: старшая дочь Марина трудилась главным инженером министерства строительства КБР, ветеран труда, ей присвоено звание «Почётный строитель России», сын Валерий окончил военную академию ракетных войск им. А. Ф. Можайского в Ленинграде, закончил службу старшим научным сотрудником военного НИИ, младшая дочь Людмила окончила музыкально-педагогический факультет Московского государственного педагогического института, преподаватель фортепиано.

У него четыре внука (один из которых продолжает династию деда, являясь офицером, подполковником) и четыре правнука.

В свои девяносто три года Гумар Хажбекирович – неутомимый рассказчик. Он прекрасно помнит десятки дат, фамилий и фактов, интересных и поучительных историй, которые могли бы составить летопись более чем полувекового исторического периода нашей страны.

Аслан ЭРЖИБОВ,
*кандидат педагогических наук,
заслуженный учитель школы Дагестана*

БРАТ МОЙ, СУЛТАН

Во всех отношениях светлый человек, о котором хочу поведать в своем очерке, родился в очень живописном и благодатном уголке нашей республики – в большом и красивом селении Урух, расположенном на правом берегу горной бурной реки близ дремучего леса. Говорят, что от местности, среды обитания зависит становление и развитие личности. В этом смысле моему брату Султану Кошевичу Эржибову очень повезло.

Здесь прошло его детство, здесь он в числе лучших учащихся в 1948 году закончил Урухскую среднюю школу: за исключением одной оценки «хорошо», все остальные оценки в его аттестате о среднем образовании были лишь «отлично».

Долго не раздумывая, поступил в городе Орджоникидзе на агрономическое отделение сельхозинститута. В институте тоже учился на «хорошо» и «отлично». Четыре года получал повышенную стипендию, его фотография висела на Доске Почета института.

Султан был секретарем комсомольской организации факультета, членом профкома института, старостой курса, членом институтской сборной команды по национальной борьбе. Являясь борцом-перворазрядником, едва не выполнил норматив мастера спорта СССР – не хватило времени, а жаль.

После института около трех лет работал главным агрономом в родном селении Урух. За это время несколько раз приглашался на перспективную работу – например, в НИИ (директор К. Керефов) и на сельскохозяйственную опытную станцию (директор Н. Бербеков). Однако в обоих случаях Султан отказывался.

В 1956 году его вызвали в обком КПСС и настояли на том, чтобы он занял должность старшего научного сотрудника опытной станции в отделе селекции и семеноводства.

На этот раз Султан Кошевич согласился и, как говорится, с головой ушел в научно-исследовательскую работу.

Незамедлительно он заложил опыт по выращиванию новых сортов кукурузы и скоро достиг больших успехов в этом нелегком, но весьма благородном и важном деле. За время трудовой деятельности Султан вывел около 20 новых сортов кукурузы. У него 18 авторских свидетельств, каждое из которых приравнивается к изобретению или открытию.

Первое авторское свидетельство молодой селекционер получил в 1965 году за гибрид кукурузы ВИР-25Т. За ним как из рога изобилия последовали и другие сорта: гибрид кукурузы ВИР-25ТВ; гибрид кукурузы ВИР-338Т; гибрид кукурузы ВИР-338ТВ; гибридная популяция кукурузы Кабардинская-3812; гибрид кукурузы Краснодарский-362 СВ; гибрид кукурузы Кавказ-412 СВ; гибрид кукурузы Кавказ-625 АСВ.

Из всех сортов гибридов и гибридных популяций кукурузы, выращен-

ных Султаном Эржибовым, наиболее удачным и популярным сортом является Кабардинская-3812. По урожайности и силосной массе этому сорту кукурузы в нашей стране не было равных. Данный сорт был очень популярен в Венгрии, Румынии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Этот сорт много лет выращивали на зерно и силосную массу.

Другие сорта кукурузы, выведенные Эржибовым, тоже не остались без внимания. Они пользуются большой популярностью до сих пор.

Наряду с успешной селекционной работой, Султан Кошевич выполнял творческую и организационную, повседневную и научно-исследовательскую работу. Он был хорошим организатором и руководителем, вежливым и справедливым, требовательным и объективным, работоспособным и трудолюбивым человеком.

Султан Эржибов в разное время являлся главным агрономом сельхозартели имени Ворошилова в селении Урух, старшим научным сотрудником, а затем заведующим отделом селекции и семеноводства опытной станции, заместителем директора опытной станции по науке, ученым секретарем НИИ кукурузы, коммерческим директором ООО «Кукуруза».

Какую бы работу ни выполнял он, относился к ней добросовестно и очень ответственно. Не терпел, когда работники к выполнению своих служебных обязанностей относились спустя рукава, были безразличны к качеству выполняемой ими работы.

Султан Эржибов опубликовал около 70 научных работ, среди которых «Гибриды кукурузы в Кабардино-Балкарии» (1963); «Селекция и семеноводство в КБАССР (1965); «Селекция и семеноводство полевых культур в Кабардино-Балкарии» (1967); «Семеноводство кукурузы в Кабардино-Балкарии» (1973); «Практическое руководство по технологии возделывания кукурузы в КБР» (2000). За его подписью вышло в свет множество статей в периодике, чье перечисление займет слишком много времени и места.

Он выступал на многих научно-практических конференциях с докладами на актуальные темы, читал лекции на курсах повышения квалификации агрономов республики.

Султан Кошевич успешно защитил в КБГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Подготовил и докторскую диссертацию, однако не успел ее защитить – попал в тяжелую аварию и получил серьезные повреждения: вывих плечевого сустава, перелом бедренной кости и трех ребер, сильное сотрясение мозга. По рекомендации врачей пришлось отложить защиту докторской, сначала – на время, а затем и навсегда. При этом его готовая диссертация была рекомендована к защите видными академиками и докторами сельхознаук Краснодарского края и Северной Осетии.

Он хорошо понимал, что каждый добропорядочный человек должен честно трудиться на благо своего народа, на благо своей Родины. Этому принципу он следовал всю свою сознательную жизнь.

Султан Кошевич Эржибов был награжден двумя орденами, пятью медалями, множеством грамот и денежных премий. Ему присвоены высокие звания заслуженного агронома РСФСР и КБАССР, заслуженного кукурузовода КБАССР. Многократно присуждены золотые и серебряные медали ВДНХ.

Это все, безусловно, хорошо, но не это главное. На мой взгляд, самая большая награда – это любовь и уважение народа, которому он беззаветно служил. Его гибридную популяцию Кабардинская-3812 любовно и с почтением в народе называют «Эржибовской». Это и есть самая большая и высокая награда и честь!

Султан Кошевич являлся отличным семьянином, порядочным супругом, добрым и любящим отцом своих детей, внимательным к родственникам, друзьям и близким, скромным и добропорядочным человеком. У него была ласковая и во всех отношениях хорошая хранительница домашнего очага. Они воспитали двух сыновей и дочь. Старший сын, Сергей – врач, живет и работает в Москве, второй сын, Борис – инженер, живет и работает в Нальчике. Дочь Елена – педагог, работает в школе на Опытной станции Терского района в должности заместителя директора. Все они работают честно, живут дружно, внимательны к родным и близким, а также к друзьям и товарищам. Уважительно относятся к своим родителям.

Мне почему-то кажется, что Султан Эржибов заслуживал большего внимания и почестей, чем был удостоен при жизни. Да и после смерти он не получил достойного внимания со стороны власти, а также средств массовой информации, о чем мы, его родственники, очень сожалеем.

Ведь благодаря его высокоурожайным сортам кукурузы наша республика около сорока лет получает громадную прибыль. Это неоспоримый факт.

К большому сожалению, даже «Кабардино-Балкарская правда» отказалась бесплатно напечатать статью к 85-летию со дня рождения Султана Кошевича, предложив нам заплатить 8 тысяч рублей. Меня оскорбил этот случай, и я отказался от публикации. Конечно же, здесь дело не в деньгах...

Султан для меня был кумиром во всех отношениях. Я во всем подражал ему, старался быть похожим на него, во всем его слушался. Мы были «не разлей вода». Наши отношения были доверительными и чистосердечными.

Приведу лишь один пример, характеризующий моего брата. В 1952 году я работал в Урухской средней школе старшим пионервожатым и учителем рисования, был классным руководителем 6-го «А» класса. Мой брат, приехавший из Орджоникидзе на зимние каникулы, не застал меня дома. Не дожидаясь пока я приду с работы, он пошел в школу встречать меня. Я проводил классное собрание, а он, стоя под окном, подслушал весь мой разговор. Когда пришли домой, он очень благожелательным голосом сказал: «Аслан, ты прирожденный педагог, ты учитель от бога, а поэтому поступай в педагогический институт, не бывай тебе зоотехником». Я его всегда слушался. Послушался и на этот раз и поступил в Кабардинский госпединститут. Решение было правильное, и об этом я никогда не пожалел. Я очень благодарен ему за разумный совет.

Султан Кошевич прожил славную, наполненную событиями жизнь. После аварии, о которой шла речь выше, здоровье Султана сильно пошатнулось, он стал чаще болеть и попадать в больницу. 14 сентября 2011 года в возрасте 84 лет он ушел в мир иной.

Пусть земля ему будет пухом.

Воспоминанья детства

Воспоминанья детства так ясны:
Казалось мне – протянешь только руку,
И станут явью давешние сны,
Где ясно все; где снова веришь другу.

Земля обетованная души,
Где сердце упивается любовью.
Где правды нет и силы у мошны,
И каждый день одаривает новью.

И ложь, что извивается хитро,
Не знала там устойчивой опоры.
Не выжрала тогда ещё нутро,
Не въелась в плоть и не забила поры.

И Правда, горделива и проста,
Не ведала ни страха, ни укора,
И жизнь писалась с чистого листа.
От света не таилось счастье в норах.

Но в ту страну заказаны пути,
Там на воротах крепкие запоры.
По бревнышку разобраны мосты
И каменные высоки заборы.

И лишь во сне, когда душа вольна,
И, сбросив плоти бранные оковы,
На крыльях устремляется она,
В заветные, любимые альковы.

Все проходит

Все проходит, и нет сожаленья,
Что всему уготован конец.
Только жаль – не хватает терпенья,
Не стегать в мыльной пене коней.

Ты не бойся – успеется к сроку:
Отцветет и завянет ковыль.
Только строго смотри на дорогу,
И не сбейся с привычной канвы.

Ну, чего ты куражишься, глупый?
Не жалеешь саврасок своих.
И в обиде оттянуты губы,
И бичом их стегашь под дых.

Много их: поворотов, распутий
И в тумане растаявших троп.
И врагов, не опасных, по сути,
И палящих без промаха в лоб.

И друзей, что порой беспощадны.
И шакалов, что в стае смелы.
Похвалы, что грубее площадной
И не знающей меры хулы.

Платон мне друг...

«Платон мне друг, но истина дороже...»
С такой поклажей нелегко порхать
По жизни, что порою нас треножит,
И вяжет рот – ни охнуть, ни сказать.

И что есть друг – опора или камень,
На что коса фатально так найдет?
А истина? И можно ли руками,
Почувствовать ее циничный лед?

Иль это пламя, что дотла сжигает,
Иль мягкий свет, что озаряет путь,
Прозрение, что отступных не знает,
Никем не испохабленная суть?

Мне не постичь. Но ощущаю кожей,
Пусть истина – и радость и недуг,
Пусть истина всего и всех дороже,
Да только вот Платон мне все же друг.

Всеславен Ты

Всеславен Ты, Всемилостивый Бог,
Что светом озаряешь путь во мраке.
Тому, кто не жалея сбитых ног,
Идет, презревши страх в кровавой драке.

Кто видит сердцем в непроглядной мгле,
Тому Ты открываешь тайны мира.
Тому же, кто для Истины ослеп,
Воздвигнешь снова мертвого кумира.

Повсюду знаки милости Твоей,
Узрят ли те, кто отвернулся ликом?
С рождения и до скончанья дней
Знаменья, знаменья, как блики.

И тем, кто хочет видеть – яркий свет,
Кому по сердцу тьма – ослеп до срока.
И тянется за каждым твердый след
Шагов из благочестья и порока.

А чем же молодость...

А чем же молодость сильна?
Ну, разве тем, что нет преграды,
Когда побитая она,
Не просит сдавленно пощады.

Когда с разбитою губой,
Твердит уж в сотый раз упрямо.
Что быть всегда самим собой,
Пусть напролом, но только прямо

Идти, пусть даже липкий страх,
Порой берет тебя за горло.
Не без прорех, но грудь в крестах,
И на губах солоно-горький

Пусть будет вкус от этих слез,
Что так предательски блестя.

Когда по-взрослому, всерьез
Любить так искренне хотели.

А чем же молодость красна?
Что щеки стыд еще румянит.
Еще научится она,
Нахрапу, алчности, обману.

Ну, а пока лишь легкий бриз,
Одно лишь легкое касанье.
Как очи долу, сердце – вниз
И так прерывисто дыханье,

Но, Боже мой, как сладок миг,
О, сердца трепетного нега!
И счастья призрачного блик,
Что шириною с это небо.

Все меньше восторга от жизни

Все меньше восторга от жизни,
Уходит и трепета дрожь.
Любуясь цветением вишни,
Я помню, что в мире я – бомж.

Здесь все напрокат, ненадолго,
Незыблемых нет величин.
И овцы рычат, словно волки,
И волки скулят без причин.

А впрочем, причины не надо.
На шатком и зыбком плоту
Спасется лишь Ноево стадо,
Поверив в Его доброту.

В них сердце еще не увяло,
Не падки на грех и на кровь.

Не рвут на себя одеяло
На службе кровавых богов.

Остались сомненья и страхи,
На скользком от слез берегу.
Лишь весел ритмичные взмахи,
Да ветра ревушего гул.

И кормчий исполнен отваги,
Проверен веками маршрут.
И весело пляшут салаги,
И боцман – шальной баламут.

Потерям и находкам равный счет

Потерям и находкам равный счет
Отмерен. В равновесии природа.
По кругу: день за днем, из года в год,
Тасуется незримая колода.

Рукою, что без шулерских финтов,
Нам кинет чёт, а может быть и нечет.
А ты порой не очень-то готов,
И думаешь, что нет – еще не вечер.

И нет причин роптать, что зла судьба,
Есть свет и тень, и куча светотени.
И на меже, у крайнего столба
Стряхнем песок с натруженных коленей.

Где Истина предстанет так, как есть,
Без ложных и предвзятых преломлений.
Добро и зло, предательство и честь,
Все учтено бесстрастно, без сомнений.

Ну, а пока источник не иссяк,
Возрадуемся мелочным потерям.
Ведь златом за потерянный медяк,
Воздастся Тем, чью милость не измерить.

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ в истории одного факультета

А. М. Тхазеплов

Осенью 2014 года декан факультета физической культуры и спорта КБГУ, кандидат педагогических наук Аниуар Тхазеплов будет отмечать своё 60-летие и 35-летие работы в вузе.

Училище – армия – вуз

Педагогическая деятельность Аниуара Мухажидовича началась в 70-х годах прошлого века. До призыва в армию он получил образование в Нальчикском педучилище, где принимал активное участие во всех спортивных соревнованиях в составе сборной команды, и по окончании курса учитель начальных классов получил удостоверение инструктора по физическому воспитанию.

До сих пор он с теплотой отзывается о своих наставниках – Николае Яковлевиче Беляеве, Тимофее Кузьмиче Глобенко, Мухамеде Хашимовиче Гятове. «Благодаря этим замечательным людям у меня сформировалась основательная база знаний о теоретических основах физического воспитания и спортивной тренировки, психологии и педагогики спорта», – говорит А. Тхазеплов.

На воинской службе Аниуару пригодились полученные знания: пройдя курс подготовки в отдельном показательном учебно-танковом полку, сержант Тхазеплов был назначен на должность заместителя командира взвода.

Ответственная работа с армейской молодежью стала отправной точкой в определении профессиональной деятельности – при поступлении в Кабардино-Балкарский госуниверситет старшина запаса выбрал факультет физической культуры и спорта, окончил его с отличием и по распределению государственной комиссии остался там работать.

От преподавателя до декана

Кандидат в мастера спорта по вольной борьбе Аниуар Тхазеплов прошел путь от преподавателя до заведующего кафедрой, а позже, по поручению ректора КБГУ Барасби Карамурзова, возглавил факультет в должности декана.

За годы многоплановой деятельности в вузе он внес большой вклад в развитие физической культуры и спорта Кабардино-Балкарии. Совмещая должности на факультете, он успевал руководить сборными командами КБГУ по футболу и гандболу (к гандболу пристрастился в армии, играя в полковой команде крайним левым нападающим). Тренировал женскую команду по регби.

С 1993 по 1997 год под руководством А. Тхазеплова команда

футболистов из его родного села Нижний Черек (основной состав – студенты КБГУ) добилась невероятных по тем временам успехов: в течение четырех лет трижды становилась призёром чемпионата КБР, один раз – чемпионом КБР, чемпионом среди любительских клубных команд зоны Юг.

В 1995 году нижнечерекцы стали бронзовыми призёрами первенства России среди любительских клубов. Команда вышла в профессиональную футбольную лигу России, что позволило восемнадцати футболистам получить спортивное звание кандидата в мастера спорта.

Наград не имеет

За достигнутые успехи руководство Урванского района и колхоза «Кабардей» представили Аниуара Тхазеплова (как главного тренера команды «Кабардей-ЗЭТ») к присвоению звания «Заслуженный работник физической культуры КБР», а Валерия Кагазежева – начальника команды, замечательного человека, фанатично преданного футболу, безвременно ушедшего из жизни, – к званию «Заслуженный работник культуры КБР».

К сожалению, в силу многих субъективных и объективных причин, звания не были присвоены, хотя за такие же успехи руководители других команд звания получали.

Уже гораздо позже, когда Тхазеплова второй раз выбирали на должность декана факультета физической культуры и спорта, удивление сотрудников вызвала фраза, прозвучавшая во время его представления: «Государственных наград и почётных званий не имеет».

Однако это не стало помехой в трудовой деятельности А. Тхазеплова.

В науку!

Аниуар Мухажидович повышал свое профессиональное мастерство, и в 2002-2004 гг. подготовил кандидатскую диссертацию на базе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского центра физической культуры и спорта при КБГУ. Тема научного труда: «Управление процессом спортивной подготовки юных футболистов различных географических зон Кабардино-Балкарской Республики на основе мониторинга их физического развития и подготовленности». Успешная защита состоялась в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого.

Кандидат педагогических наук А. Тхазеплов продолжал разрабатывать программы развития физической культуры и спорта в КБР, активно принимал участие в подготовке и переподготовке профессиональных кадров спорта республики.

Учёный и педагог является инициатором профессиональной переподготовки ведущих тренеров-специалистов в массовом спорте и спорте высших достижений. За последние годы более 200 человек (тренеры по различным видам спорта) получили дипломы специалиста государственного образца в сфере физической культуры и спорта, около 100 стали профессиональными тренерами по футболу в детских спортивных школах.

В «Спартаке»

В 2007-2008 году Аниуар Тхазеплов выиграл конкурс на лучшую

разработку проекта по развитию детско-юношеского и молодежного футбола в КБР. Главный тренер ПФК «Спартак-Нальчик» Юрий Красножан и председатель совета директоров этого футбольного клуба Андзор Белимготов пригласили его по совместительству возглавить подготовку юных футболистов.

Без промедления были подготовлены необходимые документы, получена образовательная лицензия, и начала действовать футбольная школа. Работа тренеров была поставлена на научную основу. Детей отбирали после тщательной подготовки, организационно-методический уровень всегда был на высоте.

После первого года обучения юные футболисты становились призерами в своих возрастных категориях на турнирах различного ранга, многих стали приглашать в спортивные интернаты (Краснодар, Санкт-Петербург и др.)

Благодарность Минспорта России

Умение быстро находить общий язык с подростками всегда отличало прирождённого педагога. По его инициативе факультет физической культуры и спорта КБГУ проводит в качестве профориентационного мероприятия Спартакиады для выпускников средних школ. В программу включены технические элементы гиревого спорта, баскетбола, футбола, гимнастики и легкой атлетики. Своеобразный День открытых дверей задуман в целях пропаганды здорового образа жизни среди старшекласников и привлечения в вуз будущих абитуриентов.

Во время экскурсии школьники видят, в каких условиях занимаются студенты, узнают об их спортивных достижениях. Принимая участие в соревнованиях, получают задания, приближенные к экзаменационным.

Аниуар Тхазеплов тесно сотрудничает с Министерством спорта республики, является членом Общественного совета при этом органе государственной власти.

Приказом Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 29 июня 2012 года ему объявлена благодарность за значительный вклад в развитие физической культуры и спорта, туризма и молодежной политики в Российской Федерации.

Третий урок

По поручению Правительства КБР, Министерства образования и науки, Министерства спорта республики авторской группой, в которую входил А. М. Тхазеплов, была разработана программа дополнительного, третьего урока для общеобразовательных школ.

– Каждый класс в неделю посещает два обязательных урока физкультуры, – поясняет Аниуар Мухажидович. – Третий урок, специализированный, носит характер тренировочного занятия. Вид спорта избирается в зависимости от условий, имеющихся в том или ином учебном заведении: наличия оборудования, кадрового состава преподавателей. В одном месте культивируется борьба, в другом – лёгкая или тяжёлая атлетика, в третьем – баскетбол... В нашем случае всем общеобразовательным школам было предложено углубленное изучение футбола, ведь в тот период футбол в КБР был на высоком уровне – «Спартак-Нальчик» играл в премьер-лиге.

Методист

Аниуар Тхазеплов является членом научно-методического совета по физической культуре и спорту Южного федерального округа (в эту структуру при Южном федеральном университете входят представители вузов всех субъектов Северо-Кавказского федерального округа). Активно участвует в международных конгрессах и конференциях, вносит посильный вклад в дело развития детско-юношеского спорта Кабардино-Балкарии. Продолжает работу над докторской диссертацией, связанной с технологией здоровьесбережения юных спортсменов в процессе тренировочной и соревновательной деятельности.

Прошлое и перспективы

Когда Тхазеплов начинал работать на факультете, самым крупным спортивным объектом был игровой зал в главном корпусе университета.

«За три десятилетия благодаря администрации вуза материальная база претерпела кардинальные изменения, – рассказывает Аниуар Мухажидович. – Факультет располагает современным дорогостоящим технологическим оборудованием. Наши специалисты ведут научные исследования в области биомеханики, спортивной физиологии, управления спортивной подготовкой юных спортсменов на основе показателей их развития и подготовленности, сопряженного развития физической и интеллектуальной способностей и др.

Сейчас факультет располагается в отдельном здании – физкультурно-спортивном комплексе, где размещается деканат, кафедры, учебные аудитории, плавательный бассейн, игровые и тренажерные залы.

Какая радость была при его открытии в 2011 году! Посвященная этому событию большая статья ректора КБГУ Барасби Сулеймановича Карамурзова и многочисленные фотографии были опубликованы в журнале Госкомспорта России «Теория и практика физической культуры».

Новый корпус стал замечательным подарком к 45-летию факультета – не только нашим студентам и преподавателям, но всем, кто учится и работает в университете.

В результате совместной деятельности Министерства спорта КБР и администрации КБГУ в универсальном спортивном зале ФСК появился современный скалодром. При факультете действуют оздоровительные группы для мужчин и женщин, где под патронажем высококвалифицированных преподавателей можно заниматься фитнесом, атлетической гимнастикой, мини-футболом, плаванием.

Не удивительно, что в 2013 году наш университет занял первое место среди российских вузов в конкурсе «Вуз здорового образа жизни». В 2012 году – вошел в десятку лучших вузов по постановке физкультурно-спортивной работы среди студентов.

Нам удалось увлечь физкультурой и спортом студентов и профессорско-преподавательский состав вуза. В ближайшей перспективе у руководства университета – реконструкция и оборудование по самым современным технологиям открытого спортивного комплекса – стадиона, который может вместить на трибунах более двух тысяч болельщиков».

Всегда в форме

Декан спортивного факультета – не только руководитель, но и активный участник вузовских Спартакиад. В 2013 году в составе сборной команды деканов стал чемпионом Спартакиады среди сотрудников по мини-футболу, а в 2014 году со своими коллегами по факультету повторил прошлогодний успех.

Студенческие и преподавательские спортивные команды КБГУ регулярно проводят товарищеские встречи с соперниками из вузов Северо-Кавказского и Южного федеральных округов. С ними постоянно поддерживаются тесные спортивные и дружеские связи. наших атлетов часто приглашают на открытие спортивных сооружений, недавно наши пловцы привезли многочисленные награды из столицы Ингушетии г. Магас.

«Приходится соответствовать статусу спортсмена, подавать пример окружающим, поддерживать хорошую физическую форму, – с улыбкой констатирует декан. – Диеты особой не придерживаюсь, но стараюсь в последние годы есть меньше солёного, острого.

Кроме спорта есть и другие увлечения. Очень люблю произведения Джека Лондона, перечитал практически все его романы и рассказы. Взять книгу в руки на досуге – большое удовольствие, правда, в последнее время это удается все реже в силу предельной занятости.

Всегда собирал записи классической музыки, блюзы. Помните, как у Пушкина: «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь – мелодия!».

Всегда жили дружно

«Хорошая жена, хороший дом – что ещё надо человеку, чтобы встретить старость?» – говаривал герой фильма «Белое солнце пустыни».

Декану спортивного факультета до старости далеко, но когда она настанет, Аниуару Мухажидовичу грустно не будет.

«У нас хорошая, крепкая семья, – рассказывает Тхазеплов. – Жена, Галина Назировна, из интернациональной кабардинско-русской семьи, из рода Гоновых. Как в фильме «Кавказская пленница» – «комсомолка, спортсменка и просто красавица». В студенчестве она играла в университетской баскетбольной команде. Став преподавателем, заведовала кафедрой теории и методики физвоспитания и спорта КБГУ, сейчас – доцент на той же кафедре.

Два спортсмена в семье – не проблема. Никогда у нас не было разногласий в интересах. Мы всегда жили дружно, во взаимопонимании.

Сын Анзор – хирург-стоматолог, лечит детей, очень их любит. Дочь Елена недавно получила диплом магистра в области менеджмента туризма.

Внучки прекрасные у нас, которым мы с супругой уделяем много внимания, вывозим их на природу, показываем прекрасные достопримечательности родной республики. В общем, стараемся дать заботу, которую не додали детям.

Жизнь продолжает радовать приятными событиями, намечены большие планы, еще многое хочется сделать. Для этого есть желание и силы, ведь декан спортивного факультета, как олимпиец, руководствуется девизом «Быстрее, выше, сильнее!».

Али САФАР

Алим Теппеев (журналистский псевдоним – Али Сафар) родился в 1964 году в Нальчике, в 1992 году окончил Литературный институт им. Горького в Москве. В свое время работал старшим редактором журнала «Литературная Кабардино-Балкария», издавал газету «Почтовый курьер» УФС РФ. Занимался переводами с турецких языков на русский.

Он вырос в интеллигентной семье: отец, Алим Магомедович Теппеев, был известным писателем, старший брат избрал профессию художника и значительно в ней преуспел, средний тоже связал свою жизнь с работой с республиканских СМИ.

Публицистические статьи Алима-младшего отличались острым взглядом на проблему, желанием разобраться в ее причинах и немедленно исправить любое несоответствие своим представлениям о справедливости. Вера в возможности печатного слова, в то, что оно способно изменить мир, быть может, по мнению некоторых, и несколько наивна, но само стремление к позитивным изменениям всегда отличает людей честных и неравнодушных. Таким был и Алим. Обладая природным чувством языка и полагая, с полным основанием, что всякому времени соответствует свое звучание, в том числе и вербальное, он искал свой, особый способ отображения мира и себя в нем, удивлял необычными сопряжениями привычных слов и смыслов.

К сожалению, он не привел к воплощению свой замысел – книгу, в которой собраны персонажи современного нам общества, выписанные в традициях Иеронима Босха и Даниила Хармса, – болезнь сердца, скрываемая им даже от родных, не позволила ему осуществить задуманное.

КРАТКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Любой человек, не потерявший интереса к серьезному чтению, может заметить, что современная русская (русскоязычная) литература меняется буквально на глазах, и уже сегодня её определяют совсем иные писатели, нежели еще каких-то пять-семь лет назад. Не говоря уже о прошедшем десятилетии. Эти метаморфозы (мутации) начались с конца 80-х, когда история советской литературы оборвалась: являясь оранжерейным цветком социалистической государственности, она завяла, как только в оранжерее перестали топить. Мощнейшая информационно-идеологическая машина КПСС со всеми её издательствами теле- и радиостудиями попала в руки реформаторов, и на голову простого советского человека обрушился небывалый поток информации,

повергший его сначала в шок, а потом в растерянность и апатию. Точкой отчёта современной литературы как информационного начала можно назвать имена – как знаковые – Александра Солженицына (все хроники «Красного колеса») и Варлама Шаламова, представителя мёртвых, чьи кости были брошены на тёмной стороне советского рая. В условиях намеренного умолчания достижений советского общества реформаторами и наиболее расторопными «свободолюбивыми» воинами пера («образованцами», по выражению того же Солженицына) была втоптана в грязь вся оптимистическая оранжерея советской эстетики со всеми её героями войны, труда и человеческого духа. Цветы «самиздатской» и «тамиздатской» литературы также увяли – они были связаны с официальным соцреализмом единой корневой системой. Писателям всех направлений, «вредным» и «полезным», архаистам и новаторам трудно было привыкнуть к мысли, что отныне они должны жить в жёстких условиях дикого рынка, и для многих из них последняя революция (искусственная) и последовавший распад величайшей империи оказались неподъёмной трагедией: их лира умолкла навсегда.

Однако в СССР существовала и другая литература, стоявшая вне рамок проповеднической деятельности. Она и явилась предтечей того творческого всплеска, что мы наблюдаем сегодня и о котором имеем сказать несколько слов в настоящем эссе. Конечно, она не претендовала на «инженеринг» человеческих душ, казалась неясной, бесцельной, что вполне справедливо вызывало недоверие к ней у противостоящих идеологических лагерей. Она скорее была *асоветской*, нежели анти-советской. Она сдержанно относилась и к диссидентской литературе; та ей казалась (и справедливо) идейной изнанкой конформистской словесности при заметной общности эстетических критериев. Другая литература казалась странной (с точки зрения советского интеллигентного сознания), имела учителями мастеров, зачастую не совместимых между собою: Гоголя и Андрея Платонова, сюрреалистов и декадентов начала века, Набокова и Борхеса, всевозможных мистиков, музыкантов «Битлз», «Роллинг стоунз», «LZ» и пр. Она любила абсурд и заумь обэриутов, подпитывалась из боевиков Голливуда и западного постмодерна, мифологий неведомых массовому читателю народов.

Другой литературе приходилось иметь дело с дискредитированным словом. Русское слово советского периода, ясные всем идиомы и метафоры, многократно оказавшись добычей ложных идеалов, фальшивых восторгов, обещаний и лозунгов, стали призраками. Сначала они обрели иные, анекдотические смыслы в массовом сознании. Затем перешли в полулегальную элитарную печать. В радикальном крыле авангардизма (Пригов, Рубинштейн, Сорокин) в последние годы коммунистического режима зародилась субкультура московского концептуализма со своими законами, публикой, семиотикой, ритуалами подпольных вернисажей, скандальных хепенингов, личными отношениями – это была часть жизни моего поколения, особый круг молодых столичных интеллектуалов, начитанных бездельников и «понаехавших» со всех концов страны искателей, и первокурсников «с горящими очами», исполненных тщес-

лавных надежд (в основном напрасных), – время, о котором нельзя не вспомнить без ностальгии.

Московский концептуализм – герметичный, бескомпромиссный, ироничный и высокомерный – совмещал в себе полное отчуждение от слова и полное отчаяние, скрытое за текстом. Начав с трансформации эстетики соцреализма в форму социальной драмы, отрицания и сарказма, он на первых порах был близок художественному диссидентству. Однако со временем поле игры превратилось в самостоятельную стихию, напрямую не связанную с политическим вызовом. Работая с готовыми конструкциями, эти литераторы, способные воспроизвести любой тип письма, доводили узнаваемые тексты идеологических клише и понятий специфически советского типа до поэтического абсурда, играя с политическими, национальными, моральными табу. Теперь об этих играх мало кто помнит; быстрое увядание их текстов объясняется изменчивостью политической конъюнктуры. К программным заявлениям самих концептуалистов нужно подходить как к литературной игре, однако их претензия на подведение итогов в культуре вполне серьёзна.

Претендующий на звание ведущей фигуры в новой русской литературе – Владимир Сорокин строит свои тексты на отбросах социалистического реализма, он взрывает их неожиданным сломом повествования, ненормативной лексикой, словами-мутантами, имеющими хождение в определённом кругу, предельным сгущением, концентрацией текста, состоящего из сексуальной патологии, тотального насилия, вплоть до каннибализма и некрофилии. Под коркой текста обнаруживается словесный хаос и бред, глухо намекающий на существование запредельных миров. Тексты Сорокина – это блюда, приготовленные разочарованным романтиком, они вызывает у читателя рвотный рефлекс, эстетический шок. Впрочем, ограниченность меню, повторяемость приёма постепенно ослабляет первоначальное впечатление, словно посредственный рок-ролл: отдельная вещь вроде захватывает, а вся пластинка приводит в уныние.

Другое дело – Юрий Мамлеев, которого в известной степени можно назвать учителем Сорокина. Его повествователь начинает с самоопределения, заимствованного у «подпольного» человека Достоевского: «Поганенький я всё-таки человечешко...». Главная героиня Мамлеева – смерть. В разнообразии «патологических» ужасов в консервативном письме, стилистически близком, прежде всего, Достоевскому, слышится всепоглощающий восторг открытия табуированного сюжета (для советского человека проблемы смерти как бы не существовало), чёрная дыра, куда всасываются любые мысли. Смерть становится единственной реальной связью между бытием и сознанием. Мамлеевский текст не отвечает на вопрос о том, что порождает эту связь. Скорее всего, важен не вопрос, а результат: смерть разрушает гуманистические конструкции соцреализма. Остаётся лишь дикий испуганный визг мамлеевских персонажей (глагол *визжать* – основной мамлеевский глагол), которые хотят спастись от навязчивой мысли о неминуемой смерти в грязной пивной, сексах, сексе, галлюцинациях, убийствах, – ничего не помогает.

Может помочь только нелюбознательность и тупость.

В более молодом поколении писателей этого течения возникает вторичный стиль, чернуха, жизненные ужасы и патология воспринимаются скорее как забава, литературный приём, как уже проверенная возможность поиграть в острые ощущения.

Впрочем, нельзя забывать и о «весёлых», всеми любимых авторах. Проза ленинградского писателя Сергея Довлатова (умер в эмиграции в Нью-Йорке) освещена мягким, чеховским юмором. Но именно эта школа (десяток два подобных ему невоинствующих писателей-диссидентов) нанесла самые ощутимые пробоины в корпусе коммунистического дредноута. Именно с ними на смену соцреалистическому «я знаю, что делать» в литературу приходит «ничего не поделаешь». Война со злом давно закончилась его окончательной победой, но жить-то как-то надо. Сергей Довлатов окончательно превращает описываемую реальность в театр абсурда, о морализаторской роли повествователя не может быть и речи, на первый план выдвигается компромисс, который сознательно выносится им в заглавие цикла. Жизнь в отечестве обладает удивительным комизмом. Довлатов не способен ее изменить, но способен описать, и описание становится преодолением реальности, превращением гадости в чистый предмет стиля. Чем нелепей, тем смешней. В отличие от тёмного, мутного повествователя Мамлеева довлатовский повествователь не лучше и не хуже других, он как все. Он, пройдоха, любитель женщин, находчивый пьяница, сам участвует в окружающем его обмане, двоится, выступая как журналист, пишущий о «человеке, обреченном на счастье». Оказывается, от внешних и внутренних несоответствий можно получать кайф. Спасительный цинизм превращает Довлатова в ключевую для новой советской литературы фигуру, делает популярным среди широкого читателя. Советский читатель не напрягается – от него больше не требуют свершения подвига.

Цинизм достигает виртуозности у Эдуарда Лимонова, нарушителя всех запретов и одного из самых ярких писателей, остающихся таковым по сей день. Для него интересны патология или внезапная откровенность, что-то выпадающее из нормы, какое-то происшествие, которое становится невыносимым врагом свободного человека. В его приключениях всё решают ситуация, инстинкты, каприз. Старая идея сверхчеловека ловко упакована в сознание маленького сентименталиста, любящего пиво, женщин и колбасу. Герой Лимонова не способен ни на что и одновременно способен на всё. На любую низость. Типично хулиганская ментальность, дразнящая воображение, особенно в нашей стране. Всё меняется в одну секунду. Вчера авангардист, сегодня националист. Непредсказуемость – суть лимоновского цинизма. Убедившись в скуке западной жизни, он выбирает поруганный коммунистический идеал как вызов, как способ идти против течения, заставить о себе спорить. Лимонов приятен ещё и тем, что в отличие от его сверстников, «скупных поэтов», политкорректных, не рискующих карьерой, сохранил юное обаяние и нахальство. Но, к сожалению, Лимонов сегодня уже не тот, кто рушит основы или шокирует обывателя. Рушить стало нечего.

В активе юродствующих великих писателей основной фигурой можно назвать Венедикта (Венечку) Ерофеева. Поэму «Москва – Петушки» знает весь мир. Венедикт Ерофеев предложил русской прозе особый биологический ритм алкоголической исповеди. Возник эффект национальной подлинности. Алкоголик – ласковая, застенчивая, трепетная душа – оказался трезвее трезвого мира. Венедикт Ерофеев нащупал серьёзную для русской культуры тему «несерьёзного», «наплевательского» отношения к жизни, уходящего корнями в религиозное прошлое юродивых и скomoroxов. Он предложил и национальное решение: круговорот запоя и похмелья как отказ от навязанных народу идеологических календарей, свой тип наркотического путешествия, ставшего благой вестью о несовместимости советизма и русской души. Как и другие писатели, склонные к юродству, Венедикт Ерофеев замечательным образом и часто совсем ненароком показывает «неевропейскость» советского характера, непоследовательность, неопределённость воззрений и поступков, связанных с запутанностью бытовой и семантической структуры советского мира. Западный читатель может вздохнуть с облегчением: он не живет в России, где так низко ценится человеческая жизнь и так много дикости.

Можно вспомнить талантливую (и мажорную) Виктора Ерофеева, чьё творчество требует, конечно, более детального рассмотрения, и параллельно с ним возникшую женскую прозу (в сегодняшнем новом понимании – не путать с чтивом Д. Донцовой & Ко), откровенную, но в основном далёкую от феминистской идеологии, к которой, например, Татьяна Толстая или, скажем, Людмила Улицкая не скрывают своей враждебности. В рассказах Т. Толстой по-мужски мощная энергия традиционного письма насмешливо контрастирует с описанием несчастных, бессмысленных судеб. Она готова приласкать и ободрить своих неудачливых героев, но отдаёт себе отчёт в том, что помочь, а тем более спасти их трудно, почти невозможно. Побеждают другие – хитрые, злые, недоверчивые, хищные, но это не значит, что хищники правы, просто в жизни нет ни справедливости, ни логики, а есть «какая-то пульсация, мимолётные сны», жалко, и ничего не поделаешь, и хотя нет совсем хороших, зато есть совсем плохие, есть более хорошие и менее хорошие, и одно от другого надо отличать и т.д. и т.п. Не сказать, что они учит нас хорошему-доброму-вечному. Здесь скорее важна форма письма, авторское гурманство, желание заполнить пространство листа наиболее сочными, лупоглазыми, выразительными словами.

Живой классик современного постмодерна Виктор Пелевин нальчикским интеллектуалам известен, прежде всего, по роману «Чапаев и пустота», поскольку это единственная книга с более или менее вменяемой фабулой и ясностью мысли. Большинство литераторов считают, что метод постмодернизма себя исчерпал. Как-то уже неприлично насмехаться над тем, что с нами происходит. Уже давно не смешно. Пора говорить всерьёз. Но ведь так они считали во все времена, что никак не отражалось на успехах модернизма во всех видах искусства. Ведь постмодерн не отменяет таких приёмов, как гротеск и социальная фан-

тастика. Это Гоголь, Салтыков-Щедрин, Свифт, Уэллс... Пелевин использует в своей прозе некоторые приемы, специфические для жанра фантастики, однако в целом его творчество не укладывается в какие-либо жанровые рамки: его произведения многослойны, причём наиболее значимой в них является эзотерическая, мистическая составляющая. И абсолютная пустота как начало всего. Уже в одном из его первых рассказов «Затворник и Шестипалый» (1990) проявились многие характерные её особенности: насыщенность философской проблематикой, интертекстуальными аллюзиями, сочетающимися с особой доверительностью тона повествования, использованием форм поп-культуры для выражения и пропаганды мистического знания. В них многие мифологические сюжеты созданы на материале отечественной жизни.

В задачи нашего эссе не входит подробный анализ его творчества. Доложу только, что Пелевин является лауреатом всех мыслимых и немыслимых премий во всём мире, перечислять которые даже не берусь.

***

В последние годы в русскоязычную литературу пришло поколение далеко не слабых писателей. Потеря общей идеи высвободила энергию, необходимую для свободного путешествия, и очень скоро новая литература засомневалась во всём без исключения: в любви, детях, вере, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости (крушение народнических иллюзий, которые не рассеялись в интеллигенции за время существования советской власти), а позднее и в Западе. Её скептицизм со временем возрастал, вкусовой букет новейшей литературы стал иметь самостоятельную ценность смещения. Впрочем, нравы в ней настолько изменились, что слово «букет» здесь можно использовать и в ином значении. Это – реакция на дикую российскую действительность и чрезмерный морализм русской классической, а затем и советской культуры. Русская классическая литература замечательно учила тому, как оставаться человеком в невыносимых, экстремальных положениях, не предавать ни себя, ни других; эта проповедь до сих пор имеет универсальное образовательное значение. А главное, в художественную литературу перетекло всё то, что стало табуировано в журналистике, загнутой в определённые рамки, формат: журналисты могут обсуждать любую проблему, печатать и показывать любую низость, наконец, но попробуйте выяснить отчётность о движении и израсходовании какого-либо бюджета; они не смеют задеть интересов существующих властей. Область же искусства контролировать сложнее; так мы получили старый добрый реализм, называемый ныне «новым». Это и есть новая литературная реальность. Она невольно идёт на поводу той безалаберной и подловатой жизни, которая сложилась в нашем обществе.

В итоге русский классический роман перестал быть учебником жизни, истиной в последней инстанции. Внесены зубодробительные коррективы. Маятник качнулся в сторону от безжизненного, абстрактного гуманизма, возникла тяга к святотатству. Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика зла, эпата-

жа и шока, усиливается интерес к грязному слову, мату как детонатору текста. Новый реализм колеблется между чёрным отчаянием и вполне циничным равнодушием. Начинается особый драйв: в литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь. Всё смердит: быт, плохая пища, старость, смерть, предательство, секс, совращение, изнасилование, пытки, убийство. Отменяется вера в разум, писатели теряют интерес к профессиональной жизни героев, которые остаются без определённых занятий и связной биографии. Многие герои либо маниакальны, либо умственно неполноценны. Место психологической прозы заняла психопатологическая. Сквозной для русской литературы тип маленького человека, которого требуется защитить, или хотя бы пролить над ним слезу, превращается в корыстную и гнусную старуху, подобно насекомому ползающую по жизни в поисках пищи. Уже не ГУЛАГ, как десять-пятнадцать лет тому назад, а сама Россия становится кошмарной метафорой жизни.

Сразу же оговорюсь: сегодня активно работают, пишут яркие книги и получают различные премии Александр Проханов и Эдуард Лимонов, Владимир Маканин и Евгений Попов, Станислав Куняев и Анатолий Королёв, Андрей Битов и Руслан Киреев, Сергей Есин... – десятки талантов, весь многочисленный корпус классиков. И всё же, главное направление в современной литературе уже явно определяет самое молодое поколение, к своим тридцати годам выпустившее по три-четыре книжки.

Некоторые из них (Прилепин, Карасёв, Бабченко) участвовали в людоедской бойне в Чеченской республике. Все они выросли в новой стране, где за них уже никто ничего не решал; у них есть желание изменить существующее положение вещей, и пока нет груза, что гнёт к земле людей, доживших до возраста, когда нужно искать хорошо оплачиваемую работу, обрести удобными вещами, жениться или выходить замуж, размножаться; в них нет ни страха, ни конфуза, в литературу – абсолютно безденежное и невыгодное дело – они ворвались со знанием предмета и без всяких комплексов, которыми обросли мы. Их книги с разной степенью серьёзности и художественности заполнены социальной идеологией, имеют успех в среде думающей публики; это значит, молодые писатели ухватили настроения, царящие в обществе.

Но в метрополиях и активно развивающихся регионах эта литература «всё перемешала в доме Облонских» – чиновники, политики, олигархи и журналисты из их obsługi стали вдруг биться в конвульсиях и наперебой писать о никчёмности и фальшивости этих новых писателей. Стали подчёркивать их якобы наигранный радикализм: «Раздражение в либеральной среде, почти лишённой представительства в парламенте страны, проявляется в поддержке расчётливых конформистов с радикальным имиджем. Писатели, в свою очередь, тонко чувствуют конъюнктуру и спрос на радикальные имиджи, так что стоит ожидать появления нового поколения псевдобунтарей, сочетающих агрессивную риторику с заискиванием перед либеральной аудиторией...» – пишет В. Курицын в «Литературной газете». Глава «Альфа-банка» Авен на своей страничке в ЖЖ: «Многое из того, что, на мой взгляд, следует ненави-

деть, можно найти в романе «Санька» писателя Прилепина – именно эту книгу я прочитал последней. Первый тезис романа предельно банален и прост: «Современный российский мир ужасен, и поэтому жить в нём нормальной человеческой жизнью совершенно невозможно. Более того, преступно». Отсюда и второй не более оригинальный тезис: «Мир этот надо менять. Естественно, силой».

Ответственно утверждаю – каждый настоящий писатель именно экстремист в той мере, в какой он берёт на себя смелость говорить о вещах, противоестественных обыденному сознанию. Именно они во все времена обозначают болевые точки общества. И Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Платонов, и все остальные величайшие литераторы всех времён и народов были подобными экстремистами. И если бы у нас хватало ума слушать инакомыслие, а не подвергать его всяческим преследованиям, мы бы не получили экстремизма реального.

Что же так напугало либеральных критиков? Конечно, не эстетические просчёты, коих не счесть. Их напугала *радикализация современной отечественной литературы*. Все книги подряд («Санька» Прилепина, «Таблетка» Садулаева, «Птичий грипп» Шаргунова, «Библиотекарь» Елизарова, «Первый снег» Карасёва и др.) отрицают, в той или иной степени, сложившийся порядок вещей, или же воспевают ушедших в прошлое героев былой империи. И пусть в их жилах течет еврейская, татарская, кавказская – какая угодно кровь, – русская литература всегда была литературой имперской.

Начались попытки приручить это нехорошее племя, сделать дезертирами его активных представителей, чтобы они стали писать «правильные» книжки. Их начали отмечать государственными и различными фондовыми премиями, их лица зачастили на центральных каналах ТВ и нарисовались даже на приемах в Кремле.

Тем временем тиражи наиболее одиозного романа Захара Прилепина «Санька» перевалили за сотни тысяч и продолжают хорошо продаваться. Роман очень серьёзный. Настолько серьёзный, что я настоятельно рекомендовал бы ознакомиться с ним властям предреждающим.

В романе есть главное. В нём есть боль и страсть, и нежелание мириться с оупляющей ложью. А написанная им картина полной безнадежности – это дань той классической русской литературной школе, в которой работает Прилепин. Классическая школа, вышедшая из украденных шинелей, из бедных Лиз, из бедных людей, из безумцев, грозящих кулаком Медному всаднику, – это всегда слёзы. И непременно – бунт тихого человека. У прилепинского героя и фамилия такая – Тишин. Классическая «говорящая» фамилия.

Поскольку *поэт кунак*, нелишне будет сказать, что Захара Прилепина связывают приятельские отношения с «питерским писателем и юристом» Германом Садулаевым. Нам, кавказцам, последний близок, прежде всего, своим двуязычием (чуть не вырвалось – раздвоенным языком). Когда Герман Садулаев говорит о чеченцах и русских, он называет «мы» и тех и других. Он сам не знает, с какой он стороны – и с какой хотел бы быть. Исходя из личного опыта, могу сказать, что писатели и

поэты, представители, в частности, наших малочисленных народов, пишущие на русском языке, никогда не становились вполне «родными» в русской (советской) литературе. И частенько одновременно с этим превращались в отщепенцев в своих родных национальных литобъединениях. Эта дискриминация мало влияла на личные человеческие отношения, она касалась исключительно профессиональной деятельности. В своё время через подобную дискриминацию прошли и Фазиль Искандер, и Чингиз Айтматов, и Алим Кешоков, и Кайсын Кулиев, и многие другие известные и неизвестные писатели и поэты.

Герман Умаралиевич Садулаев (род. в 1973 году в Шали) один из самых талантливых писателей поколения 35-летних, финалист премий «Русский Букер – 2008» и «Национальный бестселлер – 2009», автор романов «Таблетка», «Радио Fuck», «AD», «Пурга, или Миф о конце света», тетралогия «Апокрифы чеченской войны». На литературном небосклоне Садулаев возник благодаря сборнику «Я – чеченец». Это объединённые в несколько повестей и рассказов импрессионистские зарисовки, сборник трогательных рассказов о человеческом горе. В центре книги – житель мегаполиса, трагически переживающий свою связь с прошлым. У него «фантомная боль, словно в ампутированной конечности», связанная как с историческим прошлым его национальной группы, так и историей страны, в которой он родился, и которой больше нет. Садулаев пишет про своё детство, про своих друзей и про свою семью, про то, что было, когда он уехал, про войну, которой не видел и на которой не был. Текст этот страшен. По ту сторону правительственных сводок и новостей государственных телеканалов мы видим – в образной форме – как это происходит именно с тобой. Страшна здесь не столько нелепая, порою абсурдная, гибель десятков тысяч граждан России, страшны люди, которым это безумие было выгодно. Ужасную участь этих людей позже разделили сотни русских солдат, впоследствии повесившиеся, выбросившиеся из окна, спившиеся, сошедшие с ума...

Садулаев порою близок к классическим русским образцам. Одна из повестей («Почему не падает небо») описывает город мёртвых, «где всё уже спокойно», и чрезвычайно близка по настроению рассказу Шаламова «Все умерли». Его современный ответ на гоголевский вопрос о том, куда мчится Русь-тройка: «Никуда ты уже не мчишься, катаешь новых тузов с их бубновыми дамами в дорогих мехах, с их шестёрками, по Невскому проспекту, по Дворцовой площади. Подайте лошадам на корм!..» Здесь – вся горечь о бессмысленных жертвах, о бесконечном унижении, которому были подвергнуты народы России ради установления «демократических ценностей» (т.е. свободы «тузов» не платить за прокорм «лошадок»). Становится ясным, что война в Чечне была одним из самых необходимых и важных отвлекающих манёвров, обеспечивших успех «реформ».

Иногда попадают в руки брошюры «ветеранов Чеченских войн», в которых страница за страницей повторяются описания их героических подвигов. Сценарии для попсовых с одноклеточным юмором сериалов про доблестных вояк (как здорово быть похожими на американцев!) и

бородатых террористов московские клипмейкеры, видимо, тоже пишут с подобных текстов. На фоне настоящей трагедии подобное «художество» иначе как с омерзением смотреть невозможно.

Роман «Таблетка», вошедший в шорт-лист русского «Букера-2008», начинается с эпитафии на хазарском языке: «Можно всё». Автор честно предупреждает, что академическая наука не признаёт ни того, что надпись на хазарском, ни её перевода. Таким образом, он сразу снимает с себя ответственность за весь текст: вот вам, дорогие друзья, сказка, понимаете, как хотите. Роман можно сравнить с кроссвордом, где географическая ось потребительского счастья проходит по горизонтали Драген (Голландия) – Петербург (Россия) – Циньдао (Китай), а временная – по вертикали: Итиль (Хазария) – Петербург (Россия). Герой мечется между своими снами-видениями о хазарском прошлом и реальностью российского настоящего. Между поставщиками из Китая и голландцами, декорирующими глобализацию своими брендами. Закрадывается мысль, что он совсем недавно прочёл «Хазарский словарь» Павича.

В «Таблетке» повторяется рассуждение о том, что в России формальная логика попадает под запрет, ибо, начав рассуждать логически, каждый человек придёт к необходимости уничтожения существующего строя.

В этой обойме нельзя обойти вниманием и Михаила Елизарова. Говоря о нём, не избежим Пелевина и Сорокина. Первого вспомним, читая «Ногти» – повесть, давшую название сборнику. «Ногти» переведены на все возможные языки. По повести поставлен балет «Десять прозрачных полумесяцев» (режиссёр – хореограф Александр Попеляев, театр «Кинетик»). Реальность Елизарова, как и универсум Пелевина, беременна сюрром и фантазмагорией. Что касается Сорокина, сюжеты многих произведений Елизарова замкнуты на себя, словно буддийские коаны. В них нет зачина и развязки; есть лишь «сырое мясо» действия. Они буквально сочатся эпатажем, словно перезрелые фрукты.

Произведения Елизарова похожи на хирургические инструменты, прекрасные в своём совершенстве, ледяные на ощупь и пугающие жутким предназначением. Почти набоковский синтаксис с примесью ненормативной лексики, ледяная отстранённость и спокойствие при жутком раскладе. Вместе с тем, в ней – сплав гоголевской фольклорной чертовщины, довлатовской, с прищуром, хитрецы и хармсовской тяги к абсурдизации быта.

В отличие от Сорокина, осознанно вызывающего отвращение, инвективы и непотребства в прозе Елизарова – ласковые щенята, жмушкися к ногам читателя и вызывающие скорее приступ умиления, нежели отторжение. Герой Елизарова по жизни ущербен (будь то двое полоумных сирот из «Ногтей» или лузер-интеллигент из «Настал час»), но симпатичен своим извращённым, с точки зрения обывателя, восприятием мира. Вообще, проза Елизарова – скорее поэзия, она воздушна и прозрачна, хоть и отдаёт мерзостью. Скажу больше – по своей образной насыщенности и разнообразию стиль Елизарова намного опережает вышеупомянутых отцов российского постмодерна. «Там, где уродливые

городские тополя, я пробирался домой, как фетиш распрекрасный. В моих глазах отражались ангелы».

Роман «Pasternak» – по жанру «православный боевик»: нечто среднее между «Бесами» Достоевского и «От заката да рассвета» Родригеса и Тарантино. Елизаровский Пастернак выглядит как гигантский демон-птеродактиль с лошадиным черепом – это «оболочка», через которую в русский мир экспортируется инородное зло; через свои сатанинские стихи монстр окутывает интеллигенцию ядовитым смрадом «духовности». Второе имя его Живаго, доктор-трупоед, присвоивший себе один из лингвистических атрибутов истинного, православного бога. Роман явно замышлялся как атомная бомба для интеллигенции.

Самая большая по объёму книга Елизарова – роман «Библиотекарь». Это, по сути, первый большой постсоветский роман, реакция поколения 30-летних на тот мир, в котором они оказались. За фантастическим сюжетом скрывается притча, южнорусская сказка о потерянном времени, ложной ностальгии и варварском настоящем. Главный герой, вечный лузер-студент, «лишний» человек, не вписавшийся в капитализм, оказывается втянут в гущу кровавой войны, которую ведут между собой так называемые «библиотеки» за наследие советского писателя Д. А. Громова. Громов – обыкновенный писатель второго или третьего ряда, чьи романы о трудовых буднях колхозников и подвиге нарвской заставы, казалось, давно канули в Лету, вместе со страной их породившей. Но, как выяснилось, для тех, кто смог соблюсти при чтении правила Тщания и Непрерывности, открылось, что это не просто макулатура, но книги Памяти, Власти, Терпения, Ярости, Силы и – самая редкая – Смысла... Вокруг книг разворачивается целая реальность, иногда напоминающая остросюжетный триллер, иногда боевик, иногда конспирологический роман, но главное – в размытых контурах этой умело придуманной реальности, как в зеркале, все узнают себя и свою историю, чьё детство началось раньше перестройки. Для других – этот мир, собранный из реальных фактов недалёкого, но безвозвратно ушедшего времени, покажется не менее фантастическим, чем умирающая профессия библиотекаря. Ещё в рукописи роман вошел в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга».

Это небольшое эссе не претендует на некое литературоведческое исследование. Это предельно сжатый доклад о состоянии сегодняшних литературных реалий, о переломе в так называемом литературном процессе, возникновении другой системы ценностей и идеологий в серьёзной литературе нового поколения, исполненный простым человеческим языком, без птичьей литературоведческой терминологии. Независимо от того, нравится это кому-то или нет, она существует, и литераторы и издатели не могут с этим не считаться.

Во второй части обзора мы обратимся к положению дел в литературе собственно нашего края.

*Анжела МУСУКАЕВА,
Милана УМОВА*

Исследователи о вопросах взаимовлияния фольклора и национальных литератур в начале XX века

20-30-е годы XX столетия в северокавказских литературах – время первых шагов, время приобретения навыков литературного письма, время учёбы и поисков средств в художественном освоении действительности в её разных измерениях. Ценные сведения о данном периоде можно найти в трудах адыгских литературоведов: Х. Хапсириков «О национальном своеобразии литератур адыгских народов» (1960); Л. Кашежева «Кабардинская советская проза» (1962); Л. Бекизова «От богатырского эпоса к роману» (1974); Е. Машитлова «Становление и развитие социалистического реализма в кабардинской прозе» (1977); К. Шаззо «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (1978); У. Далгат «Литература и фольклор» (1981); Ю. Тхагазитов «Адыгский роман» (1987); К. Султанов «Динамика жанра» (1989); А. Мусукаева «Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология» (1993); Р. Камбачокова «Адыгский исторический роман» (1999); М. Хачемизова «Художественный мир Тембота Керашева» (2005); Л. Бекизова «Литература в потоке времени» (2008), и другие.

Как известно, проблема «фольклор и литература» всегда актуальна. Многие адыгские исследователи неоднократно подчёркивали фольклорность как основную черту духовных истоков литератур: Х. Хапсириков, Х. Баков, Л. Бекизова, А. Схалыхо, Ю. Тхагазитов, А. Мусукаева, А. Гуттов и др. В академическом труде Л. Бекизовой «От богатырского эпоса к роману» (1974), посвящённом роли фольклора в развитии прозы адыгских литератур, говорится, что в прозе «господствовали и фольклорные способы обобщения действительности, отбор и распределение материала, характеристика персонажей. Это был период учебы у фольклора, период, когда от фольклора бралось больше, чем «отдавалось» в результате освоения» [3:147].

Исследуя данную проблему, А. Схалыхо отмечает: «От фольклора, речитативно напевных стихов и песен литература переходит к созданию многожанровой литературы» [7:84].

Кабардинская проза исследуемого периода имела существенное отличие: в ней все чаще встречались ёмкие образы современного человека. Нередко эта реальность подменялась фактографизмом, и тогда появлялись и долго существовали в литературе штампы и схемы, тормозившие естественный процесс освоения прозаиками мастерства психологического анализа, постижения трудного искусства создания многомерного реалистического характера. В данном случае национальный фольклор оказывался слабым «подспорьем», так как весьма сложный процесс создания характера оказывался не всегда доступен начинающим писателям. Г. Ломидзе отмечал: «В народном творчестве – этом арсенале мудрости и житейской философии нации – герой выступал как устойчивый

социальный тип – носитель определённых этнических качеств: положительных или отрицательных». И далее: «Процесс создания характера нелегко давался писателям, имевшим в национальном наследии главным образом поэтические традиции» [5:63].

В то же время, кабардинская литература уже на первых этапах развития взяла на вооружение богатство и художественное своеобразие фольклора, включив в свою орбиту как эпические, так и малые жанры. В нартском эпосе масштабность изображения нередко восходила к космическим, богатырским подвигам героев и это тесно сочеталось с бытописанием, обращенным к злобе дня. В дальнейшем этот принцип был положен в основу романного изображения.

Если же обратиться к малым жанрам фольклора, то здесь драматическое соседствовало с комическим, сатирическим: герои народных сказок, устных рассказов с образом чудака, плута довольно органично вошли в первые прозаические произведения. Таким образом, влияние фольклора на формирующуюся литературу отмечается именно в виде наследования, зачастую как механическое перенесение в произведение его мотивов, форм, красок, тем и приемов. В итоге это нередко приводило к декларативности и натуралистической описательности. Повторение у молодых прозаиков одинаковых сюжетных коллизий, способов фольклорной типизации положительных и отрицательных героев вело к шаблону, мешало появлению в литературе образа героя психологически и реалистически достоверного.

Неправомерно было бы утверждать, что сами фольклорные традиции несут в себе отрицательные зачатки. Лишь механическое, нетворческое использование их служит источником вялых, бессодержательных произведений. Тема роли и места фольклорных традиций и мотивов в литературных произведениях – самостоятельная и серьёзная. Она получила достаточно глубокое освещение в трудах известных ученых: А. Алиевой, Х. Бакова, Л. Бекизовой, А. Гадагатля, Л. Кашежевой, З. Налоева, А. Мусукаевой, Ю. Тхагазитова, М. Хачемизовой, А. Хакуашева, К. Шаззо и др.

Влияние фольклора, его жанров на литературу было разным. Так, известный казахский писатель М. Ауэзов отмечал: «Если поэзия впитывала в себя изумительные разнообразные традиции устной поэзии, то художественная проза столь же обязана своим обогащением устному народному рассказу» [1:311]. Данное утверждение может быть соотнесено не только с казахской, но и с любой другой национальной литературой.

У. Далгат, посвятившая немало трудов проблеме взаимовлияния и взаимообогащения литератур, пишет: «Фольклор объемлет богатейший комплекс идейно-эстетических представлений народа» [8:211].

В литературоведении нередко обращение зарождающихся литератур к фольклору оценивается с точки зрения «вспомогательной», то есть фольклор анализируется как подспорье литературы, как первая её ступень в художественном освоении мира. Но, думается, следует всегда различать два разных и самостоятельных состояния искусства слова, две самостоятельные художественные системы, и именно поэтому нельзя

ограничивать значение художественного опыта фольклора для литературы только первыми периодами её развития. На каждом этапе своего формирования литература по-разному взаимодействует с фольклором и творческая активность фольклора совершенно по-новому проявляется в современной литературе, когда можно увидеть новое осмысление мифов, легенд, сказаний и т.д.

Для кабардинского народа, как и для других народов Северного Кавказа, нартский эпос – первая стадия художественного освоения действительности. Известный исследователь осетинской прозы Р. Фидарова считает, что нартский эпос «для древних людей был синтезом всех ранних форм общественного сознания. В нём воплотились этнические, эстетические, религиозные, философские представления, семейно-нравственные и общественные идеалы многих поколений, их мечты и надежды» [8:74]. В адыгском нартском эпосе немало общих тем, сказаний, а также героев с эпосами других народов Кавказа: абхазским, осетинским, чеченским и др. Е. М. Мелетинский отмечает, что многие напевы нартских сказаний «имеют многочисленные мифологические параллели. Мифологические черты очевидны в уникальном для эпоса матриархальном образе матери и хозяйки Нартов Сатаней» [6:67].

Как известно, в первых произведениях кабардинской прозы герой, как правило, схематичен, в художественном решении его образа одинаково сильны и публицистические, и фольклорные элементы. Та же картина, дающая в итоге абстрактность характера, нередко встречается и в других литературах. К примеру, в балкарской прозе 1920-1930-х годов использование сюжетов фольклора нередко придавало произведениям яркий романтический характер и иллюстрированность.

Романтизированный облик героя и конкретные способы его изображения были не только следствием воздействия фольклорного способа характеристик событий и героев, но и особенности развития национальной прозы, её динамизма, её поисков, ориентированных на историческую эпоху, на высокие идеалы и цели, в которые, кстати, верили молодые писатели, создававшие эту литературу. В данных конкретных исторических условиях это была единственно возможная основа для художественного воплощения образа нового героя в формирующемся прозаическом искусстве.

У. Б. Далгат, отмечая тот факт, что в «северокавказских литературах 20-30-х годов (и позже) наблюдалась преемственность в изображении широко распространенных в кавказском фольклоре образов благородных разбойников, народных мстителей, грабящих богачей и раздающих добро беднякам», приходит в дальнейшем к выводу, что «генетическая идентификация литературных и фольклорных образов приобрела концептуальное значение, став общим явлением многих литератур Северного Кавказа» [4:38].

Следует также подчеркнуть, что использование фольклорных мотивов, тем, символов на первых этапах развития литературы было необходимым и определяющим явлением, возможно, в силу того перехода «образа в символ», придающим ему «особую смысловую глубину и

смысловую перспективу», о которых писал М. Бахтин [2:209].

Обнаруживая те или иные фольклорные мотивы, символику в литературном произведении, исследователь не может считать свою задачу выполненной. Совпадения еще не свидетельствуют о глубине и значимости фольклоризма в литературе. Примеры близости и совпадений также нельзя рассматривать как генетическую связь устного народного творчества и художественной литературы. Реальные и фактические влияния фольклора на литературу значительно шире подобных, легко поддающихся «измерению» фольклорных конструкций, художественных средств, приемов.

В литературе 1920-1930-х годов обращение к фольклору было вызвано, как известно, необходимостью учебы молодых писателей и поэтов как у веками сформировавшейся эстетической системы, которая располагала значительно большим художественным опытом, чем зарождающаяся литература. Но и в дальнейшем фольклор остается для кабардинской литературы неисчерпаемым источником вековой народной мудрости, тонкости миропонимания. Кабардинская литература, как и другие литературы Северного Кавказа, генетически связана с устным народным творчеством. Эта действительно кровная связь определяет её природу, её место в типологии других литератур, которые также фольклорны по своему типу. Именно поэтому, на наш взгляд, связь с фольклором может быть изучена и доказана не количеством совпадений, определённых аналогией, а раскрытием кровных связей фольклора и литературы.

Тема «Фольклор и литература: взаимосвязь и взаимовлияние» ещё долго будет актуальна в национальных литературах.

Литература

1. Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.
2. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бекизова Л. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974.
4. Далгат У. Литература и фольклор: теоретический аспект. М., 1981.
5. Ломидзе Г. Единство и многообразие. М., 1960.
6. Мелетинский Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
7. Схаляхо А. Идеино-художественное становление адыгейской литературы. Майкоп, 1992.
8. Фидарова Р. Осетинская повесть XX века. Владикавказ, 2010.
9. Костилов В. «Между Чапаевым и Врангелем» // Аргументы и факты, № 20, 2010, с. 6
10. Костилов В. «Почему разлетаются пчелы?» // Аргументы и факты, № 4, 2011, с. 7.

*Елена КУЯНЦЕВА,
д.ф.н., профессор КБГУ*

«Горькая» любовь Инны Кашежевой

Личность и творчество Инны Кашежевой всегда привлекали к себе внимание и литературоведов, и читателей. Она удивляла какой-то трогательной задушевностью, открытостью, смелостью, граничащей с вызовом жизненным обстоятельствам и судьбе. Ее стихи запоминаются внутренней целостностью, глубоким внутренним миром лирической героини. Творившая на стыке двух культур, поэтесса «включила» в художественный мир своих произведений лучшее из этнокультурной парадигмы обоих народов. Уверена, что у каждого почитателя таланта поэтессы своя Кашежева. Но никого не оставит равнодушным ее любовная лирика. Совершенно особый пласт любовной лирики И. Кашежевой – это стихи о «горькой», «упадшей», «неразделенной» любви. Но, несмотря на неразделенную любовь, лирическая героиня И. Кашежевой не готова, как, например, в народной песне, отгородиться от нее: «Я кольцо свое на беду / Уронила в поток, в ущелье. / ... Пусть дадут от любви мне зелье» [1:121]. Стихотворения этой группы присутствуют во многих сборниках поэтессы. Одной из особенностей любовной лирики этой группы является ее временная привязка «зима – лето».

В стихотворении «В этом самом первом ...» (сборник «Незнакомое время», 1980 г.) зима конкретизирована: «Я поклоняюсь январю». Даже рифма «январь – январь» как оппозиция «настоящее – вечное», эпитет «древний» к слову «январь» усиливает это впечатление. Дважды повторенное (сначала «январь – январь», затем наоборот) закрепляет эту оппозицию в восприятии читателя. И вновь столь характерное для поэтессы разнотолкование выражений, передаваемое через многозначие: «Я поклоняюсь январю, / его свободе...» [2:40] И неожиданная, почти ахматовская, концовка: «Меня любили... / Я люблю! / Мы квиты вроде» [2:40]. Она напоминает шифрограмму на лексическом («квиты вроде») и синтаксическом («меня любили... Я люблю!») уровнях. Эмоциональные переживания здесь замкнуты в эту обобщающую формулу – шифрограмму, в которой «сквозь сентенцию общего характера звучит неповторимо личный взволнованный голос лирической героини» [3:91]. «Погружая» свою лирическую героиню в конкретное время года, И. Кашежева раскрывает новые лики любви и при этом ищет иные способы выражения. И даже когда они традиционны (например, развернутая антитеза в стихотворении «Та февральская выюга...») (сборник «На розовом коне», 1987), характерная для лирики Б. Пачева, А. Шогенцукова, А. Кешокова, поэтессе удается придать стихотворению поэтическую конкретность и убедительность.

Антитеза не прослеживается на уровне образной системы стихотворения: «февраль» – «любовь» («Двое любят друг друга. / Так в чем их вина?») [4:106] Но выстраивается своеобразная образная триада: февраль – любовь – вечность. Антитеза идет на уровне лексики: «Это боль

и восторг», «умирайте – воспаряйте» [4:106]. Определенную эмоциональную, смысловую нагрузку несут на себе глаголы; поэтесса использует только настоящее время: «двое любят», «смотрит», «оборвется» и повелительное наклонение: «умирайте», «воспаряйте», «не марайте», «берегите». Эти глаголы определяют предмет с разных точек зрения. Обращения – призывы, содержащиеся в глаголах, – это лирическая кульминация, осознанная сквозь призму вечности: «Смотрит вечность, прищурясь, на двоих в феврале...» [4:106]. Иногда «февральское» стихотворение строится из несопоставимых понятий, как у ранней Ахматовой: «Меня от меня защищая, / собою от боли закрыв, / прости – ничего не прощая! – / забудь – ничего не забыв...» (сборник «Избранное», 2001. Стихотворение «Ноябрь каплей...»). Далее идет шифрограмма, понятная, видимо, очень близким, но в этой «непонятности» своя прелесть: музыка стиха завораживает, будит ассоциативную память: «Пусть ребус февральский не понят, / судьба нам и это зачла, / мне радость знакомства напомнит / печальные вспышки зрачка» [5:161]. Оксюморон «счастливая мука» не отдает пошлостью, не коробит (кто только о такой муке не писал!), возможно, потому, что автором найдена удивительно емкая развернутая метафора: «Смотреть сквозь февраль, сквозь друг друга, / тревожась, скорбя и любя!». И вновь И. Кашежева поражает читателей глубиной своего авторского подтекста, акцентируя слово «сквозь» (не друг на друга, не в одну сторону, как у Л. Толстого), она не оставляет читателю выбора: стихотворение об уходящей любви.

Таким образом, мы видим, как автор приспособливает свой стих для необходимых целей – показать уходящую, «горькую» любовь. Поэтесса наполнила его разнообразной лексикой, сделала легко читаемым, но при этом размышляющим, мелодичным, она «нагружала» его разнообразием смыслов и значений, оставляя за читателем право свободной трактовки.

Иногда автор погружает лирическую героиню в какую-либо ситуацию для того, чтобы наблюдать, что из этого выйдет. Такие «ситуационные» стихи показывают рассматриваемый образ с разных сторон, высвечивая все новые и новые его грани, и в то же время мир «входит в ее стихи подчас даже помимо ее воли, а лишь в силу правдивости изображения в своей глубинно-драматической сущности» [6]. Таково стихотворение «Быть возлюбленной поэта» (сборник «Избранное»). Рефреном повторенное «быть возлюбленной поэта...» высвечивает «женский взгляд» на проблемы любви, но это не «исповедь любящего сердца». Все гораздо сложнее. Перед нами «широкая проекция психологического и художественного мира, раскрывавшегося в ее стихах» [6].

«Быть возлюбленной поэта – это: «быть хоть лучиком, но света / в темноте его беды», «...вдруг самой не стать: / в муках ада, в строках беда / постепенно оживать», «...с грустью наблюдать, / как дымится сигарета, / чтобы пеплом рифмы стать», «...это ... Бог не приведи /» [5:108]. И. Кашежева, как и А. Ахматова, М. Цветаева, предпочитала видеть мир таким, каков он есть на самом деле, – при всем том, конечно, что видела его по-своему. Этот своеобразный взгляд, который воплощен в ее лири-

ке, говорит об исключительной чуткости ее восприятия мира и человека в этом мире. Как подтверждение тому – стихотворение «Посвящение» (сборник «Избранное»). Автор также рисует перед нами определенную ситуацию, «обыгрывая» знаменитое «Вся жизнь – театр». Театральные термины «рампа» – «грим», «кулисы», «роль» лишь усиливают это впечатление. Стихотворение представляет собой набор определенных философем: «жизнь всегда зовется жизнью», «...какой захочешь, всем кажись», «...не соверши ошибки вновь», «жертвы требует искусство», «успех для всех всегда опасен», «любая жизнь неповторима», «была б твоя душа без грима – / вот роль, трудней которой нет» [5:109]. Стилиевая доминанта – особого рода психологизм, основанный на косвенном воспроизведении душевных переживаний, проходит и через эти философемы и через центральную из них: «Любовь не знает суррогата, / любовь, она всегда – любовь» [5:109]. Кавказская женская поэзия в 1960-2000 годы вообще стала тяготеть к философемам: А. Ахмадова (чеченская поэтесса) пишет о любви: «...Как совесть, неподкупна и светла, / Она вставала из глубин бездонных» [7:948]; К. Салгалова: «Любовь не забава, в нее невозможно играть, / Влюбленным друг друга и в малом нельзя предавать» [7:620]. Стихотворение обращено к женщине. Оно по сути своей двупланово. Эта двуплановость психологического мира отражается «в одном из самых мощных средств подтекстового психологического изображения – в темпоритме фразы» [8:185]. Тот же принцип психологического осуществляется и на уровне художественной речи; стилистика стихотворения сдержанная: метафора («душа без грима»), сравнения («успех... подожжет искрой», «жизнь... как свет звезды в созвездье лет») [5:109]. Сам характер лирического переживания (глубинного, не напоказ), предполагает сдержанное выражение; лишь в последних строфах стихотворения автор оправдывает его название: «Я посвящаю эти строки / тебе... и, может быть, себе» [5:109].

Еще одну грань дано увидеть поэтессе – прощание с любовью. Она находит свой ответ на вопрос, заданный В. Фирсовым: «Когда любовь пройдет / как людям дальше жить?» Кумыкская поэтесса Д. Керимова находит свою метафору, отражающую стадии развития чувств: «Любовь, как сад, – цветет и отцветает... / Ведь нам она на память оставляет / И горькие, и сладкие плоды» [7:436]. В сборнике «Кебляга» (1982) в стихотворении «Вот и все...» И. Кашежева отказывается от авторской позиции, от авторского поэтического видения мира, поэт строит свои стихи по законам рассказа. При этом лирическое сознание как бы фокусирует в себе множество иных лирических сознаний. Этому помогает и максимальное присутствие авторского «я», и его отстраненность, ведущая к панорамности зрения: «Ни тирад, ни слез – лишь два зрачка / боль моя последняя зачла, как чины засчитывали в госпитале», «и полоска губ легла повязкою / на мое спокойное чело» [9:47]. Анафора – это не только стилистическая фигура, она создает своеобразный интонационный рисунок – от одного плана к другому: «Вот и все. А просто-то как, господи!» / «Вот и все. И больше ничего...» / «Вот и все. Ни встреч, ни разлук...» / «Вот и все. А просто-то как, господи!» [9:47] Лишь в тре-

твѣй строфѣ автор конкретизирует все: «Слепо сделан слепок парафиновый, / с той неразберихи половинчатой, / показавшейся любовью вдруг» [9:47]. Наполненная множеством смыслов строфа «Вот и все» вместе с изобразительно-выразительными средствами образовала глубоко оригинальный поэтический сплав мысли, чувства и рифмы для их выражения.

«Проигрывая» определенные жизненные ситуации, поэтесса не столько ищет готовые рецепты, сколько переплетает призывы к читателям с размышлениями (стихотворение «Когда покидают любимых...», сборник «Кебляга»). Призывы эти показывают четкую нравственную позицию автора: «Когда уходите навсегда, / хотя бы силы имейте / не разомкнуть уста», «Когда... поймете, что дом ваш пуст, / имейте хоть каплю воли, / не размыкайте уст» [9:159]. Размышления переданы через безличную форму глагола: «Хватило бы лишь уменья / не подавать голосов» [9:159]. Далее от общих раздумий – к себе: есть ли в нас эти качества? Ответ дан опосредованно: «Только б тебе не каяться! / Только бы мне не клясть!» [9:159]. Непринужденная интонация придает стихотворению задушевный тон. Поэт, опираясь на «память слова», используя даже его звуковой строй, дающий «разбег» ассоциациям, создает «говорящий образ», то есть слово в движении своего иносказания приближается к образу, создавая многочисленные ряды семантических переносов, перефразирований, рифменных и звуковых соответствий одной ситуации. И лирическая героиня принадлежит двум мирам: природному и божественному, точнее было бы сказать, что поэтесса этим миром разделяет, а рассматривает как единое целое. Тогда и «горькая» любовь не становится трагедией вселенского масштаба, ведь, согласно христианской традиции, больше всего сущего нужно любить Бога.

Литература

1. Песни народов Северного Кавказа. Л.: Советский писатель, 1976.
2. Кашежева И. И. Незнакомое время. Нальчик, 1980.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.
4. Кашежева И. И. На розовом коне. Нальчик, 1987.
5. Кашежева И. И. Избранное. Нальчик, 2001.
6. Кагермазов Б. Г. Явление в поэзии: К 50-летию И. Кашежевой // Кабардино-Балкарская правда, 1994, 23 февраля.
7. Антология литературы народов Северного Кавказа. Поэзия / Состав. А. М. Казиева, т. I, ч. I. Пятигорск: ПГЛУ, 2003.
8. Караулов Ю. Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ, Братислава. М., 1999. С. 151-186.
9. Кашежева И. И. Кебляга. Нальчик: Эльбрус, 1982.

Владимир ЗАРУБИН

Супруге Татьяне Дмитриевне

***

Женщина с зелёными глазами,
Жизнь перевернувшая мою,
Нет такой нигде под небесами,
Нет ни за горами и лесами,
Нет подобной ни в каком краю –
Потому всю жизнь о ней пою.

Женщина с зелёными глазами,
Ставшая счастливою судьбой,
Той, что не купить в «Универсаме»,
Не измерить лучшими весами,
Что мечтой бывает голубой,
Но приходит вдруг, сама собой.

Женщина с зелёными глазами,
Лучшая из лучших для меня –
Вдохновенье всех моих дерзаний,
И ещё – пожизненный экзамен
На любовь, которую храня,
Мы себя спасаем от огня.

***

Я несвободен от тебя,
А потому верней, чем прежде,
И одиночество терпя,
Живу в отчаянной надежде
На возвращение домой,
Чтоб, после месячной разлуки,

В порыве радости хмельной,
Упасть в твои родные руки.
И задохнуться от любви,
И утешать, и утешаться,
И сил, бушующих в крови,
Не удержать, не удержаться.

***

Захотелось маленького праздника –
Вместо изнуряющих больших,
После коих, как бутылка из пластика,
Весь изломан, пуст и еле жив.

Так давай, подруга многолетняя,
Половинка чудная моя,
Сотворим себе великолепное
Настроенье, чувства не тая.

Отрешимся до нутра до самого
От забот и страшных новостей,
Лишь бы, как в комедии Рязанова, –
Ни звонков, ни стуков, ни гостей.

Только мы – как во вчерашней юности,
Где без денег, связей и угла,
Мчались вдаль в прекрасной обоюдности,
Закусив от счастья удила.

Насладимся ж радостью интимною,
Хоть на время души освежим,
Проведем свою недельку дивную
По дороге к праздникам большим.

***

О, как мне плохо без тебя и пусто –
Невыразимо горько на душе,
И сердце ноет, не давая спуска,
И тело сжато, как на вираже.

О, как ты мне всегда необходима –
И для стихов, что я тебе дарю,
И потому, что слиты воедино
Мы по судьбе и по календарю.

О, как люблю я, внутренне сгорая,
Что большего тебе не в силах дать,
Но если бы случилась жизнь вторая –
Тебе бы посвятил ее опять!

***

Тебе – моей единственной, родной –
Слагаю сердцем строки, чтобы ими
В любви признаться в раз очередной
И навсегда твое прославить имя.

Как женщина, как муза и жена
Не гения, но все-таки поэта,
Всей жизнью, что в стихах отражена,
Ты многократно заслужила это!

Ценой послевоенных детских лет,
С лишениями и горькими слезами,
Терпеньем, иногда себе во вред,
За годы, что навеки нас связали.

Какое счастье, что, в конце концов,
Закончились невольные разлуки,

Что смолкли глотки недругов-лжецов,
Что в добрый час взростлеют наши внуки.

И что твоя живая красота
От прежней мной почти неотличима,
Что состраданье – суть, а не черта
Твоей души, что вся ты – молодчина!

Что от тебя исходит ясный свет,
Дарящий людям радость – в горе.
И потому семейный наш дуэт
Не хуже всех гребет в житейском море.

И потому, целуя горячо
И поздравляя с новым днем рожденья,
Желаю уйму счастья, и еще –
За все свои грехи прошу прощенья!

***

Ещё ты не уехала на время,
А я уже тоскую по тебе,
Как о свободе – пленницы в гареме,
Как старики зимою – о тепле.

Ещё ты не приехала обратно,
А я уже безумно рад тому,
Что вновь с тобой пребуду многократно,
И не отдам вовеки никому!

***

Уютная, домашняя,
Наивно-безыскусная,
В халатике с ромашками
И с голубыми бусами.

С глазами ясно-чистыми,
Огнём добра просвечена,
Душою бескорыстная
И сердцем человечная.

За все года-годинушки,
Одной семьёй трубимые –
Однажды и единожды,
И навсегда любимая!

***

Чем дольше вместе мы живём,
Тем крепче связаны незримо –
Ведь выстраданное вдвоём
Оберегает от разрыва.

И, в меру сил судьбу лепя,
Сдаём пожизненный экзамен,
Друг друга зная, как себя,
Хоть до конца себя не знаем.

***

Красоты и женственности бедность
Дерзко заменяют иногда
Северная мраморная бледность,
Южная живая смуглота.

У тебя же – никаких изъянов!
От фигуры гибкой и до глаз!
На тебя единожды лишь глянув,
Все теряют голову тотчас.

А твои цыганские таланты –
Под гитару собственную петь –
Самые надёжные гаранты,
Чтоб тобою восхищаться впредь.

Пусть тобой любят и бредят,
Я ж хочу любить тебя один.
Без тебя я нёмощен и беден,
А с тобой – богач и властелин.

Дай же Бог тебе премного счастья
И здоровья вереницу лет,
Светом обаянья излучайся –
У тебя такой хороший свет!

Так свети ж без пятен и затмений,
И не бойся зависти хамья,
Знай – никто тебя мне не заменит,
Солнечная женщина моя!

Эхо далекой войны: судьба братьев Кантемировых

Невозможно забыть, какую трагедию пережила наша страна в жестокой схватке с фашизмом, как она вышла из неё победителем – совсем без сил, но с высоко поднятой головой.

Семью Хату Урусбиевича Кантемирова война тоже не обошла стороной. Но их история в своё время обрела счастливый конец.

В 1939 году политрук Кантемиров проходил службу в небольшом западно-белорусском городе Ломже в 17 километрах от советско-германской границы. Здесь же находилась и семья Хату – жена Евгения и двое сыновей: Борис – десяти лет, и пятилетний Альберт.

* * *

Из воспоминаний Бориса Кантемирова:

«Я проснулся в 9.30 от сильного удара в оконные стекла. Брат ещё спал. Я подошёл к окну и увидел во дворе всех наших соседских женщин. Мужчин среди них не было. Все они стояли и смотрели в небо. Я хотел выйти во двор и узнать, в чем дело, но дверь квартиры оказалась запертой. Мама была на лечении в Минске, поэтому, почувствовав недоброе, я стал будить и одевать Альберта. Услышав, что дверь квартиры кто-то открывает, я повернулся и увидел штабного писаря Титова.

- Поторапливайтесь, ребята, пойдём в часть!
- Дядя Титов, а в чем дело?
- Манёвры, ребята, манёвры! Пошли!

На улице я увидел убитую лошадь в огромной луже крови. Во дворе части стояли только старики, женщины и дети. Все стекла были выбиты, при входе стоял усиленный караул. Люди были встревожены.

Около 12 часов дня во двор части подогнали две грузовые машины и погрузили в них всех стариков, женщин и детей. В это время во двор на всех парах залетела «эмка», из которой выскочил отец. Он был такой же как всегда: на левом рукаве его шерстяной гимнастёрки горела золотая пятиконечная звезда, все так же в петлицах блестели красные кубики. Вот только на лице его была заметна тревога.

Приняв рапорт от дежурного по батальону, на котором теперь лежала ответственность за отправку семей военнослужащих в тыл, отец приказал немедленно отправить машины на станцию. Моторы загудели, и только теперь отец подбежал к нашей машине, поцеловал нас и что-то смахнул рукой с глаз. «Наверное, пыль...» – подумал я, ведь я никогда не видел, чтобы он плакал.

Машины поехали, и отец крикнул тёте Вале – жене командира, сидящей недалеко от нас:

- Валя, береги сыновей! Как только война кончится, я заберу их!
- Что? Война? Так вот, оказывается, что это за «манёвры»!

Железнодорожную станцию уже обстреливали из дальнобойных орудий. Нас посадили в поезд. В товарном вагоне было тесно: все сидели прак-

тически друг на друге. Поезд тронулся, но успел дойти только до города Волковыска. На эшелон с воздуха посыпались бомбы. Поезд затормозил. Из горящего состава в панике выскакивали выжившие взрослые и дети и бежали прочь от горящих вагонов. Взявшись за руки, мы с Альбертом добежали до первого куста и увидели, как женщина, бежавшая впереди нас, вытряхнула вещи из чемодана и стала укладывать в него своего убитого осколком или пулей ребёнка...

В небе опять появились тучи бомбардировщиков. Мы упали на землю и прижались друг к другу. С самолетов сыпались бомбы и со страшным воем падали на землю, неся с собой ужас и смерть беззащитным женщинам, детям и старикам.

Когда все закончилось, я увидел, что дома неподалёку горели. Мы опять куда-то побрели. На наше счастье встретили двоих красноармейцев.

– Дяденька, возьмите нас с собой. Мы привыкли быть все время с бойцами!

Нас привели в дом и попросили хозяйку присмотреть за нами до утра, пока придёт следующий поезд. В комнате было очень много людей. На столе горела свеча. Свет от неё упал на значки, которые украшали мою грудь. Тут и ПВХО, и «Ворошиловский стрелок», и «Осоавиахим», и «ГТО», и ещё одна звёздочка. Все их мне дарили бойцы в нашей части, которым я пел песни и играл на пианино.

– Сынок, ты бы снял свои значки. А то фашисты убьют тебя!

Мне очень жалко было расставаться с ними. Но я снял их и закопал в кадке с фикусом. Но звёздочку все же оставил у себя.

Утром женщины разделились на группы и двинулись в деревню. Нам было велено идти впереди. В городе всё горело и дымилось, на станции вагоны валялись, как разбросанные ребёнком игрушки. Мы шли целый день и вскоре увидели деревню. На улице нас окружили мужчины и женщины. Когда узнали, что с нами нет родителей, пожилая женщина повела нас к себе в дом, и мы остались у неё жить.

Однажды женщина вбежала в дом и взволнованно стала рассказывать, что на том конце деревни русские солдаты собирают беженцев и сажают их на подводы: «Может, и вы поедете?». На улице показался человек, одетый в красноармейскую форму. За поясом у него висело две лимонки и торчал наган. Он ходил по домам и забирал с собой жен и детей комсостава. В одном из дворов солдаты вывели пару лошадей и стали запрягать их. На просьбы и мольбы хозяина и плач хозяйки они никак не реагировали. Красноармейцы были очень грубы, один из них был пьян. Они мне не понравились. Я знал красноармейцев, вырос среди них, но эти были не похожи на них. Поэтому, несмотря на уговоры бабушки, я не согласился сесть к ним на телегу и брата не пустил. Посадив женщин и детей на подводы, «красноармейцы» увезли их. Скоро со стороны леса мы услышали взрывы гранат, автоматные очереди и крики людей. Когда все стихло, смельчаки пошли в лес. Вернувшись, они рассказали, что две подводы разбиты, вокруг лежат окровавленные трупы увезённых женщин и детей. Лошадей нет. Так расправились с беззащитными, ни в чем не повинными людьми переодетые в военную форму враги, которым была ненавистна советская власть, и они ждали момента, когда смогут

ударить ножом в спину. Такое время для них пришло.

Однажды утром в дверь хаты громко постучали. Хозяйка открыла. На пороге стояли немцы и полицай-предатель. Немец, окинув взглядом скромное убранство хаты, заметил черноволосях черноглазых мальчиков. «Иуда?!» – грозно спросил он хозяйку. Женщина стала объяснять, что они кабардинцы, с Кавказа. Как оказалось, это была облава: в ту ночь из домов, в которых ночевали беженцы, немцы избирательно вывели всех евреев. Посадили их на повозки, вывезли за деревню и расстреляли в близлежащем рву.

Однажды ночью через деревню шли немецкие солдаты. Двое из них на мотоциклах завернули к нам во двор. Со страшным рокотом мотора немцы стали гоняться по двору и строчить по курам из автомата. Они собрали добычу и, громко смеясь, уехали.

Хозяйке стало нечем нас кормить, и она попросила нас пойти в город Волковыск: «Может быть, там вас кто-нибудь приютит...».

По улицам Волковыска мы ходили до вечера, заходя почти в каждый дом. Но нас никто нигде не принимал: «Вас ведь ещё кормить да кормить. Что с вас толку?». Одна женщина сказала, что одного бы с удовольствием взяла, но двоих не прокормит. Альберт знал, что я его ни за что не оставлю. Но тут он испугался и потянул меня за руку: «Идём дальше, я ещё не устал!».

Еду, что нам подавали, делили поровну. Половину своего куска я незаметно для брата прятал за пазуху. И если нам не удавалось ничего раздобыть, то последнее делилось вновь пополам. В свою очередь, маленький брат никогда не посягал на мою половину еды, даже если был очень голоден.

Мы шли с утра до вечера, от деревни к деревне, две недели. Альберт часто уставал, и мне приходилось тащить его на плечах. Слезы бежали у него из глаз, но вслух он никогда не плакал. По обочинам дорог лежали трупы убитых людей в военной и гражданской одеждах. Лица трупов были уже черные, неузнаваемые. Тут же стояли машины, пушки, подводы. Это была ужасная картина. Страх усиливался и от построенных в деревнях виселиц.

В конце второй недели вечером мы подошли к местечку Озерницы Слонимского района Волковысской области. А это значило, что из Польши мы пришли в Белоруссию. Здесь мы попали в лагерь для раненых советских военнопленных. Здесь же была и группа детей, куда нас и поместили. Пропитание нужно было добывать самостоятельно. Девочки шили из старой мешковины небольшие четырёхугольные сумки-торбы, за два угла которой привязывалась верёвка или кусок провода. Сумка перекидывалась через плечо. С ней ребята ходили по домам и просили милостыню. Все собранные за день продукты по неписаному детскому закону приносились в дом и делились поровну, независимо от того, кто сколько и чего именно раздобыл. Спали на полу на соломе.

В августе немцы ликвидировали лагерь военнопленных, а всех детей вывезли в город Слоним. Там нас сдали в детский дом, в котором было около 200 детей разного возраста и национальностей.

Осенью всех детей еврейской национальности вывезли из детского дома и расстреляли в дубовой роще в пригороде Слонима – Альбертине. Нас осталось около 100 человек. Скоро от нас забрали всех детей младше 6 лет – их местным жителям разрешили забрать к себе в дома. Забрали и моего брата

Альберта.

Немцы выделяли на весь детский дом 10 буханок хлеба в день. Остальную пищу мы добывали сами. Ходили голодные, босые и раздетые, так как вся одежда поизносилась.

Осенью 1942 года немцы отобрали в детском доме всех взрослых ребят и девочек (от 10 до 13 лет) и вывезли в город Минск. Там мы и другие дети из детских домов Минска работали на армейских плантациях до глубокой осени. От рассвета до заката под неусыпным взглядом немецких надсмотрщиков с нагайками в руках мы пололи, а потом убирали брюкву, кольраби, краснокочанную капусту, морковь. Содержали нас в бараке при военной части.

В начале 1943 года поздно вечером к детскому дому подъехала военная грузовая машина. Четыре немца с автоматами на груди ходили по спальням и поднимали взрослых ребят. Нам дали возможность одеться, погрузили в машину и куда-то повезли в ночной тьме. Ехали долго. Мы, лёжа в кузове, тесно прижались друг к другу, чтобы было теплее. Наконец свет фар упёрся в забор из колючей проволоки. Ворота открыли, и мы въехали во двор. Только утром мы узнали, что нас привезли в лагерь в Барановичи. Здесь было очень много детей. Некоторых мы уже встречали раньше, когда работали с ними на плантациях. После обеда к лагерю подошли железнодорожный состав. Нас построили около вагонов. Один из офицеров лагерного командования залез на бочку и на ломаном русском языке, размахивая пистолетом, объяснял, как мы должны себя вести в дороге. Единственное, что я запомнил – за попытку к бегству расстрел на месте. Нас погрузили в вагоны, закрыли ворота, и поезд тронулся.

Проехали Брест, Варшаву. Снова привезли в какой-то лагерь, снова надзиратели в военной форме. Здесь нас пропустили через санпропускник. Всех сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, на каждого завели документы. На грудь каждому прикрепили номер.

Опять погрузили в вагоны, опять повезли куда-то...

Дальше Дрезден. Снова лагерь за колючей проволокой. Здесь находились и дети, и взрослые. Некоторые из них жили целыми семьями. Спали на нарах – этого добра здесь было достаточно. А вот еды не хватало. Из полевого котла нам раздавали баланду. Но у меня не было ни кружки, ни миски, даже консервную банку раздобыть было невозможно. Отстоять огромную очередь до котла было тоже практически нереально – так много было людей. У меня было демисезонное пальтишко. Здесь-то я и обменял его на ржаную лепёшку размером с взрослую ладонь...

Через неделю нас постригли электрической машинкой, в душевой обмазали кистью с какой-то ядовитой жидкостью, все белье, одежду и обувь пропустили через тепловую камеру, после чего вся кожаная обувь и ремни пришли в негодность – все превратилось в «сухари». После санпропускника мы попали в «чистую» часть лагеря. Здесь нас уже кормили. Снова фотографировали, снимали отпечатки пальцев, составляли документы. Отсюда нас группами по 5–10 человек пешком с сопровождающим отправили по другим лагерям города.

В лагерь каждый день приходили гражданские немцы. Нас выводили

из бараков, строили, и эти люди ходили между рядами и отбирали понравившихся им рабов. В этом же лагере нам прикрепляли на грудь знак – синий прямоугольник, обрамлённый белой полосой. Внутри три белых знака: 08Т. Вскоре выбрали и меня. Работали мы на скотобойне.

После бомбёжки города Дрездена нас вывезли в Баварию. Здесь я работал по хозяйству, ухаживал за скотом, за птицей, работал по дому, шофёром, на заготовке дров. Здесь я проработал до 1947 года.

Война закончилась. Территория Баварии была оккупирована американцами. Хозяин, на которого я работал, знал, как сильно я хочу вернуться на родину, но отпускать меня не хотел. Одна сердобольная немка, жившая в американской зоне, согласилась тайно отправить написанное мною письмо в нашу зону оккупации. На конверте я написал: «Любому бойцу Красной армии». В письме я коротко изложил, кто я и где нахожусь, просил отправить письмо по данному мною адресу. И через несколько недель я получил ответ от матери! Но только после настойчивых требований Советского комитета по репатриации наших граждан, насильно угнанных в Германию, мне удалось вернуться на родину».

* * *

Из воспоминаний Альберта Кантемирова:

«В конце лета, когда немцы ликвидировали лагерь военнопленных, всех детей привезли в детский дом города Слонима. Его начальником был немец, а воспитатели и другой персонал – белорусы. В этом детском доме работала воспитатель Таисия Семёновна Богданович – Тося (ей было всего 19 лет). Она часто приносила что-то из еды и подкармливала меня и Бориса. Начальник детского дома разрешил работникам иногда забирать младших детей на воспитание к себе домой. Таисия Семёновна могла забирать только меня. Борису было уже 10 лет, его не разрешали.

Мать Тоси Зинаида Петровна неоднократно ходила к начальнику с просьбой разрешить забирать к ним домой и Бориса. «Ведь мальчики – родные братья, они должны быть вместе», – просила она. Пыталась даже задобрить его курицей, подарками. Начальник подношения брал, но отдавать Бориса не спешил. Разрешил встречаться братьям дома у Богдановичей только по воскресеньям.

Заботливая женщина собирала Боре из своих и без того скудных запасов еду на несколько дней, приводила в порядок его пообносившийся костюмчик. А ведь у неё у самой в семье было пятеро детей.

В скором времени всех взрослых детей, находившихся в детском доме, погрузили в эшелон и отправили в Германию. В том числе и Бориса. Детский дом закрыли.

В июле 1944 года Красная армия освободила Белоруссию. Началась новая жизнь. Перед началом каждого учебного года Зинаида Петровне как приютившей ребёнка, оставшегося без родителей, выдавали отрезки материала, из которых она шила мне одежду, карандаши, рулонную бумагу (школьных тетрадок ещё не было) и ботинки. А главное – выдавали продовольственные карточки на продукты.

Когда Тося вышла замуж, то вместе с мужем Сергеем они решили усы-

новить меня. Однажды Сергей вернулся домой очень взволнованный. Он собрал всех взрослых членов семьи и сообщил, что сегодня его руководитель – начальник Слонимского городского отдела МВД – собрал всех сотрудников и зачитал телеграмму из Министерства внутренних дел КБАССР с просьбой принять все возможные меры к розыску братьев Кантемировых: Бориса и Альберта. Капитан поручил сотрудникам объездить близлежащие районы и по возможности помочь что-либо узнать.

На этом заседании Сергей разнервничался и не сказал, что младший из братьев находится в его доме. Ведь они так полюбили меня, в их семье я стал родным для всех.

На семейном совете было принято тяжёлое решение: все-таки сообщить о местонахождении младшего из братьев его родственникам. И вот прошло совсем немного времени, и к нам приехал незнакомый офицер. Я остановился в недоумении.

– Как тебя зовут, мальчик?

– Альберт Кантемиров.

– А где твои отец и мать?

– Отец погиб на фронте, мать умерла в госпитале.

У офицера задрожал голос: «Сынок, не хорони нас. Я твой отец. Мама тоже жива».

Я подошёл и дотронулся до его брюк защитного цвета: «Нет, ты не папа. У папы штаны были синие».

Отец не смог сдерживать так давно собиравшихся слез: ведь ребёнок помнил столько лет, что до войны политсостав Красной армии действительно носил брюки синего цвета. Он крепко обнял меня: «Сынок, родной, я твой отец, живой».

Отцу пришлось две недели пожить у Богдановичей дома, чтобы я привык к нему. Дома в Нальчике была не менее трогательная встреча с мамой. Сколько было объятий! Она со слезами радости на глазах вручила мужу письмо от старшего сына Бориса. Наверное, невозможно передать, какие эмоции пережил в этот момент отец!».

* * *

Славный боевой путь прошёл комиссар батальона Хату Урусбиевич Кантемиров. Защищал Смоленск, Тулу, отвоёвывал западную границу нашей Родины. За мужество, отвагу и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, он был награждён семью боевыми правительственными наградами: двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени, четырьмя орденами Красной Звезды и медалями «За отвагу», «За победу над Германией».

Рассказывая о том, как были потеряны в годы страшной войны, а затем найдены дети Хату Кантемирова, нельзя не вспомнить народную поговорку: мир не без добрых людей. Они – добрые люди – помогли мальчикам с Кавказа выжить и вновь обрести свою семью.

НА СЛУЖБЕ СВЕТА И ДОБРА

А. Ш. Мамзегов

Счастлив человек, сумевший оставить добрый след на земле. Это мечта многих, но далеко не всякому удаётся стать полезным. И дело здесь не в разных возможностях, а в даре свыше и в желании самого человека облегчить своей помощью, добрым советом земную ношу собрата, земляка или просто знакомого.

Таких людей, как правило, не нужно просить о помощи, они сами видят, кому тяжело. В поддержке, сочувствии, сопереживании, стремлении поделиться тем, что имеют, они находят радость – то, ради чего и стоит жить. Одним из них является Алексей Мамзегов, кого самые разные люди считают другом или очень близким и дорогим человеком.

В своё время Алексей Шувич возглавлял Управление межреспубликанских магистральных каналов Минводхоза РФ. Хозяйство это многоплановое, управление занято обеспечением водой для полива земель Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Чечни и Ингушетии (а ранее – Чечено-Ингушетии), Ставропольского края.

Как профессионал Алексей Шувич имеет общепризнанный авторитет, и своё мнение он всегда мог отстаивать на любом уровне власти.

Образец и пример отношения к делу – это про Мамзегова. Между тем его строгость, твёрдость и взыскательность по отношению к профессиональной деятельности удивительным образом сочетались с мягкостью, отзывчивостью и готовностью войти в положение подчинённых.

Основным показателем благополучия и успехов на работе для него всегда было не выполнение производственных планов, это было как само собою разумеющееся, а успешное решение социальных проблем. Так было и когда он руководил МКСУ-4, и в пору его пребывания в должности начальника строительного управления № 6 треста «Каббалкводстрой», и когда он стал во главе управления межреспубликанских магистральных каналов, которое всегда считалось престижным местом. Как руководитель особое внимание он всегда уделял капитальному строительству, и это позволяло ежегодно увеличивать объёмы капитальных вложений.

Наряду с этим Алексей Шувич понимал, что помнить о нем будут по тем делам, которые сделаны за пределами его обязанностей.

В селении Терекском до сих пор помнят обо всех благих делах, которые А. Мамзегов делал для колхоза «Заря коммунизма». Кстати, УММК в то время официально было шефом этого хозяйства. Бывший председатель колхоза Анатолий Хажуев в своей книге «Как много я людей хороших знал» вспоминает, как однажды Алексей Шувич привлёк колхозников к берегоукрепительным работам и дал им возможность заработать для колхоза 370 тысяч

рублей. По словам автора книги, «это в три раза превышало выручку колхоза от возделывания пшеницы на площади 700 гектаров». В те же годы Мамхегов подарил подшефному колхозу новый комбайн, трактор, две автомашины, помогал резиной для техники, запчастями. А когда началась кампания по ликвидации подсобного хозяйства, УММК передал колхозу сначала 80, а затем 70 голов крупного рогатого скота. Если были проблемы со стройматериалами или была нужна какая-либо техника, жители Терского района всегда могли рассчитывать на помощь А. Мамхегова. Из массы его добрых дел стоит сказать и о том, что в Крупск-Ульяновске Кировского района Ставропольского края, где у Управления был самый крупный участок, он построил множество жилых домов и полностью осуществил газификацию. Все работники участка получили добротное жильё. Так, впервые в Ставропольском крае в отдельно взятом населённом пункте был полностью решен жилищный вопрос – это то, за что боролась вся страна.

Во всех республиках, где имелись участки УММК, решались жилищные проблемы. В Тереке он построил два 60-квартирных дома, а в Осетии два 16-квартирных дома – и тоже закрыл проблему. Особо стоит отметить и участок, который располагается между Терекем и Майским на исторической местности под названием Джулат.

Здесь, по сведениям историков, еще в давние времена располагалось одноимённое городище, и именно возле горы Джулат потерпело своё первое крупное поражение войско Тохтамыша.

Алексей Шувечич пришёл к убеждению, что это место не должно быть безлюдным и нужно вдохнуть в него новую жизнь, построив жилой комплекс, за который не болела бы душа. Это было сложным делом. Чтобы понимать все трудности, нужно знать то время и условия, при которых без плана не могло воплотиться ни одно даже самое благородное начинание. На этом месте жили несколько десятков работников УММК, ютившихся в трёх бараках, один из которых «едва дышал». Не было лимитов, и Москва не разрешала начинать такие стройки. В этом месте грунты просадочные, что способствовало удорожанию строительства в разы. Однако первый секретарь обкома партии Т. К. Мальбахов настоял, чтобы посёлок располагался именно в этом историческом месте, но сам ему никакую помощь не обещал, и вот, на свой страх и риск, Алексей Шувечич взялся за дело. Использовал все свои связи и сумел убедить руководство Минводхоза РСФСР в острой необходимости строительства жилья и объектов соцкультбыта.

Упорство и настойчивость – самые яркие черты Мамхегова – руководителя регионально-федерального уровня. Они помогли ему в достижении как малых, так и больших целей, так как обеспечивали преданность делу до его успешного окончания. Жить делом, болеть за него всей душой, будто ничего иного не существует, – это идейная составляющая многих руководителей прошлых лет. Именно они вопреки невероятным трудностям обеспечивали процветание страны. В эту плеяду самоотверженных руководителей вписано имя Алексея Мамхегова, сумевшего за годы правления УММК добиться несомненных успехов.

С газификацией посёлка Джулат помог В. Черномырдин. Почти случайная встреча свела Мамхегова с главой «Газпрома», которому в тот день

оказывали положенные гостю почести. За ужином в гостинице Виктор Степанович удивился, что Алексею не полагается сидеть за одним столом со старшими. В тот раз Алексею выпало быть виночерпием, и гостю объяснили, что виночерпию не положено сидеть – он должен обеспечить комфорт старших. Поражённый кавказской традицией, гость решил, что «парня надо бы поддержать». Его вопрос «в чём есть нехватка, и может ли он чем-то помочь», заставил Алексея долго отнекиваться, дескать, всё есть, ничего не надо. В. Черномырдин продолжал настаивать, и тогда Мамхегов скромно признался, что ему очень нужны 27 тысяч метров труб. Проблема была решена, росчерком пера, – тут же он наложил резолюцию на бланк УММК.

Газ получили не только посёлок Джулат, но и селения Арик и Красноармейское. Джулат в настоящее время является самостоятельной административно-территориальной единицей и по праву может считаться детищем Алексея Мамхегова. Этот человек стал первым его почётным гражданином, как и Терека. Как депутат Верховного Совета КБАССР, потом и парламента КБР, А. Мамхегов многое сделал для сельских поселений Терского района. Котельная для школы, канализация для больницы и школы в Урожайном, асфальтированная дорога в Терекском и Урожайном.

Всё перечислить невозможно. Но следует отметить, что все это делалось не только потому, что он депутат, но по велению души, неспособной сказать «нет» в ответ на любую просьбу. Общественность не осталась в долгу и по достоинству оценила его труд во благо всего народа. Об этом говорят его многочисленные награды: ордена «Знак Почёта» и «Дружбы», медали, а также почётные звания «Заслуженный мелиоратор РСФСР», «Заслуженный строитель КБР», почётные грамоты республиканских органов власти и федеральных министерств, две золотые медали ВДНХ.

По убеждению А. Мамхегова, не награды определяют статус личности, главное – заслужить уважение простых людей, которые всегда воздают только по заслугам. Именно этому учил его отец, Шу Пагович, переживший и коллективизацию, и войну, и, волею судьбы – тюремное заключение, но сохранивший любовь к людям, позитивный жизненный настрой, воспитавший своих сыновей образцовыми членами общества и максимально полезными для сограждан. Он без устали требовал не забывать, что самое точное мнение о человеке – оценка людей. Честность, порядочность, чуткость и вера в добро – это, по его убеждению, и есть то, что лежит в основе людского уважения. Даже тогда, когда он сам достиг возраста мудрости, и уже давно нет в живых Шу Паговича, на свои деяния, на вещи, события и явления Алексей смотрит глазами отца, чтобы точно знать, что поступил правильно.

Ему повезло не только с ответственным отцом, но и с достигшим больших профессиональных высот старшим братом. Следует заметить, что служебное положение старшего брата он никогда не использовал для решения задач своего ведомства. Он всегда полагался только на себя и за все годы премьерства брата ни разу не утруждал его своими проблемами. Его управление напрямую подчинялось Москве, хорошо финансировалось, и он был способен справиться с любыми заданиями. В Минводхозе России был в числе лучших региональных руководителей.

Он дружил со многими авторитетными и интересными людьми, умел

извлекать главное из того, что было ими сказано или сделано. Ближе всех он сошёлся с Героем Социалистического Труда, председателем колхоза в Верхнем Курпе Азаматгери Жеровичем Панаговым. Обычно немногословный, тот щедро делился своим жизненным опытом, давая ценные советы, да и помогая, когда это требовалось. Азаматгери Жерович по своей натуре был человеколюбивым, гостеприимным и добрым человеком, но не всех он приближал к себе, не для всех открывал свою душу. Особняком стоял Алексей, и несмотря на разницу в возрасте, А. Панагов и Алексей сблизились, подружились.

Позже, когда его не стало, место Азаматгери в сердце Алексея занял его сын Максим. Он тогда уже был главой администрации района, а Алексей – руководителем крупного управления межреспубликанского масштаба. Никто из них друг от друга не зависел и один на другого не надеялся. Каждый был самодостаточен, поэтому становится понятно, что их сближают не какие-то конъюнктурные соображения, их скрепляет настоящая мужская дружба состоявшихся людей. Есть ещё один человек, Владимир Шамилович Хажуев, которого Алексей Мамхегов с гордостью называет своим другом. Будучи директором алмазного завода, он тоже проявил себя настоящим хозяйственником, радеющим за благосостояние как предприятия, так и его сотрудников, показал себя грамотным руководителем крупного масштаба, будучи министром промышленности республики. В народе говорят, что несхожие не встречаются. Стоит добавить, что даже если такое и случится, то они обязательно разойдутся. Дружат только те, у кого одни принципы, одинаковый образ мыслей и схожие нравственные ориентиры. Для каждого из них дело превыше всего, а работник в первую очередь – человек, а уже потом подчинённый со всеми вытекающими из этих установок незыблемыми правилами производственного и межличностного общения.

Мамхегов – настоящий отец и прекрасный семьянин. Супруга Фатима и дочь Фаина всегда с пониманием относятся к его жизненным приоритетам – сначала работа, а всё личное потом. Для членов его семьи достаточно понимания того, что окружающие считают главу их семьи прекрасным младшим для старших и отличным старшим для подрастающего поколения.

Однако было бы неправильно не сказать о Фатиме, о том, что она отличный организатор и хороший друг детей. Она 25 лет возглавляла лучшую в республике прогимназию № 25, и ее постоянно приводили в пример коллегам как умелого педагога, сумевшего создать неповторимую ауру и оазис в своем воспитательном учреждении. И хотя она сейчас на заслуженном отдыхе и уже не живет в Тереке, при случае обязательно посещает свой детсад-школу, свое детище, у истоков которого стояла со дня начала строительства. Да и коллеги с ней часто советуются, не упуская случая использовать ее большой опыт и талант.

Дочь Фаина работает юристом в республиканском парламенте, а внук Алексей учится и намерен умножить славу отцов добрыми делами. Во всяком случае, дед Алексей по сегодняшний день для него непререкаемый авторитет.

Алексею Мамхегову исполнилось 75 лет. Если мерить жизнь человека количеством людей, ему благодарных, в чьей памяти он оставил свет, то уже сейчас этой силы будет достаточно, чтобы осветить всю его дальнейшую жизнь.

**Салих ЭФЕНДИЕВ,
Фуад ЭФЕНДИЕВ**

Разносторонний талант Саладина Жилетежева

Творчество Саладина Хамзетовича Жилетежева – почти не исследованная тема. О нем написаны лишь 3–4 небольшие газетные статьи. Читая их, невольно задаешься вопросом: почему до сих пор о нем так мало написано? Ведь он талантливый человек и плодотворно работает в различных жанрах литературы – в поэзии, прозе, драматургии, журналистике, не чуждо ему и кинотворчество. С. Жилетежев внес серьезный вклад в кабардинскую литературу. Его книги «Продолжение жизни», «Радуга» и рассказы с удовольствием читают и взрослые люди, и молодое поколение, и дети.

Особо хочется подчеркнуть, что его способности всесторонне раскрылись в мультипликационных фильмах на сюжет нартского эпоса: «Сын камня» и «Сын камня и великан». Эти фильмы демонстрировались на кабардинском, балкарском и русском языках в кинотеатрах и на телевидении не только нашей республики, но и по центральным каналам.

Фильмы Жилетежева посмотрели десятки миллионов детей нашей страны. Посмотрев их, узбекские дети вспоминали и сравнивали легендарного героя нартского эпоса Сосруко с Алпамышем, киргизские – с Манасом, калмыцкие – с Джангаром.

Дети радовались, что с большого экрана на кабардинском и балкарском языках говорят Сосруко, Сатаней, Тлепш, Ашамез и другие персонажи нартского героического эпоса.

В своих фильмах автор сумел глубоко раскрыть и показать этногенетическое родство народов Северного Кавказа и их многочисленные этнокультурные генетические связи.

В условиях национального возрождения такие фильмы играют большую роль в духовно-нравственном воспитании молодого поколения и социально-философском осмыслении истории и культуры народа. Они расширяют кругозор, мировосприятие у детей и помогают формировать чувство любви к родному краю. Национальные мультфильмы, впервые созданные Саладином Жилетежевым на основе богатейшего народного социокультурного феномена – фольклора, являются большим достижением в сфере анимации.

Саладин Жилетежев не только талантливый человек, но и тонкий психолог с аналитическим умом. При создании своих мультфильмов он учитывал возрастные особенности и психологию детей. А это имеет немаловажное значение для возникновения интереса к истории и этнокультурным традициям наших народов.

С. Жилетежев долгие годы работал редактором Северокавказской студии кинохроники во Владикавказе. При его активном участии киножурнал «Северный Кавказ» выпустил около сорока номеров. Руководство студии высоко оценило такие киносценарии, как «Портрет

отца», «Человек с простой биографией». Для создания сценария фильма «Киров на Северном Кавказе» Саладин Хамзетович тщательно изучал архивные и музейные материалы Санкт-Петербурга, Махачкалы, Грозного, Владикавказа, Нальчика, а также книги, брошюры и статьи о деятельности Кирова на Северном Кавказе. Фильм неоднократно показывали по Северо-Осетинскому телевидению.

Вышеперечисленные мультипликационные и хронико-документальные фильмы в настоящее время находятся в активном фонде студии. Их часто показывает по телевидению Северо-Осетинская студия для республик, краев и областей Северного Кавказа, где проживает около 20 миллионов человек.

В 1982 году киносценарий, написанный Саладином Хамзетовичем совместно с московским драматургом Алексеем Симуковым, был опубликован в центральном издании «Альманах киносценариев».

Здесь следует отметить, что фильм о Сосруко у зрителей и кинокритиков получил высокую оценку. В опубликованных в журналах «Советский экран» и «Фильм – детям» рецензиях говорилось, что Саладин Жилетежев сумел глубоко раскрыть благородный подвиг Сосруко, подобный подвигу древнегреческого Прометея. В своих фильмах талантливый сценарист поднял духовный пласт горских народов, который имеет не только культурно-историческое, но и актуально-познавательное значение в воспитании детей.

Фильмы С. Жилетежева переведены на многие языки народов России и нескольких зарубежных стран. Все это свидетельствует о признании его таланта и заслуг в осмыслении этнокультурных концептов кабардинского, балкарского и других горских народов.

Саладин Жилетежев как автор синхронного перевода, редактор и режиссер осуществил дубляж на кабардинский и балкарский языки более 50 мультипликационных фильмов.

В 1982 году С. Жилетежеву была присуждена вторая премия за создание сценария телевизионного мультипликационного фильма «Сын камня».

В 1997 году Саладина Жилетежева многие организации выдвинули на Государственную премию КБР.

А. Муратова в статье «Муратла келлендиредиле» («Мечты вдохновляют»), опубликованной на балкарском языке в газете «Заман» 17 апреля 1997 года, писала: «Кинофильмы «Сын камня», «Сын камня и великан», «Свирель Ашамеза», «Золотые деревья нартов» являются большим достижением драматурга Саладина Жилетежева. Своими фильмами он открыл для детей другого мира, что нарты в космосе, на земле и под водой занимались благородными делами, служили интересам народа. Для проявления подвига нартам не было географической границы, они были истинными носителями национального духа. В этом суть и значение кинофильмов С. Жилетежева в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения».

Саладин Хамзетович встречал на своем жизненном пути много

замечательных людей. Одним из них был знаменитый кинодраматург Алексей Яковлевич Каплер. Он вел в институте сценарное дело. Алексей Яковлевич высоко оценил работы Саладина и помог оформить их надлежащим образом. Жилетежев вспоминает, что именно А. Каплер открыл ему путь в киноискусство.

Саладин Жилетежев дважды был в Америке, столько же в Сирии и Турции. Удалось побывать в Иордании, Болгарии, Канаде, на Кипре, в Румынии. Эти поездки расширили его кругозор, способствовали духовному обогащению, утверждению собственного мировоззрения и гражданской позиции.

В 80-е годы у С. Жилетежева наладились обширные связи с московскими коллегами. Он совместно с драматургом Алексеем Симуковым и режиссером-постановщиком Романом Давыдовым, художником Николаем Ерыкаловым и Александром Винокуровым подготовил фильм, музыку к которому написал известный московский композитор Владимир Кривцов. Фильм шел на трех языках – кабардинском, балкарском и русском – и вызвал большой интерес у зрителей.

В адрес телевидения поступили многочисленные письма из различных городов, районов и сел. Учительница Герменчикской средней школы З. Шогенова писала: «Очень полюбился мультипликационный фильм «Сын камня» всем членам нашей семьи. Большое спасибо его создателям. Фильм получился красочным, выразительным. Благодаря ему дети заново перечитали сказки о нартах, заставили бабушку рассказывать все легенды, предания, которые она помнила. Такой же интерес к нартским сказаниям стала наблюдать и среди учащихся, а ведь это очень хорошо. Их герои – нарты – люди благородные, справедливые, а дети всегда мечтают стать такими, стремятся и у себя выработать такие качества. Было бы очень хорошо продолжить сказку «Сын камня». Таким же зрелищем, «мультиком», стала бы и легенда о том, как Сосруко вернул нартам огонь».

Таких высказываний о фильме Саладина Жилетежева можно привести множество. Отзывы о его фильмах были опубликованы в таких престижных изданиях, как «Советский экран», «Советская культура», «Альманах киносценариев», в киноинформационных сборниках «Новые фильмы», «Экран детям», в журнале «Дон», а также в Турции, в городе Анкаре. Следует подчеркнуть, что Саладин Жилетежев перевел на кабардинский язык произведения классиков мировой культуры Шекспира, Пушкина, Лермонтова, а также балкарских поэтов Саида Шахмурзаева, Кайсына Кулиева, Муталипа Беппаева и многих других.

Произведения С. Жилетежева переведены на русский, балкарский и турецкий языки. Он был автором перевода, продюсером и режиссером дубляжа 38 мультипликационных фильмов, переведенных с русского на кабардинский и балкарский языки. По его переводу в кабардинском театре по пьесе В. Мережко поставлен спектакль «Женский стол в охотничьем зале». По его сценарию были сняты три серии

телевизионного художественного фильма «Во имя любви» и сделана экранизация рассказа основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова «Во имя жизни».

В народе особенно популярны песни Саладина Жилетежева: «До свидания, школа», «Розы Долинска», «Мама, папа, нана, дада» и другие. Их исполняют около пятидесяти лет известные певцы республики. Они часто звучат на радио и телевидении. На слова С. Жилетежева кабардинскими и балкарскими композиторами созданы десятки песен. Все это свидетельствует о признании разностороннего дарования и таланта Саладина Хамзетовича народами Кабардино-Балкарии.

Жилетежев является автором 12 сборников поэзии, прозы, им написаны два романа. «Корни и ветви» – эпическое повествование о жизни и деятельности кабардинского просветителя Локмана Кодзокова, сыгравшего прогрессивную роль в истории горских народов Северного Кавказа. Другой роман – «Посол белого царя» – об общественно-политической деятельности и трагической гибели Александра Петровича Бековича-Черкасского – сподвижника Петра Великого, географа, естествоиспытателя, автора карты Каспийского моря, проложившего путь в Среднюю Азию, который сыграл большую роль в русско-кабардинских отношениях XVIII века.

Саладину Хамзетовичу присуждено звание «Отличник телевидения и радио СССР». Он награжден Почетной грамотой главы республики и является членом трех творческих организаций: Союза писателей, журналистов и кинематографистов Российской Федерации.

Еще со времен античного мира к Кавказу проявляли огромный интерес и как к уникальному геокультурному пространству, и как к территории, важной в военном отношении. Об этом писали географ Страбон и историк Плутарх.

Этой теме посвящена поэма Саладина Жилетежева «Мухаджирство», рассказывающая о трагической истории Кавказской войны. В первой части поэмы, которая называется «Зеркало истории», автор сумел глубоко раскрыть жестокость бессмысленной войны. Поэтому нельзя читать без волнения и содрогания души строки, в которых описывается, что происходило с горскими народами во второй половине XIX столетия.

Поэму на русский язык перевел Александр Пряжников. Написана она на основе глубокого знания трагической истории изгнания адыгских народов из этнической колыбели. В ней слышны стоны родной земли, плач, рыдание стариков, старух, крик и страдание матерей и детей. Хмурыми стали окутанные черными облаками вершины Кавказских гор, небосклон тускнел, услышав стоны людей. Об этом с болью говорится в поэме:

Просторы солнечных степей
Наполнились тоской и плачем
Адыгских жен и матерей.

Автор сумел показать общенародную трагедию гибели тысяч людей и исчезновения убыхского народа из этнографии человечества в годы Кавказской войны.

«Мухаджирство» – пожалуй, самая крупная поэма, написанная в последние десятилетия. В ней автор показывает твердый дух, стальную волю и несгибаемый характер народа на крутых поворотах истории. В этом суть содержания и значимость поэмы Саладина Жилетежева.

Поэма была опубликована на балкарском языке в газете «Заман» в сентябре 2008 года в переводе Оюса Уянова. У балкарских читателей она получила широкий отклик. Кабардинский народ испытал изгнание из своего отчего края в XIX веке, а балкарцы пережили трагедию выселения из своей этнической колыбели в первой половине XX столетия. Поэтому балкарцам понятны боль и страдания братского кабардинского народа.

Вторая часть поэмы называется «Плач волны». Слезы людей ручейками текли в море, когда исчезли с горизонта родные берега и вершины гор. В этой части поэмы есть потрясающие строки:

Шумит, волнуется пучина.
Бунтует ночи напролет,
И величавая картина
Перед глазами предстает.
Волна – не просто водный странник,
Борьба – ее насыщенный хлеб,
И море нас зовет и манит,
И поднимают по пути
На гребне души малодушных,
Чтоб их к Кавказу отнести.

В третьей части поэмы «И сегодня на чужбине» есть строки, которые звучат набатом. В них слышны голоса седобородых стариков-мудрецов. Простирая руки к небу, они кричали: «О, Всевышний Аллах! Почему такая жестокая кара? В чем мы провинились перед тобой? Помоги нам, Всевышний!»

Заключительная часть поэмы оказывает большое психологическое воздействие на сознание людей. Здесь слышны голоса ушедших из жизни людей и наших современников, потомков мухаджиров.

На основе этой поэмы можно снять документально-художественный фильм, который будет иметь не только большое познавательное, но и культурно-историческое значение. Как известно, сейчас кабардинцы живут в 49 странах мира, почти на всех континентах. Такой фильм мог бы громко прозвучать в современном информационном пространстве и способствовать укреплению связей с соплеменниками.

Кадир ШОКУЕВ,
философ, культуролог, критик (КБГУ)

ТВОРИТЬ СЕБЯ...

Хасан Тхазеплов – известный кабардинский поэт. Ему исполняется 70 лет. Он пишет на родном и на русском языках. Я выделяю этот момент для того, чтобы подчеркнуть, что поэт талантливо умеет выразить себя на обоих языках.

Начало XXI века, как и конец XX, не уменьшило проблем не только общечеловеческих, но и сугубо личностных. Разломы века остро ощущаются поэтом, и эти разломы концентрируются в единой точке – в точке «Я». Потому что эти разломы чреватые экзистенциальными последствиями не только для всего мира, но и для отдельного человека, индивида.

Жестокость нашего времени не может не ранить поэта. Поэт пытается понять пружину происходящих катаклизмов, не растеряться в стремительном вихре глобальных перекосов в современной цивилизации, найти единственную точку опоры, на которой человек смог бы устоять, удержаться, не уронить себя.

Поэт сумел определить свою индивидуальность, может быть, даже правильнее сказать – почувствовал свое поэтическое стояние в отношении к миру.

Который раз человечеству предрекают конец света! Конец света не будет до тех пор, пока у человека будут проблемы, пока он будет вопрошать себя: кто я? и – зачем я? Говоря по-другому, пока он не исчерпает себя как познающее существо. Настанет ли такой момент в развитии человека и человечества? Нет! Потому что эти вопросы имеют одно негасимое свойство самопорождаться, на каждом витке социальных изменений возникать с новой силой и императивностью. И, в конце концов, решение принадлежит не компьютеру, как сказал крупнейший психоаналитик и философ Эрих Фромм, а человеку. Компьютер может предложить ряд возможностей, а решение будет принимать сам человек, и никто другой [1, 256].

Общечеловеческие вопросы регулярно возникают с разной степенью остроты и требуют неременного ответа. А это связано с самопознанием, с самопостижением человека. Может показаться, что эта проблема легко решаема каждым индивидом. Но такая легкость характерна для людей безответственных и, я бы сказал, просто беспечных.

Хасан Тхазеплов ищет ответ на самые глубокие вопросы человеческого существования, но, прежде всего, поэт хочет разобраться в себе самом.

Он трагически ощущает ситуацию, в которой оказался и из которой нет простого выхода.

*И в себе я разрываюсь
Меж добром и между злом.
И порою я скрываюсь,
Находя в себе разлом [2, 30].*

Сумеет ли поэт скрыться от этого разлома, в силах ли он это сделать?..

Находясь в состоянии «между», автор может испытывать только губительное чувство разрыва-разлома.

Поэт хочет пробиться к глубинам самостоянья. Ему надобно найти себя, определить свое «эго», понять муки несчастного сознания [см. об этом 3]. А это возможно только через самопознание.

Мир жесток, и человек постоянно находится в авантюре перманентных изменений, крушений и катастроф.

Человеческая личность в современном мире находится под постоянной угрозой фрагментации, раздробления и расщепления. Эта фрагментация выражается в самых изошренных и жестоких формах – убийство, террор, разбой, насилие над детьми и т.д. Перефразировав известные стихи, можно сказать: все возрасты насилию подвержены. Наверное, поэтому однажды у А. Камю вырвалось: если Бог создал этот мир, презирайте и его. Но презренье – не выход. Тхазеплов предлагает выход в самопознании. Но у него неожиданный ход:

*Бог подарил унижение земное,
Чтоб распознать в унижении себя... [2, 31].*

Унижение поэтом понимается не буквальным текстом, оно получает свою интерпретацию:

*Чтобы деяние это святое
Не позволяло вам жить, не любя! [там же].*

Деяние это святое (= унижение) как предупреждение, не позволяющее жить, не любя. Унижение – это жить, не любя. Это стихотворение вообще интересно и сложно всей своей фактурой – и по логике, и по движению художественной мысли, и по эстетическому ощущению, и по психологическому «нагреву». Движение мысли идет от частного к общему, от конкретного «я» к размытому «вам». Стихотворение начинается так:

*Бог подарил унижение земное
С тем, чтоб духовность я снова собрал!
Все, что во мне накопилось дрянное,
Чтобы я детям не передал! [там же].*

Далее по-достоевски больно:

*Вы умножаете детские стоны,
Как во грехе вам не боязно жить?!*

Унижение здесь, мне кажется, следует понимать как необходимость собирания расщепленного, того, что потеряло свою цельность и целостность («собрать духовность»). Разве потеря духовности не есть распад, унижение?!

Но чтобы восстановить единство духовности (то, что наше общество потеряло сегодня), человек сначала должен распознать себя (= познать!) через страдание-унижение. Но через это должны пройти все и должны помнить все.

Это – предупреждение, повторю еще раз:

*Чтобы деяние это святое
Не позволяло вам жить, не любя!*

У Тхазеплова обращение к Богу есть не молитва или покаяние (которое нередко превращают в суесловие), а для того, чтобы понять себя и мир:

*Я пути на небо строю,
Чтобы мир понять скорей [2,30].*

Но сознание есть «плод моего чутья», «В пути самопознания / Себя в себе твори».

Самосотворение, обретение самости – цель философско-эстетического поиска поэта.

Каждое отдельное произведение есть поэтическое состояние автора, его гулкой отзвук на зов мира. Все это есть его субъективность. Кажется, С. Моэм сказал, что личность актера есть совокупность всех ролей, которые он сыграл. Проецируя это на поэзию, можно сказать, что субъективность поэта есть каждое его произведение, его поэтическое состояние, в результате чего складывается доминанта творческой личности. Что здесь есть? Что там будет? – «Словами Неба говорит Хасан». Бог, к которому обращается поэт, выступает многолико, всежизненно. Бог у него именуется как Дарящий, Дящий, Всевышний, Небодержец, Душесвет.

Кто бы какой бы веры ни придерживался, не так уж и важно. Главное –

*Разнесите Веру по земным дорогам,
Чтобы свет Всевышнего виден был окрест [2,6].*

Поэт постиг одну Истину:

*Верь Всевышнему и благо,
Не давай хулить устам.
Верь в душе и верь без страха,
Чтоб не стало страшно Там... [2,10].*

Предположу, что в поэзии есть жанры, форма которых диктуется возрастом, точнее мудростью, обретенной годами. Может, я ошибаюсь, но я бы отнес к таким жанрам рубаи. История восточной поэзии, думаю, это подтвердит. И меня убеждает в этом книга стихов-рубаи Тхазеплова Х. «Алмазная башня» (Нальчик: Эльбрус, 2009). Я солидарен с мнением доктора философских наук, профессором С. И. Эфендиевым, сказавшим в предисловии к этой книге, что Тхазеплов унаследовал традиции рубаи в мировой поэзии.

Лаконичность, стилистическая отточенность, глубокомыслие, намеки, лукавый юмор – все это характерно для рубаи Хасана Тхазеплова. Можно привести массу рубаи из его «алмазной» книги в подтверждение сказанного. Я не стану этого делать, но меня возвращают к названию моей статьи строки поэта:

*Есть люди, неспособные стать другом иль врагом,
Они такие милые с улыбками кругом,
У них враждебность скрытая, а доброта кисла,
И даже прозорливому невнятны их дела [4, 59].*

Добавлю еще:

*Лицемерное лобзанье убивает сладким сном,
Так что льстите, обожайте – но к лицу лицом.
Не сумеете – трудитесь, труд вам даст и хлеб, и квас,
А потом умнейте тихо, чтобы лесть ушла от вас [4, 59].*

Лесть, лобзанье, обожанье – как нередко человек становится жертвой этого самоунижения! И императив поэта – найти мужество «распознать в унижении себя...» и не разрушиться как личность, творить себя...

Литература

1. Фромм Э. Психоанализ и Этика. М.: Республика, 1993.
2. Тхазеплов Х. Между Богом и мной. Стихи и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 1993.
3. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля. СПб.: Владимир Даль, 2006.
4. Хасани. Алмазная башня. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 2009.

ПОВЛИЯВШИЙ НА ВРЕМЯ

«Развитие в Кабардино-Балкарии шло без хаотических срывов и катастрофических потрясений плавности и постепенности перехода к новым формам государственного управления, а главное – без превращения насилия в определяющий фактор изменений. В результате, переходный период предстаёт как внутренне единый, относительно целостный и завершённый в политическом отношении». Это выдержка из монографии историка, публициста, члена Союза журналистов и писательского сообщества Кабардино-Балкарии Владимира Кудаяева «Курсом политических преобразований», которая удостоена государственной премии Кабардино-Балкарии, а научное сообщество присудило её автору учёную степень кандидата исторических наук.

В. Ж. Кудаяев

В день шестидесятилетия Владимир Кудаяев признавался, что считает эту работу вершиной своей деятельности, потому что в ней отражены его убеждения, дан всесторонний анализ переломному моменту в истории страны. В ней заключён самый яркий и насыщенный период его жизни, когда каждый день был до краёв наполнен идущими от души эмоциями и переживаниями за судьбу народа и родины.

«Тогда всё совпало. Я делал дело, которое любил, писал о том, во что искренне верил, и почти мгновенно реагировал на любые негативные вызовы реальности. Дух времени давал возможность проявить себя, я смог состояться и как журналист, и как историк, – в этих словах Владимира Кудаяева аккумулирована вся идейная составляющая его личности, то, чему служил, занимая должности в структурах государственной власти и на «вольных хлебах» журналистики. Главная из них гласит: «Нет ничего дороже мира и согласия в обществе, дружбы и готовности выслушать мнение оппонента, так как только в этих условиях может родиться коллегиальное и взвешенное решение, способное предотвратить непримиримую конфронтацию».

По словам В. Кудаяева, в этой духовной традиции он был воспитан своим отцом, её хранили односельчане, уважающие размеренность, неторопливость и умение с ясной головой выбирать дорогу в жизни. Она известна всем горцам старшего поколения, имевшим такую силу духа, которая позволяла им владеть собой даже в самых конфликтных ситуациях.

Владимир Кудаяев признаётся, что историк и журналист в его душе никогда друг от друга не отдалялись. После окончания средней школы селения Нижний Курп Терского района он выбрал историко-филологи-

ческий факультет КБГУ, в журналистику пришёл после комсомольской работы. В «Кабардино-Балкарской правде» возглавил отдел по идеологической работе.

Время, по словам Кудаяева, самое загадочное и непостижимое, что только есть в жизни. «Это лишь кажется, что его делают только люди и от них зависит, каким ему быть. Настоящее время – самое трудное, что поддаётся определению, так как ты являешься частью его и потому его примет не замечаешь. Мне повезло, потому что пик моей творческой деятельности пришёлся на острый момент, когда нужно было так быстро реагировать, чтобы опережать вихрь событий и хоть как-то на них влиять. Без всяких преувеличений, в такие исторические моменты, когда никто точно не знает, от чего отказаться, а что следует сохранить, слово имеет очень большой вес. Оно способно или образумить, остудив горячие головы, или же, напротив, разжечь до небес костёр противостояния. Переломный, он же исторический и он же судьбоносный, – всё это достаточно легко определяется, когда чувствуешь, что стоишь на очень тонкой грани между гибелью и спасением, не зная, что именно приведёт к тому или иному исходу. Но если изначально человек не склонен к поспешным действиям, не приемлет никаких крайностей, в которых видит угрозу уничтожения всего, то выбор, что предпочесть, чему служить и что защищать, заранее предопределён системой ценностей, которая закладывается в каждого из нас с момента рождения».

Призыв не терять голову, помнить об исторически сложившихся реалиях, проверенных временем, звучали почти во всех выступлениях Кудаяева-журналиста в «Кабардино-Балкарской правде». «Легко ли свергнуть власть?», «Лодку желательно сильно не раскачивать», «Миф о полновластии Советов», «Аллах вам судья, братья», «Объективность через призму заинтересованности», «Хасэ: парламент или трибунал?» – далеко не полный, но наиболее показательный перечень тем, в которых превалировала единственная забота автора, о которых он сказал в своей книге, посвящённой первому президенту республики Валерию Кокову. Она издана в 2006 году, чтобы увековечить память о том, кто сумел сохранить мир в раздираемой на части Кабардино-Балкарии, кто имел мужество отказаться от власти ради разрядки взрывоопасного напряжения, действовал, подчиняясь всё той же кавказской традиции – мир дороже всего, он должен обеспечиваться в первую очередь.

«Путь, который избрал В. Коков, – пишет Кудаяев, – это мир в кольце войн, это путь на перепутье, который нужно было увидеть, на который нужно было встать и с которого нужно было не сворачивать ни при каких обстоятельствах, соблазнах и искушениях. Новый путь был продолжением старого – быть вместе с Россией, привносить в эту дружбу свою неповторимую индивидуальность, которой во все времена восхищались гости Кавказа. А то, чем восхищаются без всяких приказов и повелений, само собой покоряет душу и сердце. Дружба не предаётся, верность не имеет сравнительных степеней, на чужие плечи ответственность не перекладывается. Это норма и закон для всего Кавказа, для адыгской традиции и для всех честных людей».

Рассказывая, как создавался институт пресс-службы первого лица республики (Кудаев был первым журналистом, которому предложили должность пресс-секретаря), Владимир признаётся, что для него не было особых проблем в выстраивании взаимоотношений с его окружением: «Комсомол, работа в Президиуме Верховного Совета КБАССР дали мне практические навыки соблюдения необходимой дистанции с вышестоящими. Трудность заключалась в другом: первые лица советского государства относились к себе только как к партийным деятелям. Всё, что не касалось их непосредственной профессиональной деятельности, для общества было закрытым. Изменить эту установку, когда дело признавалось единственным, о чём нужно и можно было говорить, удавалось с величайшим трудом. Все попытки столичных журналистов взять, к примеру, интервью у супруги Валерия Кокова или в беседе с ним затронуть какие-то, не имеющие прямого отношения к его обязанностям вопросы, натыкались на неизменное «нет» или «это всё ни к чему и лишнее».

В пресс-службе первого президента республики В. Кудаев проработал 14 лет. Даже тогда, когда он занял должность заместителя министра печати и массовых коммуникаций, в его задачу входило информирование СМИ о работе правительства и Главы республики. Он считает, что без того, чтобы не разделять всех убеждений своего руководителя, невозможно добиться единства интересов, когда любое задание воспринимается как соответствующее твоим личным целям.

«Власть сама по себе обладает авторитетом, требующим безоговорочного почитания. Но когда в неё приходят авторитетные люди, заслужившие его своим интеллектом, образованием, другими выдающимися способностями, то окружение уважает не только саму должность, но, в первую очередь, личность того, кто её занимает. В 2005 году Владимира назначили главным редактором газеты «Кабардино-Балкарская правда». Тогда же в издательстве «Эльбрус» была издана книга воспоминаний о Тимборе Мальбахове, возглавлявшем республику 29 лет, где о нём вспоминали его соратники и были опубликованы самые знаковые его выступления на пленумах, совещаниях, заседаниях бюро. Одним из авторов проекта был Владимир Кудаев.

Все изданные им книги рассказывают о людях, достойных уважения: «Своя строка в историю», «Говорил тихо, слышали все», «Человек долга и чести», «Гордость республики». Он считает своим долгом увековечить образ их жизни, где всегда есть система морально-нравственных ценностей.

Друзья и родные Владимира Кудаева говорят, что он один из немногих современников, кому всегда есть дело до проблем близких. Он говорит, что считает себя счастливым человеком не только потому, что многое, о чём он мечтал, уже сбылось, но и от того, что есть желания, которые только ждут своей реализации.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

У каждого, кто в мир явился,
Есть путеводная звезда.
Чтоб человек не заблудился,
Укажет путь ему всегда.

И тот, кто следует дорогой,
Указанной его Звездой,
И держится морали строгой –
Не будет обойден судьбой.

Он сможет радостно и смело
Все трудности преодолеть
И, взявшись за любое дело,
В дальнейшей жизни преуспеть.

Ему не нужно унижаться,
Ни лгать, ни льстить, ни воровать.
Он будет честен и стараться
Трудом свой имидж поднимать.

А если с ним его подруга
Или хорошая жена,
Когда ему придется туго –
Беду разделит с ним она.

Тогда семь бед ему не горе,
Вдвоем сумеют одолеть
Невзгод бушующее море
И жизненных ловушек сеть.

Закончит каждый путь свой бранный
На нашей матушке-земле,
И человек с душой бессмертной
Подумать должен о душе.

В алмазных россыпях небесных
Я отыщу свою Звезду.
Настанет день, и светом ясным
С небес на землю я сойду!

МИХАИЛ ДОХВИЦКИЙ

ГРОМОВЫЙ ГУЛ
ПОИСКИ БОГОВ

***

В книгу вошли две повести, обе прожили странную жизнь. Написанные в советские годы, они с трудом пробились в печать. Все центральные издания отказались их публиковать, и только в Грузии, в то время оплоте относительной свободы, обязав автора «исправить» кое-какие главы, их выпустили в свет (сначала «Громовый гул», затем «Поиски богов»). Несмотря на «отдаленность» периферийного издательства книги имели большой резонанс в стране и особенно на Кавказе. Со времен «Хаджи-Мурата» Л. Н. Толстого такого взгляда и позиции в отношении Кавказа в русской (и тем более советской) литературе не было. Если бы нынешняя власть почитала, подумала, попыталась понять... может быть, многих трагических историй, произошедших и поныне происходящих на Кавказе, можно было бы избежать. Поэтому нам кажется, что актуальность этих произведений только возросла, сегодня они еще более востребованы и необходимы. Не будем проводить никаких параллелей между генералом Ермоловым, князем Барятинским и сегодняшней властью. Догадливый читатель поймет все сам.

Краткая аннотация издательства

Краткая аннотация издательства

***

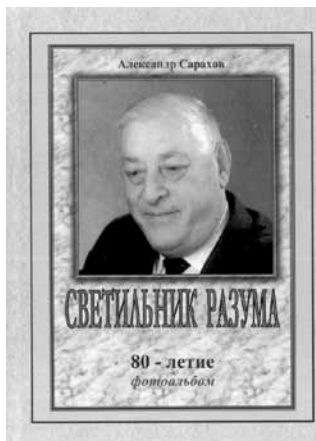
*Народы, как и люди, разные,
но объединяет нас одно – то, что мы люди.*

Ю. Калмыков

По решению Международной Черкесской Ассоциации 2014 год объявлен годом Юрия Калмыкова. Это связано с тем, что в этом году Юрию Хамзатовичу исполнилось бы 80 лет со дня его рождения.

К 70-летию Юрия Калмыкова мною была издана книга «Друг мой Юрий». В этом году издал фотоальбом, который посвятил 80-летию со дня его рождения. Юрий Хамзатович прожил хоть недолгую, но добрую жизнь, и оставил большой след в науке и политике страны. У нас была большая дружба, начинающаяся еще с совместной учебы в Саратовском юридическом институте. Дружба и общение с ним оставили большой след в моей жизни. Он был поистине великим сыном России. Юрий Хамзатович жил и трудился ради благополучия страны. Профессор Ю. Агирбов справедливо назвал его Прометеем адыгского народа.

После окончания учебы наша дружба продолжалась. Он бывал у меня в гостях, я по-

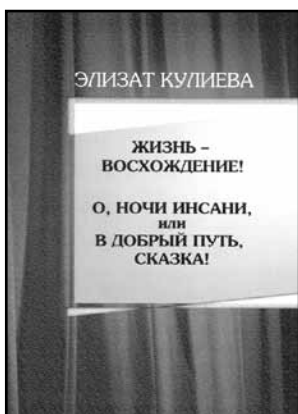
казывал ему достопримечательности Кабардино-Балкарии. Переписывались часто, он присылал мне свои книги, а я ему – свои.

К юбилею Юрия Хамзатовича мне удалось собрать много фотографий, хотя они не являются исчерпывающими. В Саратовской юридической академии (новое название юридического института) имеется аудитория имени Юрия Хамзатовича Калмыкова, – дань уважения ему. Он был избран депутатом Верховного Совета СССР, где возглавлял Комитет по законодательству. Это было признанием его как личности, как ученого-юриста, как человека. Он также работал министром юстиции Российской Федерации, возглавлял Конгресс кабардинского народа, был первым президентом МЧА.

Калмыков – создатель ныне действующего Гражданского кодекса Российской Федерации.

Александр Сарахов

***

В книгу вошли драматические произведения Элизат Кулиевой. Героико-эпическая драма «Жизнь – восхождение!» воссоздает страницы биографии выдающегося балкарского поэта Кайсына Кулиева. Пьеса-сказка построена на сказочном сюжете, но поднимает серьезные проблемы – человеческого достоинства, предназначения людей, выбора ценностных ориентиров.

Элизат Эльбаевна Кулиева (Кульбаева) – заслуженная артистка Кабардино-Балкарии, академик Международной академии творчества.

В 1957 году, вернувшись на родину после 13 лет трагической депортации, Элизат пришла в балкарский театр, а через год уехала на учебу в Театральное училище им. М. С. Щепкина. Она была занята во всех дипломных спектаклях.

На премьере «Отелло» в Нальчике Кайсын Кулиев, осуществивший перевод гениальной драмы Шекспира на балкарский язык, был так тронут ее игрой, что не сдержал слез. Спустя годы Кайсын предложил Элизат руку и сердце. Оставив театр, актриса переехала в Чегем, где полностью посвятила себя балкарскому гению.

После смерти Кайсына в 1985 году, она вернулась в театр, где стала заведовать литературной частью, пробовать себя в драматургии. Опыт литературной работы к этому времени был накоплен немалый – к 85-летию К. Ш. Кулиева вышла книга (воспоминания, дневники, письма) «Мой гений, мой ангел, мой друг». В книгу «Ум, окрыленный свободой», подготовленную Элизат, вошли неизвестные статьи, воспоминания, письма поэта.

На сцене балкарского театра с успехом прошли постановки двух пьес Э. Кулиевой.

Произведения, вошедшие в данное издание, переведены на русский язык автором.

В номере:

<i>К 100-летию А. П. Кешокова</i>	2
<i>Борис Зумакулов.</i> Он был прост, как правда, и велик, как Эльбрус. <i>Очерк</i>	7
<i>Анжела Мусукаева.</i> О поэтике романной прозы... <i>Статья</i>	9
<i>Анатолий Емузов.</i> Алим Кешоков в стране семи чудес. <i>Очерк</i>	15
<i>Анатолий Парпара.</i> Река поэзии живой. <i>Очерк</i>	22
<i>Арина Вологирова.</i> Тема судьбы народа и отдельной личности в творчестве писателя А. Кешокова. <i>Статья</i>	24
<i>К юбилею Танзили Зумакуловой</i>	28
<i>Зейтун Толгуров.</i> Верность общественному долгу. <i>Статья</i>	29
<i>Муталип Беппаев.</i> Королева слова – Танзиля. <i>Статья</i>	34
<i>Залимгери Мирзоев.</i> Танзиле Зумакуловой. <i>Стихи</i>	43
<i>Елена Тохтамышева.</i> Беларусь благодарна и помнит своих освободителей. <i>Статья</i>	44
<i>Павел Сидорук.</i> К 70-летию освобождения Беларуси. <i>Статья</i>	47
<i>Встреча в Махачкале</i>	50
<i>Мариян Шейхова.</i> <i>Стихи</i>	56
<i>Магомед Насрулаев.</i> <i>Стихи</i>	61
<i>Ольга Голубева.</i> <i>Стихи</i>	66
<i>Константин Ефетов.</i> <i>Стихи</i>	71
<i>Дарья Шомахова.</i> Моя Ланочка. Папа Олежек. <i>Рассказы</i>	75
<i>Алена Чернова.</i> Поэты в погонах. <i>Очерк</i>	84
<i>Залимгери Мирзоев.</i> <i>Стихи</i>	86
<i>Алена Чернова.</i> <i>Стихи</i>	89
<i>Анна Ширинова.</i> <i>Стихи</i>	92
<i>Валерий Шипилов.</i> <i>Стихи</i>	93
<i>Стелла Галачиева.</i> <i>Стихи</i>	95
<i>Алексей Дербабя.</i> <i>Стихи</i>	97
<i>Виктория Бешева.</i> <i>Стихи</i>	98
<i>Мадина Тезадова.</i> <i>Стихи</i>	100
<i>Рустам Кушев.</i> <i>Стихи</i>	101
<i>Марина Биденко.</i> Гумар Мирзаканов: верность долгу. <i>Очерк</i>	102
<i>Аслан Эржибов.</i> Брат мой, Султан. <i>Очерк</i>	107
<i>Михаил Черкесов.</i> <i>Стихи</i>	110
<i>Ирина Вольская.</i> О роли личности в истории одного факультета. <i>Очерк</i>	114
<i>Али Сафар.</i> Краткий обзор новейшей отечественной литературы. <i>Статья</i>	119
<i>Анжела Мусукаева, Милана Умова.</i> Исследователи о вопросах взаимовлияния фольклора и национальных литератур в начале XX века. <i>Ст.</i>	130
<i>Елена Куянцева.</i> «Горькая» любовь Инны Кашежевой. <i>Статья</i>	134
<i>Владимир Зарубин.</i> <i>Стихи</i>	138
<i>Светлана Шарданова.</i> Эхо далекой войны: судьба братьев Кантемировых <i>Очерк</i>	142
<i>Владимир Кудяев.</i> На службе света и добра. <i>Очерк</i>	148
<i>Салих Эфендиев, Фуад Эфендиев.</i> Разносторонний талант Саладина Жилетежева. <i>Статья</i>	152
<i>Кадир Шокуев.</i> Творить себя... <i>Статья</i>	157
<i>Зинаида Мальбахова.</i> Повлиявший на время. <i>Очерк</i>	161
<i>Виталий Помонд.</i> <i>Стихи</i>	164
<i>Книжные новинки</i>	165

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.07.14. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 10,5.

Тираж 2100 экз. Заказ № 149. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
